

№1(14)
2019

РЕДРУД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Денис Назаров

Олег Кожин

Владимир Ромахин

Алексей Жарков

Евгений Абрамович

Петр Перминов

Мария Малухина

Юлия Саймоназари

Валерий Тищенко

Станислав Минин

СЛОВО РЕДАКТОРА

Чудовища спящего разума

Мария Артемьева,
главред «RedRum»

220 лет назад в Испании художник по имени Франсиско Гойя выпустил серию офортов с общим названием «Капричос» (ит. capriccio — каприз). Эти мрачные рисунки настолько противоречили всему, созданному Гойей ранее, что возникли слухи о некой ужасной болезни, постигшей живописца, одним из последствий которой стала глухота.

«Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений», — этой фразой Гойя сопроводил одну из картин своего альбома.

Эти офорты Гойи были моментально запрещены инквизицией. Художник вскоре удалился от света. Перед смертью в своем «Доме глухого» он изрисовал стены еще более мрачными и загадочными «Черными картинами», среди которых — жуткий «Шабаш ведьм» и кошмарный «Сатурн, пожирающий своих детей»...

Что хотел сказать людям испанский гений, излишне натуралистично изображавший жестокость, зверство и темное безумие своего века, уродство страстей и пороков? Кто знает?.. Ни одно творение невозможно объяснить полностью — искусство лишь ставит вопросы, а ответить на них может только сам человек, его совесть, душа и разум.

Этот номер мы посвящаем безумию и чудовищам, им порожденным.

Содержание

Денис Назаров	Петр Перминов		
«ГОДНЫЙ КОНТЕНТ»	1	«ВРЕМЯ ВДОВ»	69
Олег Кожин	Мария Малухина		
«РАСТВОРЕННЫЕ»	13	«БЕЙБИ БЛЮ»	91
Владимир Ромахин	Юлия Саймоназари		
«МУСОРЩИК»	27	«ПИТОМЦЫ»	107
Алексей Жарков	Валерий Тищенко		
«ДЕНЬ ЗАРПЛАТЫ»	44	«НАДО СЛУШАТЬСЯ РОДИТЕЛЕЙ»	121
Евгений Абрамович	Станислав Минин		
«КОРИДОРЫ»	48	«НОЧЬ ПЛЕТЕНИЯ»	130

В оформлении номера использованы фотографии Марии Артемьевой (стр.26, 68) и фотоколлажи Дениса Назарова.

Обложка, верстка, дизайн-макет: Денис Назаров.

Главный редактор: Мария Артемьева.

Зам. главного редактора: Алексей Шолохов.

REDBOOK

© Издательство RedBook
vk.com/redrum_mag

Типография: «Белый ветер»

Дата подписания номера в печать: 13.02.2019

Тираж: 80 экз.

Денис Назаров

Годный контент

План нового дня был расписан заранее.

Готовая еда в холодильнике — только разогреть.

Кружки, тарелки и столовые приборы вымыты.

Камера на штативе.

Свет расставлен.

Чистая одежда на верхней полке шкафа.

Осталось лишь принять вертикальное положение и отбросить остатки сна — вот самая тяжелая задача.

Сделано.

Макс выпил кофе, почистил зубы, оделся и разогрел макароны с котлетой. Включил камеру, поздоровался со зрителями и принялся есть.

Медленно пережевывал еду. Ни слова не произнес, пока не доел последний кусок котлеты. Затем попрощался и выключил камеру.

Видео он решил загрузить вечером. Возможно, придется вырезать неудачные моменты. Кажется, он пару раз чавкнул.

Смартфон на столе проиграл короткую мелодию. Новое сообщение. Макс не стал проверять. Поднялся из-за стола и побрел в ванную.

После освежающего душа он долго смотрелся в зеркало, решая, стоит ли сбрить щетину или все-таки начать отращивать бороду. Остановился на первом варианте. Смена образа, конечно, привнесет новизны, но подписчики могут не оценить, а это риск, который сейчас совсем не нужен, риск — это потеря денег.

После душа заглянул в смартфон. Средства поступили на расчетный счет. «Короли кетчупа», как про себя их называл Макс, наконец-то перевели вторую часть оплаты за рекламу.

Затем он долго листал ленту канала в Telegram, посвященную криптовалютам — сегодня курсы всех топовых монет валились вниз, очередные невеселые новости из Китая негативно отразились на биткоине, а когда валился биток, валилось все, кроме настроения Макса. Он

давно привык спокойно относиться ко всем этим взлетам и падениям.

Он вообще ко всему привык относиться спокойно. Или безразлично?

Еще пару лет назад если бы кто-то сказал Максу, что свое существование он будет обеспечивать поеданием пищи на камеру, он бы только посмеялся. Но иногда реальность оказывается куда безумнее вымысла. Конечно, многие говорили, что бессмысленные видеоблоги только набирают популярность, но Макс в эту тенденцию не верил. Какое-то время ему казалось, что формат лайфстайла стремительно отживаёт свое. Люди вроде бы оценили более серьезный контент. Видеоблогинг повзросел, и Макс всерьез задумывался о смене формата на что-то поинтереснее бесконечных топов, которые хоть и набирали немало просмотров, но в последнее время только попусту отнимали силы.

Топ 10 фильмов ужасов.

Топ 10 опасных животных

Топ 10 заброшенных мест.

Топ 10 попыток найти смысл жизни...

Однажды все это перестало быть интересным. Уже никто не смотрел видео дольше 5 минут, о чем бы оно ни было. Словно проснувшись утром, Макс очутился в какой-то иной реальности, где вместо

ощущаемых ранее важных вещей и смыслов его окружали только знаки и символы. Чем дальше, тем больше это походило на дурной сон сновидца, которого на самом деле нет. Быть может, не так уж и неправ Бодрийяр.

Размышления о смене формата стали медленно перетекли в идею о полном уходе из видеоблогинга. Он вдруг всерьез стал подумывать о том, чтобы подыскать обычную работу и даже сходил на пару собеседований, но все это ему не понравилось. Все было не то. Мысль вернуться в офис после стольких лет свободного плавания угнетала. К счастью, одно из старых вложений в криптовалюты спустя два года вдруг принесло неплохие плоды, и Макс целий год жил, не делая новых роликов. Он закинул часть полученных на росте курса средств на биржу в желании немного приумножить капитал, но быстро понял, что торговать на бирже у него получается не слишком удачно. Так он рисковал потерять все. Пришлось отказаться от этой затеи.

Максу не нужно было многое, его потребности были довольно скромны, и к концу года денег еще оставалось достаточно. Но текущая ситуация совершенно не радовала: он устал от безделья, устал от собственного бессилия и невозможности занять свое место в бесконечном потоке однообразных видео. Все эти тупые, по его мнению, новые форматы видеоблогов вызывали у него злость и раздражение.

И однажды, дождливым летним днем, эта злость нашла выход. Он смахнул пыль с камеры, поставил её на штатив и записал, как ест. Совершенно бытовое, скучное видео о приеме пищи. Он специально никак не комментировал своих действий, просто поел и выключил камеру, а потом залил ролик на «Ютуб». Это было его личным протестом против сложившейся ситуации. Таким образом он хотел показать людям глупость их трендовых форматов. Он возвел эту глупость в абсолют, чтобы натыкать в неё всех этих блогеров с пустыми видео и миллионами подписчиков — натыкать как котят в то место, где гадить не следует. Но в результате, как это часто бывает, протест сделался новым трендом.

Подписчики и лайки посыпались как из рога изобилия.

Макс злился и негодовал, читая комментарии, требующие продолжать.

Но злость быстро прошла.

И он продолжил.

Макс стал заложником ситуации, которую сам же и создал. Ему было достаточно лишь привыкнуть, просто войти во вкус. После того, как на свежем канале, специально созданном под то самое первое протестное видео, набрались триста тысяч подписчиков, Макс запустил первую прямую трансляцию,

где на протяжении полутора часов медленно поедал разные блюда, прерываясь только для ответов на вопросы подписчиков и просмотры роликов, ссылки на которые они присыпали. На том стриме неплохо донатили, и за полтора часа накапало чуть больше ста тысяч рублей. Львиную долю этой суммы перевел пользователь, скрывающийся под ником *fatphob*, что было иронично, учитывая направленность канала. Хотя Макс не мог назвать себя толстяком, с момента запуска нового канала он набрал уже пять килограмм, и мысль о том, что это не предел, периодически пугала его. Пришлось немного скорректировать привычный образ жизни и начать заниматься спортом.

Макс не любил места с большим скоплением людей, а к ним, конечно же, относились различные спортивные залы и фитнес-центры. Так что занимался Макс тоже через «Ютуб», просматривая популярный канал, пропагандирующий короткие тренировки специально для занятых и склонных к лени людей. Ведущий — спортивного телосложения молодой человек обещал, что для того, чтобы оставаться в форме, будет хватать десяти минут занятий в день, и даже не придется менять пищевые привычки. Как раз этого Максу и хотелось. Но пока тренировки не давали ощутимого результата, и это наводило на мысли, что сам ведущий в поте лица занимается на тренажерах, а своим подписчикам вешает лапшу.

Макс прекрасно понимал, что однообразный формат видео быстро наскучит, а потому постарался разнообразить подход к делу и позаботился о качестве видео. Первым делом приобрел новую камеру и оборудования для освещения. Раньше ему было не так важно появляться в кадре, все силы уходили на качественный звук и монтаж, а свои топы он сопровождал теми видео фрагментами, что имелись в свободном доступе.

Его первые видео были без слов, что придавало им некоторой загадочности, но вскоре он понял — не без помощи комментаторов — что подписчики желают обратной связи. Макс пошел хитрым путем: поначалу он только здороваться с аудиторией в начале ролика и прощался в конце. Потом стал периодически вставлять короткие комментарии, касающиеся не еды, а каких-то совсем отвлеченных вещей. Иногда эти короткие фразы звучали как необычные откровения или результат долгих размышлений над какой-нибудь важной темой — иногда это так и было. Хотя чаще это были высказывания ни о чем, с минимумом смысловой нагрузки. Но это придавало автору ореол загадочности. Часто он снимал, как раньше — совсем без слов. Это даже стало его фишкой. Зрители гадали в комментариях: будут ли какие-то слова в новом видео или их снова ждет молчание. Они ждали его сообщений, некоторые из высказанных им фраз даже становились

мемами. Стремы он старался проводить нечасто. Да, это был хороший способ получить немалые жертвования, но непринужденное общение с аудиторией разрушало атмосферу таинственности.

Макс также ввел конкурсы. Люди голосовали: какое следующее блюдо ему нужно съесть в новом видео, и победитель не только получал видео с поеданием заказанного, но и сигн — фото самого Макса с листочком, на котором был написан ник выигравшего пользователя. Все, что нужно было сделать участнику — задонатить сумму в сто рублей, а из всех жертвователей Макс выбирал случайного победителя.

Чаще всего зрители хотели, чтобы Макс ел что-то экзотическое. Не обходилось, конечно, и без шутников, предлагавших поесть говна, насекомых, земли, тухлых яиц и все в таком духе. Правда, такие шутники лишь теряли деньги. У Макса были правила: этих «доброжелателей» он просто вычеркивал из списка участников конкурса, а деньги не возвращал. Безо всякого обмана! Они прекрасно знали его правила, но все равно продолжали слать идиотские предложения.

С ростом подписчиков появились и рекламодатели. Первыми были «короли кетчупа». Его видео прекрасно подходили для интеграции. Достаточно было полить кетчупом макароны и поставить бутылку с этикеткой в кадр. Обращались с предложениями готовить еду на камеру перед употреблением.

И тут список компаний, желающих прорекламировать себя таким образом был куда шире, но Макс не хотел превращать свои видео в кулинарное шоу. Зато хорошо заходили разные доставщики еды. Тут все было еще проще: ему привозили готовую пиццу, бургеры или роллы, а Макс просто оставлял упаковки на виду, чтобы зрители ни в коем случае не упустили название компании.

Прошлых накоплений, трех крупных рекламодателей и донатов с редких стримов Максу более чем хватало для спокойного существования и даже для некоторых излишеств. Зрители были довольны и хвалили за годный контент. Но в последнее время все чаще, выключая камеру, Макс впадал в ступор и подолгу смотрел в тарелку с остатками еды, ощущая тяжесть в животе и пустоту в душе.

Во вторник Макс поднялся рано и заставил себя выйти на пробежку. За последний месяц он совершенно разочаровался и забросил тренировки по десятиминутной системе, да и пробежки стали настоящим подвигом. Мало того: даже вставать с постели стало невыносимо тяжело. Дело было вовсе не в лени, а в общем упадке сил. Нервы стали ни к черту, подавленное состояние незримым спутником сопровождало его повсюду. Он настолько возненавидел то, чем занимался, что вновь появились

мысли о поиске нормальной работы. Но их он гнал, пытаясь сформировать в голове новый план. План побега. Подальше от этой дурной реальности, где балом правил безумный контент с бесконечными ссорами блогеров между собой, лайфхаками, не способными удивить даже ребенка и прочей пустотой. Образы, красочные ярлыки за которыми — ничего.

И сам Макс был теперь таким же. Казалось бы, все просто: уди с «Ютуба», не смотри эти тошнотворные видео, но он искал хотя бы намек на ветер перемен, пытался уловить тенденцию к улучшению, чтобы встроиться уже в новый формат, несущий хоть что-то полезное... Но с каждым днем становилось только хуже.

Макс с иронией вспоминал, как раньше хвалился, что не смотрит телевизор, что все необходимое находит в интернете, а телевизор — просто помойка с глупой пропагандой и тупыми шоу, где так любят копаться в чужом грязном белье. Он не заметил, как интернет стал телевизором. Зрители никуда не делись: они просто поменяли место, где можно хоть круглосуточно наблюдать за чужими склоками и поджиганием тысячи петард за раз.

Макс решил ограничить себя в расходах, накопить денег и свалить куда-нибудь, где жизнь дешевле, а время течет медленнее. Где ему больше не придется снимать ролики. Надо только немного потерпеть. Поснимать еще полгода и порвать со всем этим.

Эта мысль сделалась его единственной отдушиной, но даже она не спасала от ежедневного упадка сил.

Вернувшись домой, Макс обнаружил новое сообщение в «Telegram». Писал fatphob, тот самый подписчик, что постоянно кидал самые большие суммы на стримах и нередко поддерживал канал, переводя средства на биткоин-кошелек Макса. Он никогда не сопровождал свои пожертвования сообщениями или вопросами, как постоянно делали другие. Насколько помнил Макс, он ни разу не оставил комментария под видео.

«Привет! Давно стрима не было. Давай сегодня пили, я буду. Есть очень важный вопрос.» (12:33)

Макс не планировал проводить сегодня стрим, у него были другие планы, однако, прикинув, что раз уж самый его щедрый подписчик написал лично, можно рассчитывать на неплохое пожертвование.

Подумав минутку, Макс написал:

«Привет! Хорошая идея, я думаю можно начать в 20:00.

Оставлю сообщение в группе, чтобы народ собрался. И да, спасибо, что донатишь:)» (13:04)

«Тебе спасибо! Увидимся на стриме))» (12:33)

Макс открыл вкладку сайта «Вконтакте» и, заходя в свою группу, написал объявление о стриме, прикрепив картинку с сочным бургером, найденную тут же в «Гугле». Затем сделал анонс стрима в

«Твиттере» и в общем чате в «Telegram».

После совершения всех необходимых ритуалов, вспомнил о самом главном: еда! Готовить ничего не хотелось, а на стрим понадобится немало блюд. Поразмыслив, Макс позвонил в доставку, с которой сотрудничал, договорился, что пиццу и бургеры привезут к половине восьмого. Конечно же, они приедут вовремя. Конечно же, для него бесплатно. Ведь сегодня они главные спонсоры трансляции.

Когда все вопросы были решены, Макс направился в душ. Долго стоял под струями теплой воды, размышляя над тем, что за важный вопрос появился у fatphob'а и почему он вдруг, спустя столько времени, решил написать лично? Может, это как-то связано с оттоком подписчиков? Последние две недели отписывались особенно активно. Макс грезил на один канал, решивший снять про него издевательский обзор, обсуждая, насколько туп и лишен всякого смысла его контент (будто их собственный был чем-то лучше). Макс-то хотя бы понимал, что делает полную чушь, а вот они на полном серьезе полагали, что занимаются творчеством. Только все их «творчество» построено на тупых шутках и поливании грязью других блогеров.

Именно эту критическую мысль Макс и высказал в одном из роликов. Он ожидал, что подписчики его поддержат.

На него накинулись зрители канала — люди, столь

независимые от телевизионной пропаганды и столь же легко ведомые всевозможными незнакомцами, научившимися более или менее легко говорить на камеру, — словно стадо овец, накинулись на него с дизлайками и гневными комментариями, а собственные подписчики Макса стали потихоньку уходить.

Но это ничего, к этому он был готов. Главное — продержаться еще немного. Всего полгода, может, чуть меньше, и дело в шляпе.

¶

Макс постоял еще под душем, закрыв глаза, выключил воду, протер веки и с удивлением уставился в стену. Напротив него на светлом кафеле возникло темное пятно аккуратной круглой формы. Макс присмотрелся. Не пятно даже, а будто нарост, кусок чего-то черного, гладкого и блестящего, прилепленный к стене.

Макс протянул руку и осторожно прикоснулся к выпуклой поверхности. Она была гладкой и глянцево-черной, влажной от воды. На ощупь — как резина. Макс надавил на пятно, ожидая ощутить твердость стены, но внезапно его рука прошла дальше, а через мгновение провалился в черноту. Макс в ужасе отдернул руку. На ней ничего не было. Он с любопытством осмотрел палец, но тот был чист. Не осознавая толком, что делает, Макс понюхал палец. Пахло странно, но неожиданно приятно.

Смесью сырой земли и жареного мяса. В желудке тут же заурчало.

— Что за...

Макс перевел взгляд на стену, но пятна не увидел. Оно исчезло.

¶

Макс несколько раз забегал в ванную, чтобы проверить: не появилось ли пятно вновь, но стена оставалась чистой.

Все это не могло быть галлюцинацией. Макс был уверен на сто процентов, что видел и прикасался к странному наросту на стене, но почему от него ничего не осталось? Куда пятно могло исчезнуть?

Нужно расслабиться, приготовиться к стриму и отдохнуть, но мысль о странном пятне не выходила из головы. Чтобы отвлечься, Макс вернулся на кухню, открыл ноутбук и запустил первое попавшееся видео. Какой-то подросток вещал об очередном конфликте одних блогеров с другими. Очень скоро Макс перестал понимать смысл слов: лишь тупо смотрел в экран, но, как ни странно, именно это отвлекало его от мыслей о пятне. И все же чувство страха, во многом — за собственное психическое здоровье, мучало его, холодной хваткой сдавливая грудь.

Захлопнув ноутбук, Макс кинулся в прихожую, наставил куртку, обулся и поспешил на свежий воздух.

На улице воняло тухлятиной. С помойки во дворе

частенько несло, но сегодня запах был особенно тошнотворным. Макс прикрыл нос рукой и поспешил со двора, но, проходя мимо переполненного контейнера с мусором, услышал глухой удар. Макс замер на месте и посмотрел на контейнер. Гора пакетов с мусором пестрила знакомыми логотипами: «Пятерочка», «Семья», «Реаль». Все это чудом удерживалась на месте.

Макс ожидал повторения странного звука, но слышал только тихое копошение, будто в контейнере кто-то рылся. По вечерам к мусорке частенько приходили бомжи или просто бедняки и копались там, обычно в поисках выброшенной одежды или обуви, которая еще может послужить. Но сейчас Макс прекрасно видел, что возле контейнера никого нет, разве что кладоискатель зарылся в мусор. Но, учитывая гору из пакетов, это казалось маловероятным. Может, кысы?

Макс больше не мог выносить отвратительной вони, да и любопытство покинуло его. Он направился прочь, но едва сделал шаг, под кроссовками что-то мерзко и громко чавкнуло. Макс остановился, шагнул в сторону и взглянул. На асфальте в луже с радужными разводами копошились опарыши. Сотни еще живых мелких личинок окружили своих мертвых сородичей по контуру от следа подошвы.

К горлу подступил комок, Макс побежал к арке, стараясь не оборачиваться.

Еду привезли вовремя. У Макса уже было все готово, он несколько раз проверил камеру, микрофон, свет. Разложил еду по тарелкам, снова проверил оборудование. Вышел на балкон покурить, чего не делал уже год. Перед кассой в магазине он долго раздумывал, стоит ли вообще покупать сигареты, но нетерпеливая очередь помогла принять решение. Он опять начал курить, но это было все же лучше, чем думать о личинках в луже, о пятне в ванной, о странном шуме из мусорного контейнера. Казалось, сегодня он проснулся в какой-то иной версии реальности, где происходили странные и пугающие вещи. Макс все больше загонял себя мрачными идеями. Придумывал, что все происходящее — его наказание. Нет, не от бога, в бога он вообще не верил. И не от какого-то безли-кого рока или чего-то подобного. Это он сам наказывал себя, противился собственной роли, которую теперь вынужден играть. Быть может, его мозг отказывается принимать участие в насилии над самим собой?.. Кого ты пытаешься обмануть? Ты же знаешь, что ненавидишь все эти записи с пожира-нием еды на камеру, так какого черта продолжаешь? Беги сейчас! Беги сегодня! Ничего. Главное начать, а там уже все пойдет как по маслу, это точно. Ты же знаешь это по собственному опыту.

Без трех минут восемь Макс уселся за стол и осмотрел блюда. Пицца с богатой начинкой, огромный бургер с мраморной говядиной и луковыми кольцами, роллы «Филадельфия» самых разнообразных цветов. Выглядело все очень и очень красиво, вот только аппетита совсем не было. В животе у Макса будто застрял камень, да еще и воспоминания о личинках в луже вызывали спазмы. А вонь из мусорного контейнера, казалось, преследовала до сих пор.

Но трансляция должна начаться. Просто перетерпеть часик, или даже сорок минут. Собрать немного донатов и свалить.

Он пододвинул тарелку с бургером ближе, приготовил салфетки и запустил трансляцию. Зрители прибывали. Макс проверил связь, убедился, что его хорошо слышно и видно. Сразу сообщил, что сегодня будет рассматривать вопросы только тех, кто зажинет любую сумму и принялся за еду.

Ел медленно, совсем не чувствуя вкуса. Бургер казался пресным. Холодный соус капал на тарелку, луковые кольца воняли старым маслом для фритюра. Что-то с этой едой было не так. Совсем не так... Или с самим Максом.

Первые пожертвования не содержали никаких вопросов, только пара пожеланий не останавливаться и пилить годноту. Один из зрителей зажинул сто рублей, чтобы пожелать Максу отожраться до тонны

и подохнуть. Все это Макс озвучивал на камеру.

Кое как расправившись с бургером, он выпил воды и долго не прикасался к еде, пока не стали прилетать донаты с вопросом: «Чего не жрешь?». Поморщившись, Макс взял из коробки кусок пиццы, откусил немного и принялся жевать.

Звуковой сигнал уведомил о новом пожертвовании. Увидев число на экране, Макс не поверил своим глазам. 300 000 рублей от пользователя fatphob.

Самая большая сумма за всю историю его канала. Под суммой было короткое сообщение.

«Посмотри, что ты ешь».

Макс с недоумением взглянул на тарелку, где лежал кусок пиццы. Да, пицца уже была холодной, но выглядела вполне хорошо, да и на вкус была куда лучше бургера. Так что не так?

— Извини, фетфоб, — сказал Макс, — но я тебя не очень понял. Сейчас я пиццу ем. Уточни вопрос в чат.

И тут Макс отчетливо ощутил тот же мерзкий запах, что и утром у помойки. Это уже явно было не его воображение и не просто воспоминание.

Но fatphob не стал писать в чат. Новый звуковой сигнал уведомил о поступлении еще ста тысяч с комментарием:

«Присмотрись внимательнее».

Растерянный Макс перевел взгляд на чат и среди мелькающих строчек стал замечать схожие сообщения от разных пользователей.

«Отвали от него!»

«Нихера сколько он ему закинул!»

«Пусть жрет, че стрим портишь?»

Запах гниющего мусора стал невыносимым. Макс снова посмотрел на тарелку и в следующую секунду вскочил со стула, едва не уронив ноутбук со стола. Софтбоксу повезло меньше, Макс зацепил ногой стойку и тот повалился на пол, но лампы продолжили гореть, освещая грязный пол.

Макс не сводил глаз с тарелки, где в покрытом плесенью, грязно-бурого цвета засохшем куске пиццы копошились белые опарыши. Так же выглядела и пока закрытая коробка с роллами: внутри была жизнь во всем своем мерзком проявлении.

Макса вывернуло на пол. Кашляя, он хватался рукой за скользкую стену и смотрел на отлично подсвеченную лампами софтбокса лужу рвоты, наполненную личинками. Некоторые из них были еще живы. А быть может, это была лишь игра света.

Он поднял голову и увидел, что ноутбук по-прежнему работает, камера на лампе горит, а чат буквально сошел с ума. Кинувшись к ноутбуку, он закрыл крышку, включил потолочный свет и только тогда увидел, что его кухня изменилась до неузнаваемости.

Он никогда не утруждал себя тщательной уборкой, но за порядком следил, понимая, что зрителям важно видеть более-менее чистый интерьер, а не замызганную кухню. Сейчас окружающее пространство выглядело отвратительно. Изгаженная

плита, гора грязной посуды в раковине. Мусор повсюду: выцветшие от времени упаковки от чипсов, пустые пыльные бутылки от колы, куски недоденной пиццы, коробки от неё же, бесчисленные бутылки от кетчупа с засохшими бурыми пятнами на горлышках. Стены кухни покрывал влажно блестящий налет, напоминающий пленку. Липкий пол. Повсюду пятна и черные следы подошв.

Макс посмотрел на стол: личинки никуда не делись, они копошились на столе, в тарелке, в коробке с давно испорченной пиццией.

Макс схватился за голову и закричал. На стенах, полу, потолке появились пятна — такие же, какие он видел утром в собственной ванной. Они просто прорастали из стены и медленно пульсировали, будто под их оболочкой было что-то живое. Максу пришло на ум слышанное когда-то слово: «трипофобия».

Через секунду то, что скрывалось под оболочками темных наростов вырвалось наружу. С потолка на Макса посыпались личинки. Он кинулся прочь из кухни, судорожно сбрасывая их с себя. Ворвался в ванную, включил душ, но только лишь сорвал с себя одежду, как те же пятна стали покрывать стены, унитаз, раковину...

Макс выбежал в прихожую, раскрыл дверь и в панике кинулся через лестничную площадку, покрытую пульсирующими наростами. Под ногами мерзко хлюпало. Внезапно правая нога провалилась в пустоту, Макс вскрикнул и упал на покрытый ли-

чинками пол. И вдруг понял, что нога его так и висит в пустоте, где-то под полом, он попытался найти точку опоры, но внизу была пропасть. Под весом его тела, пол начал провисать, словно в один миг превратился в желе. Макс хватался за еще твердые края, но там, где касались руки, пол тут же становился мягким и податливым.

Макс вспомнил, как однажды родители водили его в парк аттракционов, где он катался в прозрачном шаре внутри бассейна с водой. Сколько бы он ни пытался удержаться на ногах, ничего не получалось. Шар неизменно прокручивался и маленький Максим падал. Сейчас происходило то же самое. Несколько раз ему удавалось вырвать ногу из пустоты, но стоило чуть приподняться, мягкий и скользкий пол тут же прогибался.

Он снова и снова пытался встать, но вскоре выбился из сил, а когда посмотрел наверх, осознал, что потолок уже слишком высоко, вокруг серые и скользкие стены, сам он тонет в океане извивающихся белых личинок.

И тогда оболочка под ним лопнула.

— Друзья, я продолжаю свой сегодняшний топ самых поехавших ютуберов!.. Мы как раз подобрались к первому месту, и, когда вы услышите имя того, кто занял наш почетный пьедестал, то, конечно, решите, что я просто решила хайпануть на горячей теме. Но все не так просто! Вы же понимаете, что обойти этого персонажа стороной я просто не

могла. О нем еще долго будут говорить, уж поверьте мне, поскольку шума его история наделала много.

Уверена, что вы уже догадались. Да, да! На первом месте у нас — Максим Баринов, тот самый парень с того самого мерзкого канала на «Ютубе» под названием Deatheater. Я вам честно скажу, что ни одного его ролика я не смогла досмотреть до конца и вообще не понимаю, какого черта такой контент разрешили. Вы все давно знаете, что я вообще плохо отношусь к этим новым правилам «Ютуба». После того, как их ввели, появилось слишком много безумных фриков, которые ради просмотров чего только не делали. Впрочем, винить в таком положении дел стоит не только контентмейкеров, но и сальных зрителей, готовых поддерживать разную дрянь.

В общем, если вдруг вы последний год провели в пещере и не понимаете, о чем я говорю, поясню вкратце: Макс Баринов, парень из Москвы, который когда-то снимал бестолковые топы, а потом решил жрать всякую гадость на камеру. Люди доналили ему и скидывали предложения, что поесть. Он питался всем, исключая разве что отходы жизнедеятельности. Начиналось все безобидно, сначала с обычной еды, а иногда с просто неоднозначной пищи и самых невероятных её сочетаний, вроде вареных кальмаров с шоколадом. Ну, а потом дело дошло до испорченных продуктов, а после и до насекомых и всяких мерзких личинок! Бррр! В общем, парень знал толк в извращениях и, что странно, ел все это с большим аппетитом. Уплетал,

Иллюстрация Юлии Романовой

как говорится, за обе щеки.

Удивительно, как ему удалось целый год продержаться с такими роликами, да еще и заиметь спонсоров. Ну, нынче рекламодатели не против провокационного контента, вот только в этом случае, мне кажется, они переборщили.

Апофеозом всего этого стал последний стрим, на котором он внезапно начал блевать в прямом эфире после того, как ему закинули крупный донат и написали, чтобы он посмотрел, что ест. Звучит странно, но у зрителей сложилось ощущение, что только в этот момент он, наконец, понял, что же на самом деле все это время жрал.

Может, Максим действительно был не очень здоров и убедил себя, что ест нормальную еду. Что же, в этом случае остается только пожалеть человека, рядом с которым не оказалось близких, кто мог бы помочь ему, чтобы не довести дело до таких крайностей.

Стрим закончился пару дней назад, с тех пор о Максе ничего не слышно. Если кто-то знает что-то о его судьбе, черкните пару строчек в комментариях. Да и вообще напишите, что думаете о сегодняшнем топе. Не забывайте подписываться на канал и ставить лайки! Если это видео наберет пять тысяч лайков, то мы запишем новенький топ самой мерзкой гадости, что ел Макс в своих видео. Мне, конечно, придется пересмотреть кучу его гадких видео, но ради вас я готова потерпеть.

Пока-пока.

Олег Кожин

Растворенные

Каждое существо во Вселенной, каждая вещь или явление, нуждаются в любви. Да, в мире много такого, что любить, казалось бы, невозможно, но всегда находится некто, способный опровергнуть это заблуждение. Вопреки всему. Мудрость Создателя заключается в Его справедливости. Самые злобные твари, самые бесчувственные скоты, бесполезные, ненужные вещи, мерзость, грязь, страх, безумие, смерть, в конце концов, — все это не сможет существовать без толики любви. Вам кажется это странным? Но возьмите хотя бы вампиров. Сколько юных дурочек прониклось теплыми чувствами к ним, после одной-единственной книжки?! Они даже не задумываются, что любят мертвых кровососов.

Мертвых. Кровососов.

Так и с остальным. Один предпочитает сахарную вату, другой — обмазываться дермом и дроить. Кто-то обожает восход солнца, а кто-то млеет при виде гниющего трупа. Люди умудряются любить апельсины, маленьких детей, котят, лето и цирк... змей, тарантулов, садо-мазо и бои насмерть. Я вот люблю убивать. Раньше любил...

— ...и вы утверждаете, что за последние девять лет, в период с две тысячи шестого по две тысячи пятнадцатый, убили около тридцати человек?

Новый следователь оказался плотным крепышом неопределенного возраста. Лицо молодое, гладко выбритое, а карие глаза стариовские, выцветшие. В коротко стриженых волосах седина уверенно побеждает жгучую восточную черноту. Новичок жесток и напорист, хотя и старается спрятать это за показной медлительностью. Опасный тип. Но пусть уж лучше он. Его предшественник — зеленый сопляк, едва

ли годный даже для сбора информации. Чтобы обработать те сведения, что я им даю, нужна голова, умудренная собственным жизненным опытом, а не одними институтскими учебниками.

— Двадцать семь, — отвечаю я.

Хочется растянуть губы в победной улыбке, все-таки это час моего триумфа, но я не могу. Говорить тяжело, нижняя челюсть тряется. Комната для допросов пропахла потом, дешевым кофе и усталостью, но мне все еще чудится едкий запах кислотных испарений.

— Что? — переспрашивает мой собеседник.

— Двадцать семь. Не около тридцати, а ровно двадцать семь. Девятнадцать женщин, восемь мужчин. Я помню их всех.

— Интересный перекос, — следователь продолжает играть добряка-простофилю. — Почему мужчин так мало?

Мне хочется заорать, что он зря теряет время. Еле сдерживаюсь, чтобы не выплеснуть ему в лицо остывший кофе. А ведь как просто! Разбить керамическую кружку о стриженную голову, повисшую на пальцах осколком ручки перерезать сонную артерию... Однажды я провернул такой трюк с одним гомиком.

— Мужчины осторожнее, — вцепившись в кружку пальцами, отвечаю я. — Женщины ветрены. Им легко задурить голову флиртом, обещанием сказки.

Да и геев не так много, как может показаться. За все время я нашел только восьмерых.

Следователь кивает с деланным интересом. Никак не могу понять, верит ли он мне. Предыдущий не верил, просто задавал вопросы, следяя протоколу. Но раз прислали нового, видимо, они все же что-то проверили. И что-то нашли.

— Ну, а тела? Что вы делали с телами? — следователь сцепляет руки в замок, изводя меня пустым профессиональным взглядом. — Все ваши так называемые жертвы проходят у нас пропавшими без вести. Почему за это время нигде, ни разу не всплыли останки?

«Так называемые». Все-таки старый цепной пес верит мне не до конца. Что-то его смущает. Но что? Если полиция, в обход ордера, побывала у меня дома — а я твердо уверен, что это так — какие могут оставаться сомнения?.. Я перебарываю дрожь, прогоняю усталость, и начинаю снова:

— Я уже говорил вашему предшественнику: гидроксид соды — лучший друг серийного убийцы...

Все маньяки тренируются на кошках, это аксиома. Мне повезло больше, я сразу начал с человека. Мне было около пяти, а ей девяносто два, и я этого почти не помню. К счастью, полицейские архивы

хранят информацию куда лучше человеческой памяти. Чтобы добраться до своих воспоминаний, пришлось расстаться с парой пятитысячных купюр, но зато я, наконец, вспомнил, как глупо умерла моя бабушка. Я спрыгнул на нее с кухонного стола. Думал, она поймет меня, как папа. Вместо этого мы оба грохнулись на пол, и я впервые услышал хруст человеческого черепа. Старческие кости слабы, а угол кухонной плиты тверд и остер.

Потребность убивать — родом из детства, все так. Но современная поп-культура обычно выставляет маньяков обиженными, недоласкаными существами с кучей комплексов, скорее жалкими, чем страшными. Я не такой. Возможно потому, что осознал свое увлечение уже в зрелом возрасте. А в детстве у меня был дом — полная чаша, много друзей, хорошая успеваемость в школе и любящие родители, которые сделали все, чтобы я забыл, кто виноват в смерти бабушки. С девочками тоже все ладилось, девственности я лишился в тринадцать лет. Ни тебе родительских домогательств, ни психологических травм. Скука, с точки зрения классического маньяка. Мне незачем было мстить этому миру.

Университет закончил на отлично, и не могу сказать, что учеба шла тяжело. Удачно устроился на работу, быстро продвигался по карьерной лестнице, получал неплохие деньги. Когда надоело

работать на дядю, открыл свой бизнес. Вы уже, наверное, пробивали по вашим базам? Сеть магазинов «Дачник». Инвентарь, декор, химические удобрения. «Магазин для дачи — редкая удача!» — это мой слоган, да. Каждое лето, на всех радиостанциях. Он заставил не одного старого скрягу расстаться с пенсией. Я действительно считаю себя баловнем судьбы. Думаю, поэтому меня так долго не могли поймать.

Осознанно я убил девять лет назад. Ее звали Анжела, Анжела Павлова, и мы с ней встречались уже два года. Большого труда стоило обставить все так, чтобы ее сочли жертвой автокатастрофы. Я потратил немало сил и денег, заметая следы. А вот убил — спонтанно.

Это случилось в канун моего тридцать третьего дня рождения. У Анжели был тойчик, по кличке Жора. Ну, знаете, такие мелкие шавки, ошибки природы — сами с ладонь, а лают так, что закладывает уши. Никогда не любил собак, тем более маленьких. Жору я просто терпел, но в тот вечер терпение мое кончилось.

Накануне своего дня рождения я всегда взвинчен и болезненно реагирую на каждую мелочь. Не жалую праздники, тем более личные, но положение обязывает быть частью социума. Вы знаете, большая часть контрактов у нас подписывается не в кабинетах, а в саунах. Оставаться веселым через не

хочу — на это требуется уйма нервов. Так что, когда Жора, ни с того, ни с сего хватанул меня за палец, я отреагировал фатально резко.

Несколько раз я грозил Анжеле, что убью эту пародию на пса, к чертовой матери. Она не верила. Сказать по правде, я и сам не верил. Так что, когда все случилось, удивился не меньше. Раньше, чем успел сообразить, что делаю, я пяткой размозжил собаке череп. Тонкие кости хрустнули яичной скорлупой, ковер перепачкался кровью, а я глубоко порезал стопу осколком кости... только что думать о мелочах, когда я вновь услышал этот божественный хруст?!

Он все еще звенел в моих ушах, пока я, оставляя на ковре кровавые следы, добрел до дивана. На крик примчалась Анжела, принялась кудахтать над моей израненной пяткой, называть меня бедненьkim и лапушкой. Терпеть не могу этого сюсюканья. Ну, а потом она, наконец, заметила своего дохлого любимца: крохотный череп — всмятку, вокруг лужица крови, глаза вывалились из орбит. Это выглядело так комично, что я рассмеялся.

Почему-то мне показалось, что сейчас Анжела подхватит мой смех, и мы вдвоем будем улыбаться друг другу, как люди, осознавшие нечто важное. Анжела станет бинтовать мою ногу, дуя на рану, как маленькому, я буду гладить ее светлые волосы, и когда она закончит, мы пойдем в спальню... А она

разрыдалась. Злоба и ненависть вмиг превратили красивую женщину в потасканную, залитую слезами дурнушку. Я будто впервые увидел ее! Смотрел, и все никак не мог понять, что я нашел в этом жалком, отвратительном существе, как мог вожделеть это? И пока я кривился от недоумения, пытался разобраться в себе, Анжела влепила мне пощечину. От удара во мне что-то щелкнуло. Упала какая-то заслонка, или переключился тумблер, до того сдерживающий таящееся глубоко внутри желание.

Не помню, каким образом бронзовое пресс-папье с журнального столика оказалась в моей руке. Зато хорошо помню сладкий чавкающий звук, с которым основание статуэтки пробило ей темя. Еще до того, как мертвая Анжела упала к моим ногам, тело мое по всему позвоночнику прошила раскаленная игла удовольствия. От этого неземного блаженства я тут же спустил в штаны, как школьник, впервые увидевший порнофильм. Это был взрыв. Цунами. Прикосновение божественной дланi и поцелуй самого Создателя. А на следующий день мне исполнилось тридцать три. Возраст Христа, как принято говорить.

Праздник пришлось отложить. В телефонных звонках люди, считающие себя моими друзьями, выражали соболезнования, с фальшивым восторгом вспоминали несуществующие Анжелины

добродетели. Эти недоумки жалели меня, не подозревая, что в этот день я поистине переродился.

— ...машина Павловой действительно вылетела с моста. Но никакого криминала медики не нашли. Немного спиртного в крови, недопитая бутылка «вермута» в салоне, скользкая трасса...

Следователь смотрит на меня, как на пустое место. Тонкий лед синих глаз оказался обманчивым. На самом деле он крепок, как броня. Ох, не думал я, что доказывать собственные преступления будет так сложно. Почему они мне не верят?! Мне нужно, чтобы они мне поверили...

— Но рана...

— При аварии каких только травм не бывает, — следователь неопределенно пожимает плечами. — Вы, наверное, помните, что автомобиль Павловой перевернулся и вылетел с моста? Не думаю, что экспертиза подтвердит ваши слова.

— Но ведь... — чувствуя, как почва уходит из-под ног, я начинаю мялить, — чистосердечное признание...

— ...ничего не значит при отсутствии улик, — следователь вновь заканчивает фразу за меня. — Если завтра вам захочется признаться в убийстве Кеннеди, для начала озабочьтесь доказательной базой. Если и остальные ваши двадцать шесть жертв...

— Нет, нет! Анжела не одна из двадцати семи! Она — начало, альфа всего. Символ. Я всегда вспоминаю ее с теплотой, ведь это она помогла мне стать тем, кто я есть. Первая разглядела заложенный во мне потенциал!

В порыве горячности я едва не хватаю его за руку. Следователь чуть заметно морщится. Не брезгливо, но так, что я сразу вспоминаю, кто он, и кто я. И обретаю уверенность.

— Я долгое время «сидел» на собаках...

Знаете, как героинщики, пытаясь соскочить, пересаживаются на легкие наркотики? Я долгое время надеялся, что смогу сопротивляться. Молодой идиот! Как будто можно закрыть ящик Пандоры! Побороть самое себя! Но я пытался, правда. Я покупал собак — настоящих собак, а не это недоразумение, вроде Жоры. Брал крупные породы: ротвейлеров, кавказцев, сенбернаров. Особенно любил московских сторожевых. У них такие грустные глаза, почти человеческие!

Я привозил их в свой загородный дом, в Подмосковье. Там тихо, соседей почти нет. Там можно забить собаку обрезком арматуры, и никто не услышит, как она воет от боли. Как огрызается, рычит, пытается достать своего мучителя обломками

выбитых зубов. Как задыхается, натягивая веревку. А когда, обессилев от побоев, собака упадет, можно сесть рядом и гладить ее мокрую, слипшуюся от крови шерсть. Глаза в глаза следить, как из большого сильного зверя вытекает жизнь. До тех пор, покуда грудная клетка ее, больше напоминающая кожаный мешок, набитый сломанными ребрами, не перестанет судорожно вздыматься.

Да, я «сидел» на собаках довольно долго. Это было все равно, что кормить льва травой. Зато я, как настоящий естествоиспытатель, учился на собственных промахах. Именно поэтому, окончательно перейдя на людей, ошибок я уже не совершил. Нет ошибок — нет подозрений. Нет подозрений — нет дела. Правильно?

Для начала я перебрался со двора в подвал. У меня огромный подвал, вы, должно быть, видели. Раньше он выглядел совершенно иначе, что-то среднее между тренажерным залом и биллиардной. Там оказалось гораздо уютнее. Исходящий от обреченных животных страх не выветривался, оседал на стенах, на потолке, точно конденсат. В замкнутом пространстве предсмертные хрипы зазвучали громче, насыщеннее. Они вонзались мне прямо в мозг! И этот запах... медный аромат крови, дерьяма и смерти... он висел там целыми днями, пока я не начинал уборку...

Именно уборка сподвигла меня на строительство ванн. Мой маленький секрет оказался очень уж грязным, во всех смыслах. Бывало, я тратил несколько дней, чтобы избавиться от последствий, замывал кровь, собирая клочки шерсти и ошметки мяса. Не домработницу же заводить, в самом деле? Знают двое — знает и свинья. Поэтому я нанял строителей, и в течение трех месяцев превратил подвал в бассейн.

Дороже всего обошлась парилка, а ведь я ни разу ею не воспользовался... Все изменения затевались ради керамической плитки под мрамор, облицевавшей пол и стены. Ради мощной вентиляционной системы. И ради небольших купален, разделенных прозрачными перегородками. Три вместительных ванны-купальни, — для моих целей этого хватало с лихвой. В медной негашеная известь превращала тела в высохшие мумии. В пластиковой гидроксид соды растворял остатки органики. Все необходимые химикаты я без труда мог найти на любом моем складе. А третья? В третьей, обычной кафельной купальне, я смывал с себя кровь и усталость.

Дачный бизнес оказался хорошим прикрытием. В кладовке у меня всегда лежало несколько мешков, стояли канистры с кислотой, и это никого не настораживало. Люди хуже всего замечают то, что у них под носом. Можно поместить тайну на кончик иглы,

запрятать иглу в яйцо, утку и зайца, сунуть последнего в сундук, а сундук отвезти на остров Буян, но обязательно найдется Иванушка-дурачок, который преодолеет все преграды и сломает вам жизнь. Но поместите иголку под стекло и выставьте в музее, и дурачки встанут в очередь за билетами!

Кислоты было едва по середину голени. Я сталкивал в нее дохлых собак и сидел рядом, сквозь маску респиратора наблюдая, как растворяются шерсть, шкура, мышечные волокна, загустевшая кровь, сухожилия, кости — превращаются в ничто, становятся частью растворившей их субстанции. Как они разжижаются. Божественный процесс.

За год я бросил в бассейн десятка три псов. Любопытный опыт, не лишенный приятных воспоминаний. Но Анжела... Анжелочка, Ангел мой... она не давала мне покоя. По ночам мне снилось, как я, раз за разом пробиваю ее пустую головку. Пробуждаясь, я все еще слышал этот невероятный хруст. Пальцы загребали смятые простины, член стоял, как штык, готовый к бою. Собаки помогали ненадолго сбросить напряжение, и только. Удовлетворения они не приносили. Убивать безмозглое животное после того, как отнял жизнь у человека, это как вернуться к мастурбации после реального секса. И я сдался.

Представьте: лето, июль, жара такая, что бабочки на лету сгорают, а вдоль пыльной дороги выша-

гивает она — черные глазки блестят, пухлые губы алеют, носик горделиво вздернут. В такт шагам чуть качается налитая грудь, натянувшая облегающий топ. Шортики такие короткие, что попку видно! От кончиков каблуков, до собранных в тугой хвост черных волос, — сто восемьдесят сантиметров похоти! И больше никого, кроме нас во всей округе. Я не знаток пикап-техник и не сторонник уличных знакомств, но тут словно по голове ударило — бери ее!

Есть отдельная категория девушек — дорогие машины действуют на них, как мощнейший афродизиак. Кристина оказалась именно такой. Готовая отиться прямо в салоне моего «Бентли», она вела себя откровенно вызывающе и не ломаясь, согласилась поехать «искупаться». Всю дорогу она щебетала без умолку, высматривая обо всем: про меня, про мой бизнес, а я ехал и боялся, что вот сейчас она достанет телефон и все закончится, не начавшись. Стоит ей только позвонить подружке, или родителям... Но она ни разу даже не потянулась к сумочке, где лежал мобильник. Глупая легкомысленная феечка...

— Кристина Тымченко, одна тысяча девяносто восемьдесят второго года рождения, пропала без вести летом две тысячи шестого года. Знаете, ваша поразительная осведомленность о деталях некото-

рых дел — одна из немногих причин, по которой мы с вами все еще возимся...

Следователь пожевал обветренную губу, сканируя меня все тем же безэмоциональным взглядом, а я неожиданно заметил, что глаза у него черные, слегка раскосые, очень похожие на Кристининь. Неужели родственник? От этой неожиданной догадки по спине пополз холодок, однако я тут же одернул себя. Месть обезумевшего от горя родственника — не самое страшное в моей ситуации. Он сказал «одна из немногих причин». Холодок перерос в настоящий озноб.

— Проблема в том, что все ваши заявления голословны. Обычно серийные убийцы указывают места, где спрятали трупы своих жертв. Мы ездим на раскопки, устраиваем следственные эксперименты и вообще весело проводим время. А в вашем случае... ни улик, ни трофеев! Только ваше странное желание попасть за решетку.

— Но трофеи есть, есть! — я снова засуетился, и был себе противен в этот момент. — Просто немногого в непривычном виде... Знаете, Гейн хранил лица своих жертв, а Даммер, например, раскрашенные черепа, но держать такое в доме — значит самостоятельно, год за годом, жертва за жертвой, собирать на себя доказательную базу. Этого ли я хотел, когда так старательно отводил от себя малейшие подозрения?

— Но вы сказали, что трофеи у вас все же есть? — следователь принял равнодушно ковыряться в зубах. — Это как понимать?

— Растворенные тела — мои трофеи. Всякий раз я собирал немного в банку и запечатывал ее. Наполняя ванну перед грядущим убийством, я неизменно выливал туда останки предыдущей жертвы. Так я собирал вместе частички всех, кого когда-либо убил. Сейчас там все, от самой первой собаки, до последней девушки. Мне нравилось думать о том, что в час, когда я поедаю яичницу за завтраком или принимаю гостей, они покоятся там, тихо превращаясь в ничто, теряя свое «я» среди белесой жижи...

Во взгляде следователя впервые мелькнуло подобие интереса. Он перестал ковыряться в зубах и наклонился ко мне. Из его рта несло несвежим желудком, изрядно подпорченным гастритом.

— Знаете, вне зависимости от того, действительно ли вы убийца, или просто морочите нам голову, вы — реально больной. Но все же, объясните, почему вы здесь? Вы так похваляетесь своей осторожностью, и вдруг...

Он обвел комнатку руками, предлагая мне вспомнить, где я нахожусь. Увы, я не забывал об этом ни на секунду. Но иного выхода у меня попросту не было. Усилием воли я подавил вернувшуюся дрожь. Предстояло вновь пропустить через

себя события прошлой ночи.

— Примерно полгода назад я познакомился с девушкой...

Старательно разглаживая и без того ровную бумагу, следователь расссталел на столе список пропавших без вести. Список растворенных.

...Ира Савельева, так ее звали.

До нее все было просто. Для знакомых и тех, кто считал меня другом, я оставался безутешным влюбленным. В их глазах трагически погибшая Анжела ушла в загробный мир, прихватив мое разбитое сердце. Я даже вошел в топ самых интересных холостяков, который составила какая-то местная газетенка. Охотнее всего люди проглатывают мелодраматичную банальщину. Мне кажется, так они подпитывают мифы о вечной любви, в которую сами давным-давно не верят.

Никто не подозревал, что за эти годы я любил многих женщин и даже нескольких мужчин. По одному разу, но всегда до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Вы можете мне не верить, но к каждому из них я испытываю самую настоящую любовь. До сих пор. Эти люди отдавали свои жизни, чтобы вознести меня на вершины блаженства. Самое малое, что я могу сделать для них — это беззаветно любить

и помнить. Забивая, разрезая, расчленяя, я растворял в себе имена, лица, привычки, как кислота растворяла тела.

Ирочка перевернула все с ног на голову. Перевернула непринужденно, с легкой улыбкой и озорным блеском голубых глаз. Шутя, развалила устоявшуюся за девять лет жизнь. Простой цикл — влюбленность, убийство, растворение — эта рыжекудрая ведьма, отправила мой налаженный быт в тартары! Уже через пару месяцев я думал не о том, как вспороть ее плоский живот, а о том, как здорово было бы прожить всю жизнь рядом с этой женщиной. Да, это меня чертовски пугало. Я не был готов к таким крутым переменам. Но самое страшное заключалось в том, что Ира оказалась готова еще меньше.

Все ее мысли занимали путешествия, приключения, новые страны. В свои двадцать восемь она вела себя, как шестнадцатилетний подросток, жадный до впечатлений, охочий до всего нового. Нет, она не была инфантильной дурочкой, просто немного не от мира сего. Инфантильным дураком был я. Сорил деньгами, исполнял ее прихоти, хотя понимал, умом понимал, ее чувства ко мне далеко не так глубоки. Не знаю, может, я надеялся купить ее расположение? Стать если не любимым, то хотя бы нужным. Добрый волшебником, без которого

жизнь лишится остроты. Влюбленный дурак...

Я сделал ей предложение в Венеции. На старом каменном мосту, стоя на колене, изнывая от пошлости происходящего, протягивал кольцо, утопающее в бархатной коробочке. Под нами проплывали гондолы. Туристы, глядя на нас, аплодировали и поздравляли на разных языках. Я навсегда запомнил равнодушное вечернее небо Венеции, затхлый запах медленно текущей по каналу воды, и эти искренние аплодисменты абсолютно незнакомых людей.

Ира с улыбкой приняла кольцо. А когда я, переполненный восторгом, поднялся с колен, швырнула его в лицо заходящему солнцу. С неслышным всплеском три тысячи долларов пошли ко дну. И вместе с ними туда опустилось мое окаменевшее сердце. Я помню, как смолкли аплодисменты и подбадривающий свист, и над каналом поплыла неловкая тишина, прерываемая лишь плеском весел. Помню, как Ира повернулась ко мне и звонко восхлинула:

— Это, чтобы вернуться сюда еще раз!

Она подошла близко-близко, взяла меня за руки и шепнула:

— Нам ведь хорошо вместе и без этой чепухи, правда? Давай не будем все усложнять?

Я кивнул и улыбнулся. Она решила, что я все понял и принял, и улыбнулась в ответ. А я просто представил, каким прекрасным станет ее тело, рас-

творенное в кислоте...

Не желая откладывать в долгий ящик, я стал готовиться сразу по возвращению. Это было в минувшее воскресение. Я купил хороший охотничий нож, привез недостающие химикаты, распланировал время. Вечером, когда Ира приехала ко мне на ужин, в пластиковой ванне уже плавали останки всех моих жертв. Обычно я заливаю кислоты, чтобы только-только скрыть тело, но в этот раз наполнил ванну на три четверти. Особый случай подразумевает особый подход, не так ли?

Когда мы спустились вниз, Ира сморщила носик и недоуменно поинтересовалась, что это за жуткая вонь. Вытяжка не справлялась. Я дождался, пока Ира разденется, разделся сам, а когда она, улыбчивая и сияющая, повернулась ко мне, ударил ее в живот и втолкнул в комнату с прозрачными стенами. Ира упала на колени, хватая ртом воздух и кислотные испарения. Пока ее терзал удрушающий кашель, я натянул респиратор, стиснул ладонью нож, вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Я резал ее так долго, как никогда и никого до нее. Она кричала. Она билась худеньким плечиком в запертую дверь. Выла, проклинала меня, умоляла, клялась, что выброшенное кольцо — это просто глупая шутка. Могло ли это остановить меня? Нет. Секс, каким бы восхитительным он ни был, можно

прервать в любой момент. Но прервать таинство убийства? Это выше человеческих сил. Я впервые был близок с Ирой, близок по-настоящему. Удар — и загорелая кожа распадается надвое, ярко алый разрез сочится кровью, как истекающая соком вагина! А лезвие продолжает раскрывать все новые и новые отверстия в прекрасном теле!

Когда я загнал Иру к краю ванны, силы покинули ее. Адреналин недолго компенсировал потерю крови и усталость. Я подошел к ней, медленно-медленно. Обнял в последний раз, прижимая к груди дорогое, окровавленное тело. Нож вошел мягко, словно не резал, а раздвигал ткани Ириного живота. Моя любовь, женщина, с которой я мечтал прожить всю жизнь, тихо ахнула, как от оргазма. Я чувствовал горячее дыхание на ключице, чувствовал, как стекает по рукоятке ножа чужая жизнь. Член мой упирался Ире в бедро, толчками изливая семя. Я застонал, целуя мою умирающую любовь в окровавленный рот.

Вкус соли. Запах меди. Ощущение всемогущества. Ира полетела в кислоту.

Откуда в слабых умирающих пальцах осталось столько силы? Они вцепились в меня, потянули за собой, и я впервые нырнул в жидкую могилу, которая столько раз скрывала мои жертвы. Я едва успел зажмуриться и набрать воздуха в легкие. Кислота

сомкнулась над нами бесшумно, ничуть не возмущаясь, что вместо одного тела предстоит переварить два. Не в силах вырваться из мертвой хватки, я барабанялся на дне ванны, слепой, задыхающийся, перепуганный.

Наконец пальцы Иры разжались, выпуская меня на поверхность. Я жадно вдохнул насыщенный химикатами воздух, но тут же закашлялся. Спазм скрутил меня в узел, и я едва не упал вновь. Кое-как совладав с кашлем, я в панике нащупал борт ванны, и замер...

Кислоты не было. Ни жжения, ни стекающих по лицу капель, ни холодящих объятий едкой жидкости. Только липнущий к телу влажный воздух подвала. Кожа моя была сухой, а голые стопы ощущали прохладу пластика. Все еще не понимая, что происходит, я провел пальцами по лицу. Кожа отчетливо скрипнула. Тогда я решился открыть глаза... и тут же пожалел об этом.

Ванна оказалась пустой. Вернее, там, где стоял я, не осталось ни капли. Последние крохотные ручейки стремительно бежали к противоположной стенке, туда, где возвышаясь надо мной на добрые полтора метра, закручивался жидкий смерч. В бурлящем вихре кипели жуткие ингредиенты, клыки, когти, куски шерсти и плоти. То тут, то там, точно гигантские ложножожки, вырастали конечности, мужские и женские руки, собачьи лапы, прозрачные

щупальца. И повсюду были глаза. Карие, синие, черные, зеленые, они, не мигая, следили за мной. Я узнавал эти взгляды и, самое чудовищное — они узнавали меня! А когда в круговорти глаз возникло бесстрастное лицо Иры, я заорал, что было мочи.

Одним прыжком я выскочил из ванны и бросился бежать. Не знаю, как мои дрожащие руки совладали с замком, но я вырвался из подвала, взлетел по ступенькам и кинулся прочь из дома. В чем мать родила, я мчался по дороге, а спину мне все сверлил этот чудовищный взгляд многоглазого нечто. Встречные машины сигналили мне, редкие пешеходы расступались, а я бежал и кричал, и захлебывался рыданиями. Таким меня и подобрала патрульная машина...

— Предположим. На секунду примем на веру все, что вы сейчас наговорили, — следователь устало провел рукой по лицу. — Если все это действительно так, то почему? Почему именно Савельева стала катализатором этого... гммм... процесса?

Он вновь отстраненно поковырялся ногтем в зубах.

— Не знаю, — честно ответил я. — Мне кажется, Ира здесь не причем. Думаю, катализатором стало мое семя.

Я истерично засмеялся.

— Чудовище породило чудовище, это так логично,

черт возьми! Ирочка, как бы я ее ни любил, всего лишь очередная жертва, слишком ту...

Я споткнулся, не закончив предложения. Хотелось закричать, завыть, хотя бы замычать, но ни звука не сорвалось с моих трясущихся губ. Зад прирог к стулу. Этого не могло произойти, но происходило прямо здесь и сейчас.

Следователь ухватил передний резец двумя пальцами. Старательно расшатал, туда-сюда и выдернул, легко, как из паза вынул. Мгновение он оценивающе осматривал зуб, затем обсосал его, слизывая капельки крови, и уложил на стол передо мной. Белая кость на серой столешнице смотрелась, как нарисованная.

— Знаете, — прошамкал следователь, раскачивая следующий зуб, — несмотря на всю нереальность вашей истории, отнеслись мы к ней достаточно серьезно. Даже отправили опергруппу в ваш загородный дом. Вот только не нашли ничего.

Вырванные зубы ложились на стол кривым заборчиком. Следователь улыбнулся, широко, так, чтобы я видел, как из размякших десен прорастают желтые собачьи клыки. Нижняя челюсть съехала на бок, к виску, и там начала вытягиваться, обрастаю вторым рядом зубов. Обвисшие щеки заколыхались, потекли, сливая коротко стриженую голову с покатыми плечами. И глаза. Они меняли свой цвет

так стремительно, что меня затошило. А может виной всему был удущивый запах несвежего желудка, ползущий по допросной. От рук следователя протянулись толстые прозрачные жгуты, крепко перевив мои запястья. Кожу защипало едкой кислотой.

— Мы обыскали весь дом, — выдавила клыкастая пасть, и я с ужасом узнал чудовищно изуродованный Ирин голос. — Мы нашли подвал. И ванны. И нож. Но ни следов крови, ни трупа. Ванны оказались пусты. Боюсь, что экспертиза тоже ничего не найдет, и нам придется вас отпустить...

На морщинистом лбу следователя проклонулся налитый кровью глаз. Не выдержав его злобного взгляда, я тихо заплакал. По ногам побежали горячие струи мочи.

— Не надо, — прошептал я. — Не надо, пожалуйста.

Слезы обжигали щеки. Я хотел зажмуриться, но то, что сидело напротив, парализовало мою волю. Оставалось лишь бессильно плакать и молиться богу, в которого я никогда не верил.

— Что? Что это с тобой? — на Ирин голос наложились другие, целый женский хор — Кристина, Инга, две Ольги, Тоня и остальные — все они вопрошили меня изнутри поглотившей их субстанции. — Ты плачешь?! Ты плаааачешь! Милый, милый!

Вытянутая пасть приблизилась вплотную к мо-

ему лицу, звонко щелкнув клыками. Я отшатнулся и завыл, стискивая трясущиеся губы. Уродливая морда вращалась дьявольской каруселью, мелькали знакомые лица и оскаленные собачьи морды, и какие-то гротескные помеси человека и пса. Голоса сменились на мужские: Атос, Камиль, Султан — все эти ухоженные педики, предпочитающие клички реальным именам. Над всеми ними довел голос седого следователя, что на свою беду решил проверить мой подвал в одиночку.

— Ну, не плачь, не плачь, — пророкотала жижа. — Мы не убьем тебя. В конце концов, ты в каком-то роде наш отец, наш Создатель. Ты не дал нам ответа, на который мы рассчитывали, но изрядно нас развлек...

Удерживающие запястья жгуты исчезли. Следователь нависал надо мной, деловито пряча в карман выпавшие зубы.

— Обвинений тебе выдвигать не будут, потому как улик нет. Тебя немного пообсуждают в интернете, прополощут в местных газетках... В конце концов, не каждый день по улице бегают голые миллионеры! Все спишут на алкоголь или наркотики. Люди любят, когда богатый и властный человек ведет себя, как свинья. Так ты становишься ближе и понятнее. Над тобой посмеются, позубоскалят и вскоре забудут... Так что вызывай такси и езжай домой.

Он задержался на пороге комнаты. Я сжался внутри и снаружи. Попытался стать маленьким и незаметным, слиться с неудобным жестким стулом. С неожиданной ясностью я понял, что состою из жижи — текущие из глаз слезы, размазанные по щекам сопли, хлюпающая под ногами моча и застывшая в жилах кровь. Волевое лицо следователя на мгновение чудовищно изменилось, оплыло свечой, утыканной клыками и костяными наростами. Непомерная пасть расплылась в чудовищной ухмылке. Проступило насмешливое лицико Иры, и ее голос зазвенел похоронным колоколом.

— Приведи себя в порядок и жди нас. Мы скоро...

Владимир Ромахин

Мусорщик

Старику, наконец, удалось сбежать, и теперь он торопился на встречу. Каждый шаг по железной дороге давался всё тяжелее: трость утопала в щебёнке, ботинки натирали пятки, а приступ кашля едва не свалил с ног.

Совсем близко раздался знакомый писк. Старику чертыхнулся и заковылял быстрее. Когда трость снова провалилась в щебёнку, он с досадой бросил её с холма, по которому бежала железная дорога. Причудливые звуки мира: пение птиц, шум деревьев, кваканье лягушек — всё исчезло. Остался лишь писк.

Старику остановился и с улыбкой посмотрел вдаль. Он не опоздал на встречу с теми, кто всё ещё дарил счастье.

Киты плыли так низко над землёй, что их раздувшиеся животы почти касались колосков ржи в поле. Один кит, второй, третий. Их глаза лихорадочно изучали ночь, а раскрытые рты будто готовились схватить жмуущиеся к железной дороге дома.

Потом киты остановились и запели в унисон. Опасения старика подтвердились: киты умирали. Из-под плавника одного закапала кровь, голову второго покрыли алые полипы, а третий пел так тихо, словно каждый звук давался ему с трудом. Как их спасти? Как остановить время?

— Я не могу помочь, — прохрипел старику, борясь со слезами. — Простите.

Старику соврал. Он знал путь к спасению.

Гудок приближающегося поезда застал старику врасплох. Не придумав ничего лучше, он скатился с холма по щебёнке. Он представлял собой жалкое зрелище: потрёпанная майка, заштопанные штаны, которые чудом не порвались, грязные ботинки. Щебёночная пыль покрывала одежду, отчего он походил на исчезающего в рассветных

лучах призрака.

Кое-как встав на ноги, старик поглядел по сторонам в поисках китов. Он всё ещё слышал их песню, что утихала с каждой секундой. Теперь, после встречи, голову заняла единственная мысль — есть ли другой способ спасти их?

Киты проплыли так близко, что он едва увернулся от хвоста одного из них. Они замерли над деревянным домом метрах в ста от дороги, на крыльце которого следователь по особо важным делам Ребров в десятый раз проверял, закрыл ли он дверь. Глядя на следователя, старик вздохнул. Он знал, что уже шесть лет у Реброва были причины для беспокойства. Словно подтверждая его мысли, тот закурил, сделал пару затяжек и кинулся к машине.

От трели мобильника старик чуть не подпрыгнул на месте. Он расстегнул карман и, прищурившись, глянул на треснувший экран. Звонила соседка — надоедливая тётка с косыми глазами, дурными манерами и вечной грязью под ногтями.

— Твой внук пропал! Он кричал, я полицию вызвала...

— У меня нет внука, — глухо ответил старик, но трубку уже положили.

Следователь Ребров завёл машину, проехал метров пять и остановился, будто сомневаясь, стоит ли уезжать.

— Останься дома, — глядя в сторону Реброва, про-

шептал старик. — Пожалуйста.

Машина тронулась и спустя минуту исчезла в клубах пыли просёлочной дороги. Глядя ей вслед, старик сделал то, чего не делал много лет — перекрестился.

Ребров родился и вырос в Кащеевке. Каждое утро он мотался на работу в город, но даже не думал о переезде — в Кащеевке он завёл семью и планировал состариться. Долгие годы в посёлке с населением около двух тысяч человек самыми «жуткими» преступлениями были драки в Доме культуры, браконьерство на речке, кражи бензина и шин.

Всё изменилось шесть лет назад, когда пропала старая учительница математики. Ребров, который вёл дело, был уверен, что найдёт её не больше, чем за три дня. Он не знал, что зло только пришло в Кащеевку, и учительница — первая из тех, кто пропадёт пятнадцатого июля. С тех пор каждый год в этот злополучный летний день в Кащеевке исчезало по одному человеку.

Надо ли говорить, что для Реброва поиск преступника стал делом всей жизни?

Сегодня, в ночь с 14-е на 15-е июля, Ребров не сомневался, что похититель явится, он не сомневался. Но преступник вновь опередил следствие,

выйдя на охоту уже через четыре часа после полуночи.

По дороге к месту предполагаемого преступления, Ребров снова вспоминал пропавших. В последний год они снились ему чуть ли не каждую ночь: учительница математики, автомеханик, семилетняя девочка, медсестра и паренёк из цыганского табора. Десятки рассветов Ребров встретил, изучая скучные биографии жертв в поисках хоть какой-то связи.

Безуспешно. И сегодня на одну биографию в этом деле станет больше.

Он остановил машину возле дома, где жил пропавший. Местный участковый доложил Реброву по телефону, что мальчик около года назад переехал в Кащеевку вместе с дедушкой, который работал мусорщиком на железной дороге. Ни ребёнок, ни старик ни с кем не общались — лишь иногда мусорщик перекидывался парой слов с соседкой, перед тем как с утра пойти на работу. Соседка и сообщила полиции, что слышала звук разбитого стекла и крик мальчишки.

Ребров не сомневался: сарафанное радио уже сработало, и зеваки вот-вот потянутся к дому. Кое-кто из жителей даже успевал зарабатывать на пропавших людях: некоторые газетчики готовы были раскошелиться за домыслы и легенды. Правда, платили чаще всего бутылкой водки — всё-таки информация у местных «инсайдеров» была не того качества.

4:45 утра. Ребров вышел из машины и направился к дому старика. Сделав несколько шагов, он почувствовал, что кто-то буравит взглядом его спину. Следователь оглянулся, но увидел лишь сарай, сквозь дырявую крышу которого на него глядели розовые, только проснувшиеся облака. Дочь Реброва как-то сказала, будто слышала, как по телевизору говорили, что у детей — розовая кровь, у взрослых — бордовая, а у стариков — чёрная. С грустью следователь подумал, что на рассвете похититель наверняка выпустил наружу розовую кровь.

Старик пришёл вскоре после появления Реброва и плюхнулся на лавочку, сунув руки в карманы штанов. Пока дед кашлял и плевался, Ребров осмотрел его с ног до головы: остатки седых волос, худощавое телосложение, грязная одежда. Единственное, чем он выделялся — следами ожогов на руках и шее, где кожа походила на грубые белёсые заплатки. Ребров представился и перешёл к делу.

— Где вы были ночью?

Мусорщик ответил безучастно, будто происходящее его не касалось:

— На работе.

— Вы убираете мусор на железной дороге?

Старик не ответил. Ребров подавил гнев — нашел старый время на игры в молчанку!

— Участковый сообщил, что, по словам соседки,

вы уходите на работу утром. Почему изменили привычный график?

— Любовь к труду.

Ребров мысленно досчитал до пяти и посмотрел вокруг. Улица заполнялась людьми: несколько опекунов оцепили дом, пришедшие зеваки требовали комментариев. В течение получаса из города прибудет судмедэксперт для осмотра комнаты мальчишки. А пока ветхий, завалившийся на левый бок дом, зыркал на людей сквозь уцелевшие стёкла, храня свои тайны. Через пару часов всё закончится: эксперт уедет, мусорщик скажет, где был ночью, а мальчик...

Судя по предыдущим случаям шансов на спасение у него не было.

— Можно фотографию вашего внука? — спросил Ребров. — Понадобится для поиска.

— Я никогда его не фотографировал.

— Где родители мальчика?

— Не отказался бы узнать.

— Принесите ваши документы, — потребовал Ребров. — И свидетельство о рождении ребёнка.

— Я потерял их после переезда, — так же беспечно ответил старик.

Ребров почуял знакомый каждому полицейскому запах лжи. Комар укусил в шею, следователь прихлопнул его ладонью. Нет, больше никакой

крови здесь!

— Откуда вы приехали? — продолжил Ребров.

— Главное не «откуда», а «куда».

— В каком классе учился мальчик?

— Он не ходит в школу.

Ребров посмотрел на участкового — тот что-то спрашивал у соседки старика. В посёлке, где живёт пара тысяч людей, Ребров знал далеко не всех, а вот участковый мог бы и обратить внимание на странную парочку.

— Я свободен? — спросил старик.

Ребров отвлёкся от участкового — того обступили цыгане, требуя отыскать пропавшего из табора парня.

— Пока нет эксперта, покажите дом, — приказал Ребров.

— Он не мой, — пожал плечами старик.

— Кто настоящий владелец?

— Не беспокойтесь, — улыбнулся мусорщик. — Соседка сказала, что дом отошёл государству, но прощает уже десять лет. Если я нарушил закон тем, что жил здесь, то сожалею. Но внук сейчас важнее.

— Почему вы улыбаетесь? — спросил Ребров, но старик уже побрёл к дому.

Ребров шёл по коридору, не сводя глаз с затылка идущего впереди мусорщика. Обычная история — допрос родственников жертвы. Но что-то здесь не сходилось.

Почему дед изменил график именно сегодня? Куда он ходил ночью? Кто он вообще такой? Конечно, у мусорщика снимут отпечатки пальцев, но Ребров не думал, что чем-то поможет следствию. А мальчишка... Он заинтересует органы опеки — лишь бы нашёлся.

«Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана», — мысленно процитировал Ребров статью из Уголовного кодекса. Старик приехал в Кащеевку чуть меньше года назад — к тому времени пропало уже пятеро людей. От неприятной мысли Реброва замутило: что, если старик всё-таки убил ребёнка, а днём пропадёт кто-то другой? Ведь как ни крути, совпадения возможны.

— Я на кухне, — пробубнил мусорщик. — Тут не кунсткамера, любоваться нечем.

Ребров прошёл дальше. Схема дома была проста: в коридор слева выходили двери кухни, гостиной и комнаты мальчишки. За год мусорщик обустроил дом, как смог: поставил мебель а-ля-СССР, замызганные ковры и соорудил подобие кухонных шкафчиков из сбитых гвоздями досок. Ребров оглядел гостиную — в углу валялся старый матрас, а пол усеяли осколки разбитого зеркала. «Когда-то целое, сейчас — десятки отражений,» — подумал Ребров и тут же разозлился на себя: что за глупые мысли?

Комната мальчишки оказалась поуютнее — старенькая кровать, радиоприёмник, смятое постельное бельё. Кровать стояла впритык к окну, так что похитителю не пришлось труиться. Следы крови и борьбы отсутствовали. Ребров выглянул из окна — трава внизу примята, но чётких следов нет. Что ж, пусть с этим разбирается эксперт — каждая минута на счету, некогда зациклившись на мелочах.

Ребров двинулся на кухню и по пути споткнулся о какую-то железку. Подпол. Он споткнулся о ручку подпола. Следователь потянул её на себя и чихнул от пыли: хоть где-то в этом доме не убирались.

Включив фонарик на мобильнике, Ребров спустился по скрипящей деревянной лесенке. Когда ноги коснулись земли, он с усмешкой подумал, что старик может закрыть его и сбежать. На всякий случай он глянул в телефон — связь ловит. Ребров осветил подпол фонариком. Наверняка здесь хранится обычное содержимое сельских погребков: банки с вареньем, соленья, картошка...

От увиденного Ребров присвистнул.

Всю правую сторону помещения украшали криво прибитые книжные полки. Следователь осветил фонариком корешки фолиантов. Казалось, здесь собрали всю литературу о китах: виды, миграция, мифы, сборники сказок, записки учёных и китобоев. Ни одной книги о чём-то другом — вся библиотека

посвящалась изучению китов.

Но что по-настоящему пугало — это фигурки китов, расставленные на полках с левой стороны коморки. Фарфоровые, деревянные, стеклянные, сделанные из папье-маше. От крошечных, не больше ногтя, до размеров небольшой собаки. Ребров насчитал около пятидесяти фигурок и сбился. Святя фонариком, Ребров прошёл к дальней стене храмилища, где вера в то, что старик что-то сделал с мальчишкой, зажглась в следователе с новой силой.

Рисунки. Десятки изрисованных карандашом альбомных листов. Прибитые к стене кнопками, они наслаждались друг на друга. Здесь были и абсурдные зарисовки, где людей изобразили с тремя головами и десятками рук за спиной, и вполне реалистичное разбитое зеркало, которое срисовали со стоящего в гостиной. Ребров наугад сорвал два листа со стены — на одном сбитые в кучку люди молились на коленях в окружении китов. На другом — четверо мёртвых китов вспыли пузом кверху.

Реброва замутило — то ли из-за спёртого воздуха и пыли, то ли от этих картинок. Он неловко пошатнулся и выставил руку вперёд. Пальцы коснулись листа, который оторвался от стены и упал на пол.

Ребров посветил фонариком: человек на рисунке шёл по дороге с распростёртыми к небу руками. Голова идущего была повёрнута назад и занимала

три четверти альбомного листа. Ребров поразился сходству портрета — его будто срисовали с фотографии, повторив каждую черту парня из цыганского табора.

Дрожащей рукой Ребров оторвал кнопку от стопки рисунков, из которой выпал предыдущий. На следующем портрете учительница математики лежала на траве с такой же гипертрофированной, как у цыгана, головой и блаженно улыбалась. В небе над женщиной плыли киты.

Ребров перебрал следующие листы. Пропавшая девчонка, автомеханик, медсестра...

Из состояния прострации Реброва вывел голос старика. Тот говорил так же беспечно, как во время допроса на лавке:

— Свинья везде грязь найдёт, верно?

От испуга Ребров выронил портреты и повернулся. В отсвете фонаря лицо старикаказалось сделанным из свечного воска.

— Сожги их, — потребовал старики. — Сейчас.

— Откуда эти рисунки? — Рука Реброва потянулась к пистолету. — Будь они здесь до вас...

— Их здесь не было, — перебил мусорщик.

— Твоих рук дело?

— Мальчишки. Сделай то, чего не могу я. Сожги!

Голос старика сорвался на визг, лицо побагровело. Ребров достал пистолет и наставил дуло на мусорщика.

— Подними руки и на выход.

Старик не двинулся с места.

— Сожги, сожги, сожги! — как заведённый, повторял он.

Участковый появился как раз вовремя. Он спрыгнул с лестницы и по кивку Реброва облачил мусорщика в наручники. Тот не сопротивлялся.

— Уводи, — скомандовал Ребров. — Сразу в участок, и как можнотише!

— Огонь, — пролепетал старик. — Вот настоящеелекарство!

— Заткнись! — рявкнул участковый, потащив мусорщика к выходу. — Ай!

Участковый споткнулся и завалился вместе со стариком на землю. Ребров убрал пистолет в кобуру и поднял обоих, не выпуская фонарик.

— Раствя! — крикнул Ребров.

— Тут какая-то коробка, — промяглил участковый.

Ребров посветил фонариком туда, где споткнулся полицейский. Из коробки на пол выпали вещи, которые Ребров видел уже сотни раз.

Следователь наизусть знал одежду, в какую были одеты исчезнувшие. Рабочая форма автомеханика с подтёками масла. Красные туфельки медсестры. Майка «ЦСКА» с фамилией Дзагоев, которую в тот злополучный день надела девочка, одолжив у старшего брата. Было здесь и нижнее бельё, и носки, и

ботинки... Ребров бегло оглядел вещи — ни следа крови.

— Товарищ следователь, — заговорил участковый.

Ребров вздрогнул и с трудом удержался, чтобы не закричать:

— Чего застыл?! Уводи его!

Старик стоял на коленях. Взгляд его блуждал по комнате, словно сознание мусорщика провалилось в одну ему доступную бездну.

— Мальчик нашёлся, — улыбнулся участковый. — Пришёл к дому, без единой царапины, разве что напуган.

— Что он сказал?

— Ничего, — улыбка паренька померкла. — Он немой.

— Увози всех, — только и сказал Ребров, пока пальцы сами собой тянулись за сигаретой. — В Следственный комитет вызови доктора, пусть осмотрит мальчишку. Разошли ориентировки ребёнка — его наверняка похитили. Передай опергруппе, чтобы нашли специалиста по языку жестов. После звони в органы опеки.

Участковый потащил старика к выходу. Ребров закурил, поднял рисунки и едва не упал. То ли бессонная ночь дала о себе знать, то ли ощущение нереальности происходящего, но следователь готов был поклясться, что бумага вибрировала, а головы

жертв поворачивались вокруг своей оси, заходясь в немом крике.

За следующий час Ребров добрался до Следственного комитета, где упился кофе, подписал пару отчётов и теперь сидел в кабинете допросов. Специалист по языку жестов был в пути, а пока мальчишку сторожил участковый. Врач уже осмотрел ребёнка и подтвердил, что на его теле нет ран, и жизни не угрожает опасность. Ориентировки потерпевшего рассыпали в ближайшие города, а представитель органов опеки обещал прибыть в течение дня, чтобы забрать мальчика до выяснения обстоятельств.

Вопреки киношным клише, комната для допросов в следственном комитете не была звуконепроницаемой. Пару раз Ребров слышал, как участковому говорили, что он может идти, но тот отвечал, что охранять мальчика — его долг. После поимки предполагаемого маньяка отдел оживился и загудел — из дома мусорщика в лабораторию принесли кучу вещей на экспертизу. Не тронули с места лишь рисунки — по словам Реброва, в их расположении мог крыться смысл и позже он планировал вновь осмотреть подпол.

Ребров посмотрел на сидящего через стол мусорщика. Лицо старика не выражало чувств, словно здесь находилось лишь тело, а душа была в отлучке.

По старинке включив диктофон, Ребров начал допрос:

— Назовите ваше имя.

Как и ожидалось, старик промолчал.

— Ориентировки мальчишки разошлют по стране, — отчеканил Ребров. — Если он исчез из детдома, то ответ придёт в течение дня. Когда вы похитили его? Что стало с остальными пропавшими? Зачем приехали в Кащеевку? Мальчишка знал, что умрёт и поэтому сбежал? Не тяните, мы всё равно узнаем, кто вы. Пишите чистосердечное, зачтётся в суде.

Старик поднял скованные руки. Ребров едва не ударил кулаком по столу — какой же он дурак, что не заметил! Мусорщик ведь даже на лавке прятал руки в карманы.

Ладони старика были обожжены. Лиловые наросты топорщились на кончиках пальцев. Никаких отпечатков. Им ничего не узнать о подозреваемом, если он сам не расскажет.

— Вряд ли что-то получится, если не помогу, — хмыкнул старик, словно прочитав мысли следователя.

— Ваша соседка скажет нам...

Мусорщик расхохотался каркающим, режущим уши смехом:

— В сорок лет вы похожи на ребёнка. Думаете, я сказал ей настоящее имя? Берите пример с начальника станции — он вообще ничего не спросил. На дороге

чисто, и ладно.

— Чего вы хотите? — Ребров сделал вид, что сдался. Он мог и не торопиться: оснований для задержания достаточно. Рано или поздно мусорщик всё расскажет.

— Правды, — ответил старик.

«Всё-таки рано», — подумал Ребров.

— Знаете миф о трёх китах? — спросил старик.

— Тех, что на спинах держат мир?

Мусорщик энергично закивал. В первый раз за утро он выглядел оживлённым.

— Одна легенда гласит, что китов было четверо, — начал старик. — Кит, что нёс больше всего грехов, погиб. Тогда часть земли ушла под воду, а вода растеклась на океаны, моря и реки. Если погибнут остальные, в мир хлынет тьма.

— Как это связано с пропавшими?

— Мальчишка, который вроде как является моим внуком — четвёртый кит. Он не погиб, как гласит предание, а спустился на землю, чтобы помочь извне.

Ребров поборол глупый смешок. Почти каждый пойманный маньяк пытается заменить тюрьму психбольницей. На губах следователя появилась хищная улыбка: он соврал, когда говорил о снисхождении. Ребров уже решил, что сделает всё, чтобы отправить ублюдка в «Чёрный дельфин» или в «Белый лебедь» — самые жуткие тюрьмы России.

— Я знаю: мальчик покинул братьев не по своей воле, — продолжил мусорщик. — Дело в вере: когда-то целые народы поклонялись китам, но спустя века стали для нас лишь кусками мяса и китового жира. Но им по-прежнему нужны были Источники.

— Вы пытаетесь связать пропавших и Источники? — подыграл мусорщику Ребров.

— Пропавшие и есть Источники. Он...

— По-вашему, ребёнок убил пятерых человек?

Старик хлопнул себя по лбу в негодовании:

— Не убил, а нарисовал! Не знаю, сколько они ещё прожили — киты научились растягивать удовольствие от трапезы.

— Почему именно эти люди?

— Только они пришли на зов.

— Зов?

— Пение. Источники идут на песнь, и мальчик переносит их в портреты.

Ребров глянул на часы — 8.30 утра. Он проболтал со стариком час и ничего не узнал. Чистосердечно не будет, это ясно. Ребров больше не мог сдержать накопившуюся за годы ярость:

— А вещи? Их он в портреты не прячет? Почему пятнадцатое июля? Почему только один раз в год?

— Одежда — шелуха, а пятнадцатое июля — привычка, — отмахнулся мусорщик. — Правда в том, что мальчик умирает, ведь Источники переходят

в другой мир, а в нашем ему нечем питаться. У него нет сил вернуться домой. Всё, что он ещё может — раз в год нарисовать Источник.

Впервые за свою карьеру Ребров не удержался. Одним махом он оказался возле старика и схватил его за грудки:

— Я шесть лет гонялся за тобой, вместо того, чтобы растить дочь! Жена подмешивает мне снотворное, чтобы я мог заснуть и перестать думать о тебе! Как ты заманил жертв? Как не оставил следов?

— Ты чувствовал, что рисунки выбирируют, — быстро, как заклинание, прошептал стариик. — Как и китам, им нужна вера. Не поддавайся, иначе они оживут. Сожги дом.

Ребров не помнил, как толкнул мусорщика, и тот рухнул со стула на пол. Из-под головы на линолеум растеклась лужица крови. Глаза старика закрылись, изо рта вывалился кончик языка.

— Почему ты пришёл? — орал Ребров, зная, что мусорщик не услышит.

В кабинет кто-то вбежал, крепкие руки схватили Реброва за плечи и потащили к двери. Перед тем, как его вытолкнули, следователь посмотрел на старика.

Тот открыл глаза и, как ни в чём не бывало, глядел на Реброва.

— Я не закончил допрос! — хрюпал следователь, пытаясь вырваться. — Кто ты такой? Кто?! Скажи мне!

Мусорщик ответил.

Лицо Реброва скривилось от ненависти: стариик опять лгал.

Ребров умылся, получил нагоняй от начальства и с чистой совестью курил на крыльце комитета. Всё кончилось. Ужас, который шесть лет сковывал Кашеевку, увезли в больницу.

— Правосудие ещё и не таких ломает, — пробормотал Ребров.

— Что, простите? — раздался голос сзади.

Ребров обернулся. Участковый. Следователь в первый раз задумался, о том, сколько пареньку лет. Наверное, не больше двадцати двух. Или лет тридцать. Участковый зажал под мышкой сложенный листок и бумажную папку.

— Ребёнок заговорил? — спросил Ребров.

— Он же немой, — замялся участковый.

— На языке жестов, — терпеливо добавил Ребров. Участковый почесался, и глядя под ноги, ответил:

— Мальчик им не владеет. Может, его похитили очень давно?

— Кто сейчас с ним сидит?

— Ну, — участковый принял искать варианты. — Я хотел перекусить, вот и подумал...

— Возвращайся к мальчику, дождись органы опеки

и дуй домой. Понял?

— Так точно! Кстати, мальчик мне кое-что передал и показал на вас. Ну, когда допрос кончился, — Может, подарок за спасение?

На улице повеяло холодом. Пульс Реброва участился, по телу побежали мураски.

— Давай скорее, — выпалил Ребров и тут же подумал: чего бояться? Бредней старика? Того, что картинки оживут?

Участковый отдал смятый лист бумаги.

Ребров развернул листок и пару секунд глядел на рисунок. От ледяного взгляда следователя участковый отпрянул.

— Если хочешь жить, приведи ребёнка. Сейчас же! — приказал Ребров.

Участковый побежал в здание, но мальчик уже бесследно исчез — как и все те, кто пропал пятнадцатого июля.

«Ладу» Реброва делали не для гонок, но ему было плевать. Стрелка тахометра то и дело влетала в красную зону, двигатель злобно урчал, а придорожные кафе вдоль трассы пролетали мимо, будто миражи. Всю дорогу он думал о дочке. Представлял, как обнимет, коснётся кудрявых волос. Чёрт, даже купит собаку, о которой девчонка мечтала!

В 9:40 утра Ребров остановил машину возле дома старика. Всю дорогу он щурился от бьющего в глаза солнца и только чудом не протаранил пару еле плятущихся фур. Первым делом следователь открыл багажник и достал канистру с бензином. Оглядевшись по сторонам, подбежал к разбитому окну.

За каждый сделанный шаг Реброва проклинал себя. Зачем он здесь? Они поймали маньяка. Да, немой мальчик сбежал, но найти его не составит труда. Все доказательства вины старика — кроме рисунков — уже в Следственном комитете. Мусорщик признает вину — придет время, ему выделят адвоката, который объяснит, что сотрудничество со следствием гарантирует нахождение в СИЗО, где условия лучше, чем в тюрьме.

Когда Ребров полез в разбитое окно, в кармане завибрировал телефон. Звонила жена — раз двадцатый за последние полчаса. Ребров спрыгнул на пол и взял трубку.

— Она просто ушла гулять, — ласково сказала жена. — Да, её нет на футбольном поле с другими детьми, но вся Кашеевка только и говорит, что ты поймал маньяка. Мильй, пожалуйста, вернись домой...

Ребров положил трубку. Что-то здесь не так? Почему улица вокруг дома пустует, словно что-то заставило людей уйти? Даже «опер», который должен был стеречь хибару до приезда Реброва за оставшимися

рисунками, куда-то исчез.

«Словно кто-то хочет, чтоб всё было ненормально», — подумал следователь.

Ребров подбежал к подполу, и тут дёрнулся, как от удара. Поначалу он решил, что кто-то кричит, но тут же вспомнил, где слышал раньше этот звук: лет двадцать назад в программе с Жаком-Ивом Кусто. Писк, который ни с чем не спутать — песнь китов. Следователь полез в карман. Песнь звучала из рисунка, который ему передал участковый. Картинки, где дочь следователя держит в руках свою голову, а на месте ее головы топорщится китовый плавник.

Ребров смял рисунок. Писк прекратился. Следователь вспомнил слова старика: «Им нужна вера». Но как можно поверить в бредни, рассказанные психопатом? Старик мог сам нарисовать рисунок и заранее передать его мальчишке, надеясь, что тот напугает им Реброва.

— Надежда оправдалась, — вслух сказал Ребров. Он открыл дверь в подпол и спрыгнул вниз. Затем следователь включил фонарик и положил телефон в карман рубашки так, чтобы верхняя часть устройства освещала помещение. Он мог сделать так и во время предыдущего осмотра, но забыл. Не глядя на рисунки, Ребров открыл канистру и облил стены бензином. Сжечь. Быстрее. Закончить кошмар навсегда.

— Папа, — позвал голос из ниоткуда.

Ребров зажал уши. Нет. Это неправда. Маньяк пойман. Всё кончено.

— Их зубы, пап... Они кусают!

— Хватит! — закричал Ребров. — Прекрати!

— Пап, я была права — моя кровь розового цвета...

— Неееееет! — Ребров положил почти пустую канистру на пол, левой рукой достал рисунок, а правой — пистолет.

Света фонарика не хватало, но он успел заметить мелькнувшую в углу тень. Ребров пальнул в темноту — мимо. В ушах зазвенело, голова закружилась — стрелять в ограниченном замкнутом пространстве было не лучшей идеей.

Держа пистолет наготове, Ребров двинулся к кипе распятых на гвоздях рисунков. Тусклый свет фонарика кое-как освещал листы, но этого хватило, чтобы увидеть всю историю.

Ведь теперь он в неё верил.

Четверо китов плыли под наэлектризованным, полным молний, небом. Вдруг самый крупный кит остановился и рухнул на землю. От удара поверхность земли содрогнулась. Появившиеся трещины расширялись, заполняясь водой. Океаны, реки и моря рождались на глазах Реброва. Кит исчез. Вместо него из воды вышел нагой, маленький мальчик. Словно привыкая к земле, он открыл рот и запел.

Ребров не сдержал блаженной улыбки. Он услышал

тот самый зов, ради которого сто, двести, триста лет назад люди бросали всё, что угодно — лишь бы быть ближе к мальчишке.

Песнь оборвась, и Ребров увидел то, как мальчик рисовал их. Увидел, как люди послушно снимали одежду, чтобы принести себя в жертву.

Он разглядел и свою дочь. Несколько штрихами немой мальчик изобразил её, а после росчерком провёл девочке по шее. Голова малышки исчезла. Вид дочери привёл Реброва в чувство — он ударили себя по лицу и наваждение спало.

«Сожги», — заговорил в голове мусорщик, который ещё несколько часов назад стоял на коленях в этом подвале.

Ребров убрал пистолет, достал из кармана зажигалку и коснулся книжного стеллажа. Мальчик из темноты рванул к рисункам. Следователь поразился его худобе — ребёнок выглядел как узник концлагеря.

— Сколько времени ты не ел? — спросил Ребров, зная, что ответа не получит. — Кто нарисует Источник для тебя?

Книги вспыхнули, огонь перенёсся на рисунки. Подпол наполнился воем — следователь слышал крики людей и песнь китов. Удушающий дым коснулся лёгких Реброва. Слезящимися глазами он взглянул на портрет дочери. Её не спасти, но и мучаться она не будет.

Разжав пальцы, Ребров положил портрет дочки на одну из полок. Рисунок задымился и беззвучно сгорел.

Следователь всё ещё мог сбежать, или хотя бы достать пистолет, но замер на месте. Земля под ногами не горела, а лишь дымилась, пока книги, фигурки и рисунки пожирал огонь. Что говорил мусорщик? Мальчик помогает братьям побеждать тьму?

Больше не будет.

Ребров заметил ребёнка — тот пытался снять со стены какие-то рисунки. Казалось, дым совсем не действует на мальчишку — он даже не закашлялся. Но учитывая то, как он исчез из коридоров комитета и оказался в доме мусорщика, Ребров ничему не удивлялся.

Сквозь дым Ребров заметил, что было изображено на двух рисунках, которые мальчик стянул со стены. В левой руке парнишка держал лист, на котором по небу плыли трое китов, в правой — собственный портрет.

«Сожги, сожги!» — вновь услышал он в голове голос мусорщика.

Но как? Зажигалка? Совсем простенькая — если кинуть ею в мальчишку, огонёк, скорее всего, потухнет.

Ноги подкосились, и Ребров осел на землю, как ребёнок, который только учится ходить. Глаза слезились, силы оставляли его. Ребров попробовал

встать, но задел ногой канистру с бензином — она чудом не рухнула на пол.

Ребров захрипел и ногами подтянул к себе канистру. Воздух почти закончился, и из груди следователя вырывалось прерывистое, хриплое дыхание. Влив в рот несколько глотков бензина, Ребров прыснул ими в сторону мальчишки, одновременно повернув колёсико зажигалки.

Одежда пацана вспыхнула, как сухая трава, но вместо того, чтобы попытаться сбить с себя огонь, парень направился к Реброву.

Следователь уже отключился, когда детская рука пихнула ему за пазуху смятый комок бумаги.

— Кто ты такой?

Губы мусорщика шепчут ответ...

Вокруг спят десятки людей. Самые буйные пациенты психбольницы лежат в другом крыле. А здесь по ночам царит тишина. Ребров встал с кровати. Он услышал тихий смех санитаров в кабинете — наверняка играют в карты.

Порой Ребров сбивался со счёту — сколько времени он здесь находился уже? Пятнадцать? Двадцать лет? Не важно. В таких местах время испаряется, как роса на траве под лучами солнца.

Тем утром, когда он сжёг мальчишку, его спас

участковый. Заподозрив неладное, поехал за Ребровым, но пошёл в дом за следователем лишь тогда, когда начался пожар. Он спустился в подпол в тот момент, когда мальчишка уже загорелся. Оценив повреждения следователя и мальчика, участковый вытащил Реброва из огня, вызвал скорую, и на долгие годы стал одной из легенд Кащеевки.

На суде Ребров согласился с тем, что убил мальчика. Имя немого ребёнка так и не узнали, а его так называемый дед исчез из больницы. Когда Реброва спросили, зачем он сжёг ребёнка, он, как и положено офицеру, ответил правду.

Его отправили на лечение в психиатрическую больницу. В таких случаях в делах пишут: «До улучшения состояния здоровья». Но с каждым годом Реброву становилось лишь хуже. Много часов бывший следователь провёл у окна. Проходившие мимо врачи и санитары, к радости Реброва, не обращали на него внимания. В глубине души он надеялся, что хоть раз увидит плывущих за окном китов, но за пластиковой преградой не было ничего, кроме пустого неба.

Жена не навещала Реброва. Она так и не оправилась от пропажи дочери, а поскольку других подозреваемых не было, винила во всём мужа. Спустя пару лет после заключения в больницу Ребров подписал пришедшие по почте бумаги о разводе

и отпустил любимую женщины в новую жизнь.

Прошло много лет, прежде чем бывшая жена написала ему. В письме она сообщила, что умирает и просит прощения за боль, которую причинила. Она писала, что готова выполнить любое посильное желание — лишь бы уйти в мир иной без угрозений совести.

Ребров написал короткое письмо, в котором перечислил то, что ему необходимо. Он не надеялся, что бывшая жена ему поможет, но она пошла ему навстречу. Оказалось, она всё ещё хранила некоторые его вещи, в том числе рисунок с обгоревшими уголками, который ей по доброте душевной отдал врач, лечивший Реброва от ожогов.

Ребров хмыкнул: совпадения в реальной жизни порой оказываются невероятно сказочными.

Бывший следователь долго упрашивал лечащего врача не конфисковать пришедшее письмо с вложенным внутрь рисунком. В конце концов, тот согласился — благо за годы лечения Ребров прослыл одним из самых тихих пациентов в больнице.

Сейчас Ребров шёл в туалет, зажав смятый рисунок в кулаке. Он уже делал так десятки раз и знал, что получит нагоняй, когда санитары обнаружат пустую кровать и запертую кабинку.

Ребров юркнул в туалет и закрыл дверь на шпингалет. Рисунок выбрировал в руках. Бывший следователь поглядел на почти стёртое за годы изображение.

Три кита плыли над железной дорогой, вдоль которой раскинулась Кащеевка. Среди сбившихся в кучку домов Ребров без колебаний узнал свой. Он ласково провёл пальцами по шершавой бумаге.

Рисунок не всегда впускал его. Иногда Ребров слышал гул, закрывал глаза и просыпался сидящим на унитазе. Но сейчас кабинка опустела — самый спокойный пациент больницы исчез в неизвестном направлении.

В мире, куда попадал Ребров, у него не было власти. Он словно вживался в чужое тело, принимая воспоминания, одежду и даже чёртову трость. Он знал, что год назад переехал в Кащеевку с немым мальчишкой, которого никогда не фотографировал. Устроился работать мусорщиком. Сейчас Ребров почти бежал по железной дороге — если он не успеет на встречу с китами, рисунок вытолкнет его обратно.

Он успел. Переведя дыхание, старик глядел на молодого мужчину, который фанатично дёргает ручку двери, идёт к машине, отъезжает на несколько метров, останавливается и снова уезжает.

С замиранием сердца старик глядел на молодого себя.

В свои первые путешествия Ребров пробовал что-то изменить, но впустую. Он всегда начинал

путь с одной точки. Иногда он пытался бежать к дому Реброва, но сразу же оказывался в кабинке больничного туалета. И теперь всё, что мог старик — это умолять себя не выходить из дома.

Но каждый раз машина следователя Реброва исчезала в клубах пыли на просёлочной дороге.

Множество раз старик пытался убедить молодого себя в том, что надо сжечь дом при первом же осмотре и всегда терпел неудачу. А когда пытался выхватить у Реброва зажигалку, оказывался в до боли знакомой кабинке туалета.

«Сжатый мир», — такое название дал Ребров месту, куда попадал сквозь рисунок. Он так и не разобрался, почему год назад переехал сюда с мальчишкой, но помнил все, что помнил мусорщик, в которого он превратился.

А может, все эти воспоминания были ложны — по всем правилам этого мирка без свободы действий.

Единственное, в чём Ребров здесь не сомневался — реальность китов. С каждым путешествием им становилось хуже. Они умирали, но могли ли умереть заточённые в иллюзию животные?

Порой, возвращаясь в реальность, где вокруг бродили люди в халатах, Ребров думал, что было бы, не убей он тогда мальчика.

Ответов на этот вопрос у него не было. Здравый смысл — если он оставался — подсказывал Реброву,

что следователь, в мир которого он приходит через рисунок, так же убивает мальчишку, попадает в больницу и перемещается в мир, где в небе плывут трое китов.

Так какая по счёту иллюзия он сам? Первая?.. Восьмая?.. Сотая?..

Ребров не знал. Поход в мир рисунка всегда заканчивался одинаково — ударом по лицу и звуками сирены скорой помощи. Тогда старик открывал глаза, запихивал рисунок в трусы и брёл в кровать, надеясь, что санитары всё ещё играют в карты.

Порой Ребров думал, что всё-таки сошёл с ума, но в глубине души знал, что это ложь. Да, в мире рисунка следователь никогда не поверит в то, что перед ним сидит его постаревшая копия. Да, в нём у Реброва нет власти — лишь возможность попытаться убедить следователя сжечь дом при первой же возможности. Одной из вещей, не дающих ему покоя, был портрет мальчишки. Он сам нарисовал себя, сделав уязвимым? Выбрал огненную смерть вместо голодной? Или слишком устал от земного существования, так и не забыв, как вёл братьев в полёте?

Братья. Боль китов не была иллюзорной. С каждым новым визитом Реброва им становилось хуже, будто рисунок был предназначен для определённого количества посещений. Ребров допускал, что киты заперты в нём и умирают потому,

что не могут выбраться.

Он знал, что может убить их — надо только сжечь рисунок. Но Ребров не решался. Что, если мир китов — настоящий? Что, если он не сжёг мальчика, но только заперт в каком-то рисунке, висящим в чём-то подполе? Что, если его обманули?

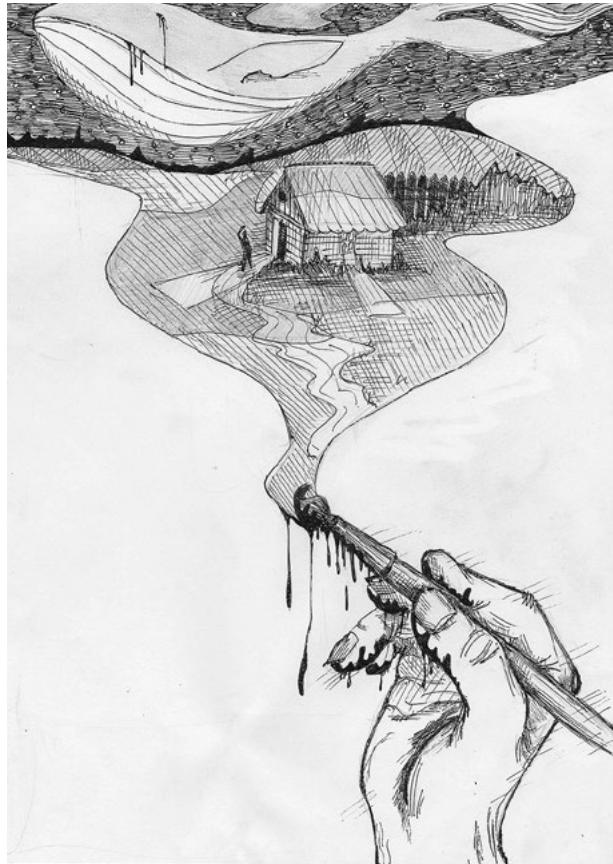
Проверять он не пытался — разве можно стереть место, где ты счастлив? Но сколько раз он сможет посетить мир рисунка, прежде, чем киты умрут, и в мир хлынет тьма?..

Голова Реброва закружилась. На некоторые вопросы существует слишком много ответов.

Идя по железной дороге, он вспомнил разбитое зеркало в гостиной заброшенного дома. Десятки лежащих на полу осколков показывали разные изображение, но каждое из них было настоящим.

Или... нет?

■

Офис интернет-магазина «Техностой» донимало привидение Саши Троеплюева — программиста, чей окровавленный скальп висел на двери начальственного кабинета, а обглоданный скелет похрустывал у входа в отдел рекламации, планомерно рассыхаясь в плотной картонной коробке от складного велосипеда «Ласточка».

«Всё зарплату ждёт, — усмехался логист Николай, возвращаясь с прогулки у подножия бизнес-центра, усеянного окурками и проклятиями, — хрен теперь». За то, что этот программист натворил при жизни, зарплаты в «Техностое» не полагалось, только наказания. Однако привидение Троеплюева не сбиралось сдаваться.

Зная работу интернет-магазина, как свои пять пальцев, злой дух поверженного программиста наносил один болезненный удар за другим: принтер жевал бумагу, плевался тонером, в наушниках операторов пропадал звук, понятные шоффёрам ругательства Босса коверкались телефоном до интеллигентной неузнаваемости, проводка мистически искрила, обесточивая сервер, маршрутизаторы и чайник.

Душеприказчика звали Роман. На проблемы он обрушивался с безудержным размахом, самурайской свирепостью и глубоким знанием психологии сотрудника.

«Ваня, ты как сам считаешь, это нормально?»

«Ром, что?»

«Вот это».

«Ну... Мне сказали...»

«Ваня, послушай, если будет возврат... я отрежу тебе ухо».

«Ухо?»

«А как ты хотел? Вас предупреждали, вам писали, вам три раза говорили...»

«Васильковой за то же ноготь... и то наполовину».

«Чем ты недоволен? Одно всего ухо, у тебя же их два. Ваня, ты хороший

Алексей Жарков

День зарплаты

парень, ты мне нравишься, но мы договаривались. Это справедливо. Всё, иди работай».

Привидение Троеплюева с каждым часом усиливало натиск: портило, вредило, подставляло, но за проделки мертвеца доставалось живым. Роман зверел по часам. Впрочем, возможности привидения были всё же ограничены, а косяки сотрудников предсказуемы, так что серьёзные опасения вызывал лишь новенький.

Его взяли незадолго до окончательной расправы над Троеплюевым, всего за три дня до свежевания и заточения Сашиных костей в глухую велосипедную коробку. Новенького звали Гоша. В сложившихся обстоятельствах, учитывая предыдущий суровый опыт, Роман проявлял к нему особенную бдительность. Всякий разговор с Гошой он начинал с оглушительной декларации того, что на сайте всё плохо и ничего не работает, и, не дав опомниться, виртуозно атаковал конкретикой.

«Ты считаешь, это нормально?»

«Что — это?»

«Это отстой! Это ужас! Ты, вообще, чем смотришь? Мы за такое Саше пальцы ломали. Видел?»

«Ну, да...»

«Вот здесь, и здесь. Почему такая бледная точка?»

«Это иконка... могу сделать ярче... а что, не работает?»

«Сначала это исправь. Мы тебе деньги платим, ты сегодня уже два часа работаешь, что ты за это время сделал?»

Гоша задумался. Тем временем, привидение пробралось на его компьютер и залезло в святая святых — в метод расчета товарных наценок. И разверзлись врата корпоративного ада. И почернел навесной потолок...

В полдень проявился Босс. Он вернулся со склада на мотоцикле, поставил в угол кровавую кувалду в обломках костей, и принялся со скрипом стягивать с себя мотоциклетную кожуру, в которой были проделаны аккуратные, окаймлённые стальными кольцами отверстия, куда он просовывал произраставшие у него вдоль позвоночника костяные шипы.

— Рома, что там?

— Жопа.

Рома встал из-за стола, поправил на поясе ремень с иероглифом «Гегемон» на пряжке и снова сел.

— Что?

— Жопа.

— Ну, зови этих, — кивнул Босс, — сейчас ограбут.

Роман выкрикнул имя. В кабинет пролез очень высокий человек с худым лицом и руками ниже колен, костлявый и неуклюжий, богомол в пиджаке.

— Пили? — весело спросил Босс.

— Ну, так у Вани день рождения, — промямлил костлявый, испуганно косясь на прицепленные к ключу от мотоцикла в качестве брелока сущеные уши Троеплюева, нервно сглотнул и добавил:

— Мы же после шести, рабочий день...

— Неважно. Это косяк, — сухо произнёс Босс, вынимая из стола кусачки. — На. Знаешь, что делать?

— Знаю... — сложил плечи костлявый.

— Давай. Иди. Кто еще?

Работа с сотрудниками продолжилась.

К четырём дня «Техностой» погрузился в хаос. Сбой в расчете наценок, вызванный мстительным привидением Саши Троеплюева, привел к сокрушительным последствиям — товар со свистом расходился со складов по ценам дешевле закупочных, и пока новенький разбирался с программой, «Гегемон» отрывался на сотрудниках.

— Вот, ломай! — Роман положил на стол перед Николаем массивные, хромированные, зловеще изогнутые щипцы.

— Опять?! — возмутился Николай, — у меня так вообще зубов не останется.

— Твой косяк. Обещал? Не сделал? Давай!..

— Да ну нафиг, Ром, я на это не подписывался!

— Тогда пиши заявление.

— Отлично! Вот и напишу.

— Только учи, что две недели ты обязан отработать.

Николай задумался и пересчитал языкком оставшиеся зубы.

— Ну что?

— Подумаю, — буркнул Николай.

— Тогда вот.

Николай зло сорвал со стола щипцы, запихнул

себе в рот и сжал у основания челюсти. Роман поморщился от хруста, на стол брызнула кровь.

— Ха, язык, что ли прихватил? Еще пригодится.

— Десну... — простонал Николай.

К вечеру весь офис был залит кровью, усеян зубами и ногтями, на фикусе болтались чьи-то глаза, а в лифте застрял водитель с торчавшим из заднего прохода детским подвесным турником. Скрепя сердце, Босс всё же согласился выплатить Троеплюеву зарплату. Привидение успокоилось и вернулось в коробку от «Ласточки». Сотрудники начали расползаться по домам, кто-то мрачно шуршал бинтами на кухне, но предвкушение уже заполняло пропитанный запахом медикаментов воздух: завтра зарплата.

На следующий день в офис начали собираться все, кто за прошлый месяц имел возможность поработать на Босса: ослеплённые водители, кладовщики с переломанными руками, логисты на инвалидных колясках, операторы с присохшими к скальпированному черепу гарнитурами, девушки без губ и носов из отдела рекламации, безухие контент-менеджеры с сорванными ногтями и раздробленными фалангами. Последним приполз на руках бухгалтер — у него не хватало нижней части туловища, но он предусмотрительно завязал кишки узелком, чтобы на них не наступали в общественном транспорте.

Когда все собрались, в офисе появился Босс. Цокая копытами, он зашел в кабинет, сверился с ведомостью,

достал ключи и наклонился к сейфу. На его коротко стриженной голове сверкнули рожки. В недрах бронированного сейфа весом в половину тонны посыпал на медленном огне высокий чан с густым зловонным варевом. Босс погрузил в него широкий половник и зачерпнул бурое месиво.

— Кому зарплата нужна?! Заходите.

Первым вошел Николай, залез обеими руками в половник и принялся распихивать похожую на жидккий фарш зарплату по карманам. Испачканные руки облизал, после чего крепко сжал зубы и вскрикнул от удовольствия.

— Ну, — улыбнулся Босс, — хорошо?

— Да! Все на месте.

— Следующий.

Через некоторое время офис наполнился необычными звуками останавливающихся мягких тканей, костей, шелестом отрастающей кожи и поскрипыванием надувающихся заново, словно шарики, глаз. У многих на этом заплата и заканчивалась, другие несли остатки домой — детям и всем, кто за этот месяц попал под горячую руку. Дольше всего восстанавливался бухгалтер. Кроме про-чего, он забыл про одежду — вышла неловкость перед ставшими вновь симпатичными девушками из отдела рекламации.

Досталось и Троеплюеву. Босс затолкал в его коробку увесистый ошмёток зарплаты. Роман, наблюдавший за этим, добавил: «Понял? мы никого не обманываем!».

Ничего не досталось только Гоше, он работал первую неделю и всё у него было еще впереди.

Иллюстрация Анастасии Баталиной (ГТАХ)

Электричка остановилась возле пустого перрона в половине восьмого утра. Стоя в тамбуре, Сергей чувствовал себя плохо, он устал и не выспался. Вечером опоздал на поезд, три часа прождал следующего на вокзале в Минске, а потом еще четыре — провел на жестком, неудобном сидении в полупустом трясущемся вагоне. Тяжелая была ночь.

Перед лицом раскрылись автоматические двери с потертыми надписями «Не прислоняться». Держа в руке большую дорожную сумку, Сергей спрыгнул на бетонные плиты перрона. Осмотрелся по сторонам — никого, только одинокий служащий железнодорожной станции делал какие-то знаки руками машинисту электрички. Состав дернулся и тронулся в дальнейший путь. Сергей с минуту постоял на перроне. Его должны были встретить. Костя, бывший однокурсник по строительному факультету, который позвонил неделю назад и предложил ему пройти это собеседование.

Солнце поднималось из-за высоких деревьев. Небо было чистым. День обещал быть жарким. Уже сейчас, несмотря на раннее утро, воздух был тяжелым и влажным. Рубашка неприятно прилипала к телу. Сергей снова осмотрелся и двинулся к зданию железнодорожной станции. Может быть, Костя ждет его там? Оказалось, так и есть. Бывший университетский приятель, с которым они не виделись почти десять лет, сидел в зале ожидания. Раскинувшись на лавке, вытянув ноги и опустив на грудь тощий небритый подбородок. Он спал. Сергей подошел и осторожно потрогал Костю за плечо. Тот открыл глаза и едва заметно вздрогнул, словно испугавшись.

— А, Серега, ты здесь уже? — пробубнил он, пожимая руку старому товарищу, — Прости, что не встретил у поезда... Закемарил тут...

— Да ничего, — сказал Сергей.

Больше всего его удивил внешний вид Кости. Сергей помнил его, как здорового жизнерадостного весельчака. Сейчас перед ним сидел

Евгений Абрамович

Коридоры

угрюмый, побитый жизнью мужик. Худой, небритый, с глубоко запавшими глазами, обведенными темными кругами бессонницы.

— Короче, — снова начал Костя, — работа хорошая. Мужик, который, ну... это, типа главный здесь, платит любые бабки. Лишь бы все было закончено в срок. Потом, если ты ему понравишься, он тебя к себе в фирму возьмет. Без вопросов... Любые деньги, понимаешь? Лишь бы в срок...

Он говорил, не глядя на собеседника, уставившись в пол. Быстрые обрывистые фразы пытались донести до Сергея основную мысль. Большие деньги, хорошая работа, лишь бы в срок. Как будто уговаривал его.

— Так ты меня с ним познакомишь? — спросил Сергей. — Ну, с заказчиком?

— Нет, дружище, — резко запротестовал Костя. Потом замолчал, отдохнулся и продолжил уже более спокойно, — Понимаешь, у меня такие обстоятельства. Я больше не могу здесь работать... У меня через час поезд. Я уеду.

— Случилось что-то? — спросил Сергей.

— Случилось, да. Но это личное, понимаешь?

— Понял, ладно... А что там за объект хоть? Ты про какой-то дом говорил.

Костя снова коротко вздрогнул. Нервный какой, подумал Сергей.

— Дом. Да. Реставрация. Все, как ты умеешь.

Костя коротко объяснил Сергею, как встретиться с заказчиком. Они попрощались. Выходя со станции, Сергей глянул на стенд «Их разыскивает милиция». В центре доски висела фотография молодой красивой девушки. Под фото было написано: «Савелова Ольга Андреевна, 1993 г.р. Вышла из дома 09.06.2015 и не вернулась. Всем, кто знает о местонахождении девушки, просьба обратиться по телефонам»... Ниже шли номера этих самых телефонов и приметы пропавшей.

Сергей добрался до центральной площади городка, как объяснил ему Костя. Он увидел потрепанное здание исполкома и гостиницу — на удивление симпатичное двухэтажное строение. У входа в гостиницу висела еще одна доска объявлений и тоже с фотографией пропавшей девушки. Красивая блондинка улыбалась, глядя на внешний мир. Вышла из дома и не вернулась.

В холле гостиницы было еще жарче, чем на улице.

— Дверь входную не закрывайте, пожалуйста! — громко сказала вошедшему Сергею женщина на ресепшене, — Духота!

Сергей подошел к стойке и поздоровался. Женщина ответила дежурной улыбкой.

— Мне должны были забронировать номер, — сказал Сергей.

— Фамилию скажите.

— Евсеев. Сергей Петрович.

— Да. Стандартный одноместный. Паспорт, пожалуйста.

Сергей протянул администратору документы. Пока она оформляла номер, сказала:

— Вас ждут в люксе на втором этаже. Номер двести восьмой. Господин Лохвицкий. Он забронировал вам номер и просил предупредить, что ждет вас.

Она вернула Сергею паспорт. Он расписался в прибытии и, достав кошелек, спросил, сколько стоит проживание.

— Не беспокойтесь, — с улыбкой ответила администратор, — Господин Лохвицкий оплатил ваш номер на неделю вперед.

Вот так щедрость, подумал Сергей. А ведь он еще даже не знал точно, будет ли здесь работать.

— А он правда такой прямо уж господин, как вы его называете? — спросил Сергей.

Для него это было уже третье собеседование за последний месяц и сейчас его охватило знакомое волнение. Ожидание того, чем закончится. Администратор молча улыбнулась и пожала плечами. Сам, мол, увидишь.

Сергей осторожно, но уверенно постучал в двери двести восьмого люкса. Из глубины номера послышался громкий мужской голос:

— Открыто! Заходите!

Сергей открыл дверь и вошел в тесную прихожую.

— Здравствуйте, — вежливо начал он, обращаясь непонятно к кому, — Я Сергей Евсеев. Прораб. Насчет работы. Константин обо мне говорил...

— Не разувайтесь, молодой человек, — услышал он голос из главной комнаты, — Проходите сюда!

Сергей оказался в просторной комнате люкса. Широкая кровать, плазменная панель на стене, низкий журнальный столик и два мягких кресла возле окна. В одном из них сидел старик и внимательно смотрел на вошедшего. При виде Сергея он поднялся и, опираясь на лакированную трость, протянул тощую дрожащую руку.

— Доброе утро. Будем знакомы. Лохвицкий Казимир Андреевич.

Сергей пожал руку старику. Несмотря на кажущуюся немощь, рукопожатие было на удивление крепким. Сергей рассмотрел Лохвицкого получше. Довольно высокий, лысый, гладко выбритый, в шикарном деловом костюме. Под пиджаком — черная водолазка с тугим высоким воротником. В сегодняшнюю погоду в такой одежде, наверное, очень жарко. Сергей понял, почему администратор гостилицы называла Лохвицкого не иначе, как господин. Все в этом человеке выдавало аристократа. Осанка, манеры, речь, тонкие черты лица. Несмотря на морщины, трясущиеся руки и прочие признаки глубокой

старости, старик внушал уважение и создавал прекрасное первое впечатление о себе. В молодости он, скорее всего, был красивым и видным мужчиной.

— Евсеев Сергей Петрович, — представился Сергей. Лохвицкий улыбнулся и указал на одно из кресел.

— Присаживайтесь.

Сергей сел. Кресло было мягким и удобным.

— Ну, молодой человек, — Лохвицкий внимательно посмотрел на Сергея, — Расскажите о себе. Кто вы, откуда, где учились, работали. Как ваш возможный работодатель, я хочу все знать про вас. Константин, ваш предшественник и, как понимаю, давний ваш товарищ, отзывался о вас очень хорошо. К сожалению, он не смог продолжить работу по определенным причинам...

Сергей начал:

— До этого я работал...

— Нет-нет. Извините, что перебиваю, но откуда вы? Где родились?

Сергей более-менее подробно рассказал старику историю своей жизни. Родился, учился, работал. Два года мастером в обычном строительном тресте, потом работа в частной строительной фирме, которая специализировалась на реставрациях памятников архитектуры. Конфликт с начальством из-за разных взглядов на проект, увольнение. Лохвицкий внимательно слушал, кивал. Время от времени задавал вопросы.

— Скажите, пожалуйста, что вы знаете о Вацлаве Кунцевиче?

Услышав эту фамилию, Сергей даже подтянулся в кресле. Выбор профессии для него был не случайным. С детства он увлекался архитектурой и строительством. Лет с десяти точно знал, кем будет. Штудировал тонны литературы по истории зодчества. Заучивал наизусть биографии великих архитекторов и инженеров, их проекты, взгляды, уровень вклада в строительство. Вацлав Кунцевич, сумасшедший поляк, выпускник Миланского университета, стоявший у истоков архитектурного авангарда. Проектировал дома под заказ по всей Европе. Его стиль отличался смелыми, даже безумными решениями. Лабиринты коридоров, лестницы, ведущие в никуда, скульптуры в качестве несущих конструкций, ванные комнаты с прозрачными стенами, бассейны и фонтаны посреди гостиных, стеклянные крыши. К концу века дела у Кунцевича шли плохо. Заказов почти не было, а сам он все глубже погружался в безумие. Еще в молодости он страдал от эпилептических припадков и психического расстройства. Его последним проектом стал двухэтажный особняк с богатым внутренним убранством, мраморными полами и вездесущими скульптурами. Основным отличием особняка стало то, что у него не было ни окон, ни дверей. Если бы проект воплотился в жизнь, снаружи здание

представляло бы собой равносторонний куб из красного кирпича с плоской стеклянной крышей. Кунцевич работал над последним проектом более десяти лет. Старый, нищий и больной, он все переделывал и дорабатывал чертежи. Менял планы этажей, положение комнат, лестниц и коридоров, разрабатывал новые скульптурные композиции. По легенде, когда у него спросили, как же в дом без дверей и окон смогут попасть жильцы, Кунцевич, не отрываясь от чертежей, спокойно ответил, что жильцы уже внутри дома. Великий и безумный архитектор закончил свою жизнь в Варшавском сумасшедшем доме в тысяча девятьсот третьем году. Во время учебы в университете Сергей делал доклад о его жизни и творчестве.

— Это польский архитектор девятнадцатого века. Некоторые его проекты были довольно... своеобразными.

Лохвицкий издал короткий смешок.

— Своебразными?.. Вы правы. Судя по всему, вы знакомы с историей архитектуры. Приятно иметь дело с профессионалом. Его имя сейчас почти забыто. А что вы скажете, если я сообщу, что вам предстоит реставрировать один из домов, построенных по проектам Кунцевича?

— Неужели?! — эта новость полностью захватила внимание Сергея, — Если так, то я буду очень счастливым человеком! Где же этот дом?

— Прямо здесь. На окраине города. Это поместье князя Лохвицкого, моего деда. Он был очень дружен с Вацлавом.

— Я не знал, что в нашей стране есть хоть один объект, спроектированный Кунцевичем.

— Один и есть. Бывшая собственность моей семьи. После революции мы покинули эти места. Поместье отобрали большевики. Причастность дома к работам архитектора особо не афишировалась. Кунцевич проектировал его в свой зрелый период. С виду особняк не представляет собой ничего особенного, но для меня это память. Я очень стар. У меня нет детей, а значит, нет и будущего. Я живу прошлым. Наследием своей семьи. Местные власти не заботились о поместье. Даже таблички «Памятник архитектуры» не повесили. Я выкупил его и намереваюсь отреставрировать должным образом. Если вы, молодой человек, согласитесь у меня работать, вы прикоснетесь к истории.

Сергей уже не мог думать о чем-то. Его страсть, его мечты оживали на глазах, становились явью.

— Я согласен, — тихо, но уверенно сказал он.

Лохвицкий протянул руку и крепко сжал запястье Сергея.

— Отлично. Я очень рад. Но у меня есть несколько условий. Из инженерного персонала на стройке находитесь только вы. За все отвечаете лично. Рабочих я предоставлю сам. Это профессионалы, не сомневайтесь!

Первоклассные специалисты, лучшие из тех, что подходят для этого объекта. Проект, сметы и чертежи уже разработаны. Все, что касается оплаты вашего труда... Об этом не волнуйтесь! Я не собираюсь обманывать вас, даю слово. Любые материалы и оборудование — в вашем распоряжении. В любых количествах. Если успеете в срок, до осени, получите щедрую премию сверх основной зарплаты. После того, как закончите с этим объектом, я рассмотрю возможность дальнейшего вашего трудоустройства на постоянной основе. Я планирую открыть строительное предприятие в этой стране. Недвижимость — моя давняя страсть. Мне нужны надежные люди и профессионалы. Теперешнюю работу считайте чем-то вроде испытательного срока. Константин его провалил, теперь ваша очередь. Вы согласны с условиями, Сергей Петрович?

— Да, — коротко ответил Сергей.

— Прекрасно. Сейчас покушайте и отдохните с дороги. Сегодня вы свободны. Завтра с утра я покажу вам объект, познакомлю с рабочими и предложу фронт работ.

Лохвицкий был прав — особняк действительно не представлял собой ничего особенного на первый взгляд. Кирпичный фасад с отвалившейся штукатуркой и следами наружной отделки керами-

ческой плиткой. Пошарпанный и облезлый, с выбитыми окнами, проемы которых уныло смотрели на пришедших людей. Дом был двухэтажный и впечатляющий по размерам, но мрачный лес, напирающий со всех сторон, делал его неприметным и жалким. Вокруг дома все поросло непроходимым бурьяном, крапивой и репейником почти в человеческий рост. Рядом виднелись руины каких-то хозяйственных построек.

Пройдясь по этажам и пробежавшись глазами по чертежам, Сергей получил общее представление об объекте. Дом был построен по каркасной схеме. В углах здания располагались мощные несущие колонны, соединенные железобетонными ригелями, по которым были уложены плиты перекрытия. Колонны наклонялись внутрь под небольшим углом, второй этаж на плане был меньше первого, из-за чего со стороны здание казалось выше, чем оно было на самом деле. На первом этаже располагались: парадная, просторная гостиная с камином, кухня и столовая, комнаты для слуг, а также огромный зал, помеченный на плане, как бальный. С высоким потолком, мраморными колоннами и большими французскими окнами на всю высоту этажа, от пола до потолка. Рамы окон давно сгнили, стекла отсутствовали, из-за чего роскошный когда-то зал приходил в упадок, становясь жертвой погоды, диких животных, местных пьяниц и вандалов. Из зала

был выход на улицу, на широкую террасу и обзорную площадку, с которой, по словам Лохвицкого, открывался великолепный вид на княжеский парк и находившийся там пруд. Сергей постоял на террасе, опервшись на массивные мраморные перила, и не смог разглядеть ни парка, ни пруда. Вокруг была только темная, шелестящая на ветру стена леса. Потолок первого этажа в разных комнатах поддерживали мощные гранитные скульптуры в виде полуобнаженных мускулистых мужчин, каждый из которых был не похож на всех остальных. Они замерли в эффектных позах... покрытые плесенью, лишайником и паутиной, вздев над головами руки, подпирая ими проходившийся потолок.

Особое внимание Сергея привлек второй этаж, где находились покой хозяев. Наверх вела широкая винтовая лестница. Поднимаясь по ней, Сергей ступал осторожно. Прогнившие доски скрипели и прогибались под ногами. Просторные комнаты с высокими потолками расположились вдоль наружных стен. В центре этажа, опоясанная по периметру длинным коридором, располагалась огромная ванная комната. Когда Сергей вошел туда впервые, то даже присвистнул от удивления и восхищения. В своих разговорах о доме Лохвицкий неоднократно упоминал, что Кунцевич спроектировал его в зре-

лые годы, когда дела у него шли как никогда хорошо. Заказы со всей Европы поступали один за другим, деньги текли рекой, а сам архитектор находился в относительном умственном здравии. Но увидев интерьер ванной, Сергей задумался, насколько относительным оно было на самом деле. В центре большой, квадратной комнаты, пол которой был отделан массивными мраморными плитами, располагалась чаша бассейна с высоким фонтаном посередине. Потолок когда-то был прозрачным и стеклянным, теперь это была одна сплошная квадратная дыра, со стенок которой свисали внутрь куски кровельной черепицы. Сквозь потолок Сергей видел голубое летнее небо и раскачивающиеся на теплом ветру верхушки высоких деревьев. Годами ванную затапливало дождями и засыпало снегом. Сейчас под ногами хрустели высохшие листья, бассейн был на половину заполнен вонючей застоявшейся водой с плавающим в ней мусором. Под бассейном, если верить чертежам, находилась канализационная система, проложенная внутри центральной шахты, в которой скрывались все коммуникации и инженерные сети особняка — водопровод, канализация, отопление, вентиляция, вытяжка для камина и кухонных плит. В начале двадцатого века электрические сети проложили также внутри шахты, ее стены выполняли, в том числе, и несущую функцию.

Больше всего Сергея восхитили скульптурные

композиции на стенах ванной комнаты. Небольшие, около полуметра высотой, фигурки из гипса, посерьевшего от времени, были вмурованы в неглубокие ниши в стенах комнаты. Многие искрошились и развалились, но те, что смогли сохраниться, впечатляли своим видом, детализацией и проработанностью. Забыв обо всем, Сергей ходил вдоль стен и внимательно рассматривал скульптуры. Здесь были крестьяне, работающие в поле, красивые девушки, князья в дорогих одеждах, рыцари в доспехах, мушкетеры. Между людьми были видны разнообразные сказочные существа — ангелы, черти, драконы. Были также сатиры, танцующие полуоголые нимфы, животные, стоящие на задних лапах. Часто попадались скульптурные группы с сюжетными, композициями, которые изображали сразу нескольких героев. Многие из них были чересчур жестокими, другие пошлыми или откровенно порнографическими. Рыцарь пронзил мечом молодую женщину, рогатый дьявол соблазнял полуоголого юношу, усадив того себе на колени. Голая фея со стрекозиными крылышками орально ублажала распятого на кресте мертвеца. Огромный волк, стоя на задних лапах, вгрызался в горло молодой крестьянке. Двое вооруженных охотников потрошили связанного мужчину, повесив его вниз головой. Удивительно точно проработанное лицо мученика изображало невыносимую боль, маленький рот за-

стыл в безмолвном крике, из разорванного живота вываливались гипсовые змейки кишок. Толстый мужчина в монашеском балахоне тискал двух молоденьких девушек, которые с улыбками обступили его с двух сторон. Одна с интересом приподняла подол рясы, обнажая длинный набухший член монаха и короткие волосатые ноги, которые заканчивались маленькими раздвоенными копытами. Все фигурки в стенах были покрыты плесенью и многолетней пылью, трещинами, бессмысленными и похабными надписями местных вандалов.

Еще одной странной особенностью ванной комнаты была массивная бетонная лестница с противоположной от входа стороны. Ее основание начиналось возле края бассейна, широкие бетонные ступени поднимались вверх до самого несуществующего теперь стеклянного потолка. Наверху лестница заканчивалась, вела в никуда, упираясь в плиты перекрытия.

Вместе с чертежами и сметами проекта Лохвицкий выдал Сергею целую стопку старинных черно-белых фотографий, сделанных еще до революции, на которых изображались интерьеры особняка, какими они были в первозданном виде. Старик неоднократно наставлял прораба, что реставрация должна быть сделана в точности, как на фотографиях. Сергей ходил по комнатам, искал нужные снимки, делал пометки и записи в блокноте, который всегда носил с собой. Отыскав снимок ванной,

Сергей пришел в восторг: на фотографии комнаты была залита светом из прозрачного потолка. Сотни фигур в стенах создавали целостную композицию, бессмысленная лестница смотрелась на удивление уместно, бассейн был наполнен водой. Почти вековая выцветшая фотография, конечно, не могла передать всего великолепия замысла архитектора, но впечатление производила. Единственное, что немного огорчило Сергея — на снимке фонтан в центре бассейна был увенчан еще одной скульптурой. Девушка в просторном одеянии, с крыльями ангела за спиной, склонив голову, сложила перед собой руки в молитвенном жесте. К сожалению, до наших дней скульптура не сохранилась: на гранитном постаменте, поднимающемся из сердца фонтана, остались только два обломка босых девичьих ног. Досконально изучив комнату вдоль и поперек, Сергей пришел к выводу, что ангел в фонтане был центральной фигурой композиции: взоры всех скульптур со стен были обращены к молящейся девушке с крыльями. Даже лестница в потолок теперь имела смысл: при входе в комнату гостям представлялось, будто по ней в бассейн с небес спускался ангел. В солнечный день, когда комнату заливало светом из прозрачного потолка, это, скорее всего, было великолепным зрелищем. Без центральной фигуры интерьер комнаты будет незаконченным.

С рабочими Сергей познакомился в первый же

день. Они произвели на него самое лучшее впечатление. Бригадир, который назывался Иваном Александровичем, представил Сергею каждого из них. Смешанная бригада в двадцать человек состояла из бетонщиков, плотников, отделочников и маляров. Были даже художник и декоратор, специалисты по реставрации скульптур. Каждого из рабочих бригадир представил, как профессионала высочайшего класса. Сергей вежливо улыбался, перебрасывался с подчиненными дежурными фразами и жал крепкие мозолистые руки. Вот только имена рабочих он запомнить не смог, они путались и смешивались в его голове. Даже их лица были какими-то одинаковыми, можно даже сказать — стандартными. Не за что зацепиться взглядом, отметить для себя того или иного человека. Но это не беда, подумал Сергей. Становиться для них приятелем он не собирался, а работу свою они выполняли хорошо. За десять лет в строительстве это были лучшие рабочие, которые когда-либо находились у Сергея в подчинении. Ни один не опаздывал, не задерживался с обеда, по утрам от них не несло перегаром за несколько метров. Они даже не матерились! И всегда понимали прораба с полуслова, а работу выполняли с первого раза и практически идеально, без брака и переделок. Часто Сергей оставлял рабочих под командованием бригадира, а сам углублялся в изучение документов, просиживая над чертежами и сметами часами.

В качестве рабочего кабинета Сергею была выделена маленькая комната на первом этаже особняка с окном, выходящим на заросший и неухоженный парк. В комнату провели электричество от уличного генератора, поставили стол. Сергей, заваленный грудой документов, сидел за ноутбуком и рассчитывал в строительной программе стоимость выполненных работ. За две недели дом удалось расчистить от мусора, демонтировать пришедшие в негодность конструкции. Лохвицкий вызвал экспертов из области, они исследовали несущие элементы каркаса и не нашли критических изъянов. Сейчас рабочие занимались восстановлением фасада и ремонтом оконных проемов. В комнате с бассейном возвели металлический каркас, который впоследствии рассчитывали остеклить. Лохвицкий заказал в Италии безумно дорогое сверхпрочное стекло. Сергей предлагал заменить его более дешевым поликарбонатом, но заказчик был непреклонен.

Изучив в первый раз сметы, Сергей пришел к выводу, что возведение с нуля целого жилого комплекса обошлось бы дешевле, чем реставрация этого особняка. В ведомости материалов значились тонны мрамора и гранита, такие отделочные и штукатурные системы, о которых Сергей раньше слышал только на симпозиумах и конференциях, где бывал по прежней работе. Лохвицкий не жалел для нужд строительства никаких средств, постоян-

но интересуясь у Сергея о необходимости закупки и поставки новых материалов. Как-то при разговоре старик упомянул, что собирается скупить все дома, построенные по проектам Кунцевича и реставрировать их. До наших дней в Европе таких объектов сохранилось около дюжины. Остальные были снесены, перестроены или уничтожены в результате войн и катастроф. Если у Лохвицкого такие планы, думал Сергей, то старик действительно сказочно богат.

Невыносимая жара не сбавляла обороты уже третью неделю. Рабочие, казалось, не чувствовали ни духоты, ни усталости вообще. Уже почти полностью была восстановлена отделка фасада, поставлены новые окна и двери снаружи и в комнатах. Теперь снаружи особняк выглядел в точности, как на старинных фотографиях. Заработали инженерные системы. Впервые за долгие годы в доме появилось электричество, водопровод и канализация. Стеклянная крыша над купальней (так распорядился называть ванную комнату Лохвицкий) была полностью восстановлена. Бассейн очистили от мусора и грязной вонючей воды. Художник проводил там целые дни, занимаясь восстановлением скульптур, счищая с них грязь, плесень, многочисленные надписи и заделывая трещины. Старинное здание, казалось, ожидало на глазах, как самосто-

ятельный организмом, оно наполнялось светом, чистотой и порядком. Это нравилось Сергею: впервые за долгие годы он чувствовал себя на своем месте. Он не был больше рядовым подневольным инженером, выполняющим указания начальства. Теперь он сам был творцом — от него, Сергея, действий и решений зависел конечный результат и про себя он знал, что результат этот превзойдет все, даже самые смелые ожидания.

Сергей сидел за столом в своем кабинете и в который раз глядывался в чертежи. Он хмурил лоб и не верил своим глазам: вчера вечером, когда он уходил с объекта, проект был совершенно другим! Сергей мог в этом поклясться. За ночь изменились планы обоих этажей, расположения комнат и коридоров стали другими! Он снова пересмотрел стопку чертежей. Да, все так.

— Что за хрень? — вытирая вспотевший лоб, спросил Сергей у самого себя.

Неизменной осталась только купальня на втором этаже. В остальном перед Сергеем сейчас лежал совершенно другой проект.

Сергей достал из кармана мобильник и набрал номер бригадира. Лохвицкий предоставил всем работникам на объекте корпоративные сим-карты и оплачивал расходы на связь из своего кармана.

— Алло, — раздался в трубке голос бригадира.

— Иван Александрович, подойдите ко мне.

— А что случилось, командир?

— Здесь объясню.

Сергей дал отбой и снова уткнулся носом в пла-ны. Достал из стопки документов сводный сметный расчет и начал листать страницы. Он хотел сверить стоимость нового проекта. Он был почти взбешен. Никто не предупредил его, что будут внесены изменения. Водя пальцем по бумаге, Сергей с удивле-нием обнаружил, что изменился не только проект. Изменились цифры и буквы в смете. В том смысле, что сейчас они принадлежали какому-то совер-шенно непонятному языку. По бумаге бежали при-чудливые буквы и закорючки, никогда не виден-ные Сергеем ранее. Тем не менее, он прекрасно их понимал: иероглифы и загогулины выстраивались в слова и предложения, которые звучали у него в голове ясно и отчетливо. Вот только звучали они на языке, никогда не слышанном ранее. Обрывистом, лающем, с преобладанием гласных и шипящих.

Сергей посмотрел в раскрытое окно и застыл, завороженный. Мир снаружи стал другим. При-вычный глазу смешанный лес превратился в за-росли причудливых растений. Их тонкие прозрач-ные стебли раскачивались в унисон под порывами ветра, который задувал в открытое окно. Воздух был влажным и соленым. Сергей глянул наверх. Небо сделалось фиолетовым, потом оранжевым, ярко-желтым. Оно переливалось всеми цветами спектра, как будто охваченное северным сиянием.

От переизбытка красок заболели глаза. Снаружи потянуло холодом, стало тяжело дышать. Из ступора Сергея вывел стук в дверь.

— Можно, командир? — в узкий проход втиснулся бригадир, — Чего звали-то?

Сергей растерянно оглянулся по сторонам. Мир снова стал прежним. Вернулась жара. Деревья, бересклеты, осины и ели привычно шелестели за окном.

— Чего звал? — переспросил Сергей, тяжело опустившись на стул, — Почему мне никто не сказал, что в проект внесли изменения?

— Какие еще изменения? Я вообще не в курсе.

Бригадир подошел к столу и стал изучать раскрытий план первого этажа.

— Ну вот, например... — начал Сергей и осекся.

План снова стал прежним. Таким же, каким был вчера и неделю назад. Сергей быстро схватил смету и, поднеся к глазам, быстро перелистал страницы. Ничего. Привычные строки и столбики цифр. На понятном языке.

— Ничего не понимаю...

— Это жара, — уверенно сказал бригадир, — Ты не волнуйся, у меня самого башка закипает. Ты перехохнул бы, командир, а то на тебе лица нет.

За день скапливалось много бумажной работы, разбираясь с которой Сергей предпочитал по вечерам.

Он засиживался в кабинете допоздна, когда за окном уже начинали сгущаться робкие летние сумерки. Сергею нравился молчаливый покой старинного особняка. Хотелось задержаться подольше. Временами он отрывался от смет, расчетов и чертежей, прогуливался по этажам дома, часто заходил в купальню, внимательно рассматривал скульптуры на стенах, любовался небом сквозь стеклянный потолок. Сергею нравился дом, он привязался к нему, как к какому-то сказочному живому существу. Хотелось оставаться в нем подольше. Он даже думал попросить Лохвицкого о кровати в кабинете — на время строительства окончательно перебраться сюда из тесного гостиничного номера. Недавний случай с изменившимся миром за окном он постарался забыть, списав все на жару и переутомление.

Из колонок ноутбука тихо лилась музыка. Сергей сидел за рабочим столом и, прихлебывая горячий чай из фарфоровой кружки, заполнял журнал работ. Дверь в кабинете была открыта. Сквозь музыку Сергей различал редкие звуки, доносившиеся из уютной полутьмы пустого дома. Скрип половиц, шум ветра снаружи, шелест деревьев. Дом пропускал звуки извне через себя, изменял их и деформировал. Дышал ими, пытаясь безмолвно разговаривать с глупым человеком внутри себя.

Сергей оторвался от своих записей и насторожился, прислушиваясь. Ему показалось, что в доме кто-то есть. Сергей выключил музыку, встал и подошел

к открытой двери. Постоял несколько секунд... Из гостиной доносились приглушенные голоса. Шаги нескольких человек звонким эхом отражались от высоких потолков. Можно было различить обрывки разговора и отдельные фразы.

Долгие годы дом был пристанищем местных пьяниц и влюбленных пар. Убирая многолетний мусор, рабочие выгребли наружу несметное количество пустых бутылок и использованных презервативов. Сергей пошел навстречу голосам, намереваясь выгнать незваных гостей. По дороге он включал свет — выключатели щелкали, в комнатах и коридорах загорались лампы.

Наконец Сергей увидел нарушителей спокойствия. Из просторного коридора, который вел из гостиной в кухню, на него шли двое. Впереди двигался сутулый человек в грязной рваной рубахе. Он плакал и шмыгал носом, левый глаз заплыл темным фиолетовым синяком. Следом за сутулым шел другой, высокий и широкоплечий, в старомодной военной форме, в фуражке с красной звездой. В руке он сжимал черный пистолет и тыкал его дулом в спину избитого.

Сергей, двигаясь, как во сне, отступил в сторону, вжалвшись в стену. Двое прошли мимо него, даже не удостоив взглядами.

— Прошу, пане, прошу, — жалобно всхлипывал избитый.

— Пшел! — не обращая внимания на мольбы, подгонял конвоир.

— У меня детки, — запинаясь, молил арестант на плохом русском, — Прошу, пан комиссар...

— Какой я тебе пан? Пшел, говорю, рожа буржуйская!

Они двигались в сторону кухни. Сергей на цыпочках пошел за ними. В полу размещался тяжелый люк — он вел в существовавший когда-то винный погреб. Теперь пространство погреба было холодным каменным склепом. Плачущий арестант дрожащими руками вцепился в чугунное кольцо и потянул крышку на себя, люк со скрипом отворился. Подгоняемый офицером, пленник стал спускаться вниз по холодным бетонным ступеням. Следом за ним в погреб полез офицер. Сергей с замиранием сердца наблюдал за ними, прячась за углом. Оба скрылись внизу, а через секунду раздался короткий выстрел. Он был оглушителен в ставшей почти осензаемой тишине дома.

Сергей вздрогнул и, открыв глаза, уставился в погасший монитор ноутбука, из колонок которого по-прежнему звучала тихая музыка. Черт. Да это он заснул прямо за столом! И приснился сон. Сергей встал и на трясущихся ногах прошел в кухню. Люк в погреб оказался плотно закрыт, никаких голосов нигде не слышно. Сергей потянул за кольцо и открыл люк, распахнув черный квадрат в полу. Вынув

из кармана телефон, Сергей опустился на колени возле погреба и осторожно посветил внизу. Ничего. Пустое пространство и каменные стены. Он убрал телефон и собирался захлопнуть люк, как вдруг в запястье ему вцепилась тонкая бледная рука. Сергей вскрикнул от испуга и неожиданности. Снизу показалось лицо в обрамлении длинных светлых волос. Девушка.

— Как... — Сергей пересилил испуг, — Как вы здесь оказались? Кто вы?

— Не ходите сюда, — ответила девушка, — Убирайтесь из этого дома...

— Что вы здесь делаете? Вы вообще понимаете, что это строительный объект? Здесь может быть опасно. Зачем вы залезли в погреб?

Сергей смотрелся внимательнее и узнал это бледное лицо. Пропавшая девушка с объявлений.

— Это же вы! Что вы здесь делаете?! Вас везде ищут. По всему городу объявления. Пойдемте!

Сергей схватил ее за руку, потянул к себе. Девушка сопротивлялась, и не сдвинулась с места. Окружавшая ее тьма как будто была живой, не отпускала ее, держала при себе.

— Нет, не надо! — девушка упиралась и кричала, — Уходите сами, как вы не понимаете! Он все равно меня не отпустит!

— Кто? Кто вас не отпустит?

Девушка помолчала, а потом ответила почти

беззвучно, едва шевельнув губами:

— Он.

Одно короткое слово было сказано столь многозначительно, словно Сергей сам был обязан прекрасно понимать, кто такой этот «Он». Сергей отпустил тонкую девичью руку и осмотрелся по сторонам. Кухня исчезла. Он стоял в совершенно незнакомой комнате, стены которой были обшиты досками. Под ними копошились какие-то мелкие животные. Топот их маленьких лапок гулко разносился по пустому зданию. Сергей посмотрел в окно и увидел сплошную толщу зеленоватой жидкости, как будто здание располагалось на дне глубокого водоема. Мимо проплывали диковинные рыбы, они разглядывали растерянного человека своими пустыми бледными глазами. Сергей тряхнул головой, отгоняя наваждение, и... снова оказался на кухне. Люк в погреб был закрыт. Сергей поспешил в кабинет, схватил со стола ноутбук и почти бросился на улицу.

— Прямо здесь и была? В подвале?

Молодой сержант милиции, стоя на коленях возле входа в погреб, с помощью фонарика изучал холодное каменное пространство. Его командир, полноватый прaporщик, стоял рядом.

— Да, — ответил Сергей, — Прямо здесь.

Оказавшись вне дома, он сразу отправился в городское отделение милиции.

— Ничего, — сказал сержант, поднимаясь с колен, — это точно была она?

— Точно. Пропавшая девушка. По всему городу плакаты висят.

— Чего ж ты не увел ее отсюда?

Сержант скептически смотрел на Сергея. Прапорщик, однако, был более серьезен.

— В любом случае, — сказал он, — уже больше месяца у нас никаких зацепок по ее делу. А тут хоть что-то. Значит, так...

Закончить он не успел. Дом сотряс пронзительный женский крик.

— Пожалуйста!!! Сюда!!!

Сергей узнал голос. Он слышал его совсем недавно. Только тихий и приглушенный, переходящий на шепот. Из погреба.

— Кто-нибудь!!! Скорее!!!

Крик слышался сверху, со второго этажа. Из купальни.

— За мной! — коротко скомандовал прапорщик и бросился на голос.

Сержант молча последовал за командиром, на ходу доставая пистолет из кобуры. Сергей тоже побежал за стражами порядка. Они покинули кухню, пересекли гостиную, поднялись по винтовой лестнице наверх. Женские крики превратились в при-

глушенные рыдания, которые, тем не менее, громко и отчетливо разносились по дому, отражаясь от стен и потолков. Дверь в купальню была открыта настежь, будто приглашая войти. Два милиционера подбежали на секунду раньше Сергея.

— Куда ведет коридор? — спросил прапорщик.

— Какой коридор? Здесь должна быть...

Сергей оборвал фразу на полуслове и застыл на месте, не в силах поверить глазам. Купальня исчезла, за дверью действительно начинался длинный коридор. С высоким побеленным потолком, паркетным полом и стенами, оклеенными светлыми обоями с причудливыми растениями. Куда он вел, было непонятно. Противоположный конец помещения терялся в полутьме, туда не доставал электрический свет из освещенной части дома. Не дождавшись ответа, прапорщик переступил порог. Сержант двинулся следом. Сергей — за ними, что-то толкало его вперед. Невидимые руки настойчиво направляли его.

Пройдя несколько метров, прапорщик исчез. В прямом смысле. Коридор сомкнулся там, где он только что стоял. Пол встретился с потолком, противоположные стены — друг с другом. Все произошло беззвучно и в мгновение ока. Сержант бросился на помощь, но лишь уперся руками в плотную стену. Пространство сомкнувшегося коридора снова стало расширяться, сержант с Сергеем закричали. На пол

хлынул поток темной крови, тяжелый тошнотворный запах которой заполнил узкое пространство. Стены и потолок покрывали изуродованные куски человеческого тела. Вокруг торчали обрывки изодранной окровавленной одежды. Сержант повернулся к Сергею, наставив на него пистолет. Сергей в ужасе отступил к стене.

— Что это такое?! — закричал сержант.

— Я... я не зн... не знаю, — заикаясь, выдавил Сергей.

— Куда ты нас привел, урод?! Что здесь творится!?

Он быстро оглянулся. Его взгляд остановился там, откуда они только что пришли.

— Вы кто такие?! Что вам надо!?

Он направил оружие на кого-то невидимого на выходе и сделал два выстрела. Грохот был оглушительным, Сергей зажал уши. Он не видел, в кого стрелял сержант. Он впал в ступор, все внимание сосредоточилось на ошметках, что остались от прапорщика. Кровь не капала с потолка, не стекала по стенам. Она исчезала, будто впитывалась внутрь. На полу собирались темно-красные лужицы, они просачивались сквозь доски пола. Куски плоти тлели и разлагались на глазах. Коридор дома словно питался этим. Сержант продолжал кричать. Он сделал еще несколько выстрелов. Потом замолк, застыл на месте и стоял неподвижно, выставив перед собой оружие.

— Нет, — в отчаянии зашептал он. Сергей слышал каждое слово, — Нет-нет-нет! Не надо! Я не хочу, не заставляйте меня, пожалуйста! Я... я просто уйду и никому ничего не скажу! Правда! Не надо!!!

Руки сержанта начали медленно сгибаться. Потные пальцы судорожно вцепились в рукоять оружия. Ствол пистолета поднялся вверх, а потом дуло уткнулось в подбородок сержанта.

— Нет, — он заплакал, громко всхлипывая, — Я не хочу! Уйдите из моей головы, пожалуйста...

Грянул еще один выстрел. Голова сержанта дернулась, его макушка взорвалась брызгами крови и кусочками мозга. Пилотка слетела на пол. Тело безвольно рухнуло. Сергей посмотрел, в кого стрелял сержант. В коридоре стоял Иван Александрович, бригадир. Спокойно смотрел на Сергея, сложив руки на груди.

— Ну что, командир, будешь с нами жить? — спросил он и улыбнулся.

Улыбка была широкой и искренней, губы растянулись почти до ушей, расходясь и обнажая внутренность рта. Сергей отступил на шаг. Вместо зубов у бригадира были длинные гвозди. Тонкие и кривые, как иглы, покрытые ржавчиной. Бригадир открыл и закрыл рот. Гвозди во рту щелкнули с металлическим лязгом. За спиной бригадира маячили фигуры рабочих. Они появились, будто

из воздуха — ниоткуда. Вылезли из стен и пола. На секунду Сергей подумал, что ни разу не видел, чтобы рабочие приходили и покидали стройку. Каждый вечер они прощались с ним, крепко жали руку, желали приятного вечера. А потом?.. Садились на автобус до города? Шли пешком? Нет! Они просто исчезали. Сергей был слишком занят работой, чтобы заметить это.

Бригадир двинулся ему навстречу. Его глаза превратились в два маленьких светящихся окошка, в которых плясали какие-то тени. Рабочие за его спиной постоянно менялись, исчезали и появлялись вновь, растворяясь в стенах и вновь вылезали из них. Пути к отступлению Сергею отрезали. Он развернулся и побежал. Бежал быстро, не оглядываясь. Бежал, пока воздух не стал вырываться из легких с прерывистым хриплым свистом.

Конец коридора по-прежнему терялся в полутиме впереди. Сергей обернулся, ожидая увидеть своих преследователей. Но увидел стену. Тупик. Позади не было ни двери, ни обезображеных трупов, ни изменившейся бригады рабочих. Он подошел к стене и осторожно потрогал, опасаясь, что сейчас из нее что-нибудь выскочит. Ничего. Ровная холодная поверхность. Кирпич и слой штукатурки под обоями. Сергей развернулся и пошел по коридору вперед. Как будто дом приглашал его куда-то. Как

ни странно, он не чувствовал ни страха, ни испуга, ни даже удивления. Казалось, что все здесь было когда-то хорошо знакомо ему.

Сергей не знал точно, сколько комнат он прошел. Они расходились на рукава и переходы. В них были лестницы, подъемы и спуски. Настоящий лабиринт переплетающихся коридоров. Сквозь стены доносились приглушенные голоса, рисунки на обоях двигались и менялись. Иногда в стенах появлялись окна, сквозь которые Сергей рассматривал миры снаружи. Некоторые были похожи на что-то, виденное им ранее. Но другие были совершенно новыми, странными, чудесными. Были миры, полностью состоящие из ослепительного света. Миры, погруженные в кромешную тьму. Населенные неописуемыми жителями. В одном окне Сергей увидел лес светящихся деревьев, из цветков которых на глазах вырастали человеческие дети. В другом — оранжевую пустыню, по которой двигались причудливые то ли растения, то ли животные. Из их тонких длинных тел вырастали многочисленные конечности, покрытые зелеными выпуклыми глазами. Эти глаза часто моргали и с любопытством рассматривали через стекло застывшего в изумлении Сергея. Он шел дальше. В следующем окне Сергей увидел

тоннель, больше похожий на внутренности, чьи-то кишечки. Стенки сочились мутной слизью, вибрировали и сокращались, по ним ползали крупные существа, похожие на жирных мохнатых гусениц. Сергей отвернулся, его чуть не вырвало.

— Завораживающее зрелище, — услышал он голос за спиной, — не правда ли, Сергей Петрович?

Он повернулся на голос. В коридоре стоял Лохвицкий. Старик прислонился спиной к стене и наблюдал за Сергеем. На нем был уже привычный серый костюм с поддевкой под пиджак темной воловодлазкой.

— Как вам экскурсия?

— Где я? — спросил Сергей.

Старик ухмыльнулся.

— Странный вопрос. Вы и сами знаете! В доме. Пойдемте со мной, вы, похоже, слегка заблудились. Я выведу вас. Нам нужно оценить результаты работы.

— Какой работы?

— Вы слишком часто отвечаете вопросом на вопрос. Это невежливо, в конце концов! Вашей работы.

— Но я ее не закончил.

Лохвицкий спокойно двинулся по коридору. Сергей пошел за ним.

— Конкретно от вас уже почти ничего не требуется. Дом набрался сил. Теперь он может сам позабо-

титься о себе.

— Этот дом... Что он такое?

— Это обычный дом. На первый взгляд. Он просто... Вы прекрасный профессионал, Сергей Петрович. Я смог в этом убедиться. Вы должны знать, ну, или хотя бы подозревать, что у домов есть души. У этого душа особенная. Что вы знаете о Вселенной, Сергей Петрович?

Сергей не нашел, что ответить и молча пожал плечами.

— Я не спрашиваю вас о космосе, звездах, туманностях и черных дырах. Я имею в виду Вселенную в гораздо большем масштабе. Есть миры, которые очень не похожи на наш. Теперь вы знаете об этом. Моя семья это знала. Это знал великий архитектор Кунцевич. С раннего детства он слышал голоса из этих миров. Общался с ними. Потом он нашел способ открывать в них двери. Вацлав был гением, возможно более великим, чем все его современники, вместе взятые. Но его не понимали, считали сумасшедшим, и в конце концов сгноили в больнице для умалишенных. Жизнь не справедлива.

Они свернули за угол и увидели в стене окно — огромное от пола до потолка. Сквозь него виднелось темно-зеленое небо, с которого к фиолетовой земле тянулись длинные толстые щупальца. Лохвицкий продолжил свою лекцию.

— Этот дом, как и многие из тех, что спроектировал

Кунцевич, существует сразу во многих мирах. Это портал, если хотите. Дом сам выбирает для себя жильцов, растит их и заботится о них. Сам себя защищает от непрошенных гостей. Когда Лохвицкие оставили его, дом пришел в упадок и ослаб. Годами он разрушался, пока в нем орудовали большевики, немцы и многие другие. Если не ошибаюсь, в тридцать девятом здесь был временный лагерь для пленных поляков. Воспоминания о плохих временах тревожат дом. В нем живут призраки прошлого...

Сергей вспомнил своихочныхочных гостей. «Прошу, пане», — умолял один из них.

— Благодаря вам, вашей энергии и трудолюбию, дом набрался сил и проснулся. Я скупал проекты Кунцевича по всей Европе и нанимал специалистов для их реставрации точно так же, как и вас. Ваш знакомый испугался, когда дом обратился к нему напрямую. Константин отказался от работы, взамен порекомендовал мне вас. Выбор оказался более чем удачным...

Они подошли к двери. Лохвицкий потянул ручку на себя и вежливо пригласил Сергея пройти. Они оказались в купальне, сверкающей мрамором и стеклом. Сергей восхищенно ахнул. Бассейн наполнился водой, и в ней плескались прекрасные обнаженные девушки.

— Кто это? — спросил Сергей.

— Хранительницы. Они пришли к нам в гости по приветствовать свою новую сестру.

На пьедестале в центре бассейна стояла девушка, которую Сергей видел на плакатах в городе. Без вести пропавшая. Голая и прекрасная, она улыбалась, глядя на вошедших.

— Ей суждено стать хранительницей этого дома, — сказал Лохвицкий, — Его вечной невестой. Скульптуры в стенах — это отражения всевозможных миров, которые видел Кунцевич.

Гипсовые фигуры ожили, задвигались и заговорили. Их голоса слились в один громогласный, который заполнил собой все пространство купальни.

— Вечная невеста. Безликая дева. Мать всего. Когда порталы соединятся, придет ЕГО час.

— Чей? — спросил Сергей.

— Нашего Безликого Господина. Архитектора миров. Все миры сольются вместе! Вселенная станет единой во веки веков.

В подтверждение их слов раздался грохот. Снаружи двигался кто-то огромный и тяжелый. Сквозь стеклянный потолок Сергей видел только низкое розовое небо с двумя солнцами. Вскоре его заслонила огромная бесформенная тень. Исполинское существо заполнило собой все пространство проема. Как ни пытался Сергей, но он не мог рассмотреть

существо целиком, лишь отдельные части его тела. И те постоянно менялись, становились то больше, то меньше, вытягивались и исчезали...

— Не смотрите на него! — запротестовали скульптуры, — Наш Безликий Господин этого не любит!

Сергей уставился в мраморный пол под своими ногами. Существо каким-то образом проникло сквозь стеклянный потолок и оказалось внутри здания. Оно направилось вниз по бетонной лестнице к бассейну и девушке. Краем глаза Сергей увидел, как бесформенное тело оказалось в воде, заняв всю чашу бассейна, вверх протянулись многочисленные конечности. Тело существа поглотило в себя плавающих в бассейне девушек. Они кричали и стонали. Подобные звуки издают актрисы в порнофильмах.

— Наш Безликий Господин хочет вступить в брак! — сказали скульптуры, — Для этого ему нужен его человеческий облик! Часть человеческой души!

Старик Лохвицкий начал раздеваться. На пол упали пиджак и брюки. Когда он снянул с себя волоцоку, Сергей обнаружил, что худой торс старика покрывает с десяток отверстий, похожих на окна. Многие были черными провалами в теле человека, но некоторые светились. В них двигались тени и мелькали лица. Лохвицкий разделился и вошел в бас-

сейн. Гибкие конечности существа обвили его с ног до головы и притянули к себе. Скульптуры объясняли Сергею происходящее:

— Лохвицкие преданно служили Нашему Безликому Господину! Старший мужчина в поколении был Его воплощением в мире людей! Его тело было населено душами хранителей! Они передаются избранным девушкам при браке! Хранителей создал Наш Безликий Господин! Они служат посредниками между мирами! У Лохвицких больше нет мужчин в роду! Наш Безликий Господин предлагает тебе, Сергей Евсеев, стать Его новым воплощением! Он обещает долгую жизнь и богатство! Взамен ты должен отплатить Ему верной службой! Восстановить порталы!

Скульптуры ждали ответа. Девушка на пьедестале стонала и кричала от удовольствия. Ее тело каменело, делаясь неподвижным. За ее спиной распахнулись широкие крылья, руки сомкнулись на груди в вечном молитвенном жесте.

В холле гостиницы маленького городка появился гость. Ближе к полуночи роскошный автомобиль остановился возле входа. Сонный администратор беглым взглядом оценил деловую осанку и дорогой

костюм гостя.

— Я бронировал у вас люкс, — не здороваясь, сказал человек.

Администратор сверился с записями.

— Евсеев Сергей Петрович? — спросил он.

— Да.

— Сейчас я вас оформлю. Надолго к нам?

— Скорее всего, надолго. С оплатой проблем не будет.

— Не сомневаюсь. Но... городок у нас маленький, развлечений особо нет. Скучно вам будет.

— Я приехал работать.

— Вот как?.. Чем занимаетесь, если не секрет?

— Недвижимостью. Я слышал, на окраине города есть старинный особняк...

— Это развалина? Да, точно. Еще моя бабушка рассказывала, что там никто никогда не жил. Что же вы хотите с ним сделать?

— Купить и отреставрировать. У меня большие планы на его счет.

Петр Перминов

Бесноватые

Октябрь 1916-го принёс мне тяжёлую контузию, застрявший в позвонке осколок, чудом не добравшийся до спинного мозга, и чистую отставку.

Я вернулся с фронта в родной губернский город и подумывал о том, чтобы вернуться к преподаванию естествознания в педагогическом училище. Впрочем, частые сильные головные боли пока не позволяли мне вновь поступить на службу, но я надеялся на некоторое улучшение к весне. Пока же я целыми днями гулял по проспектам и набережной, читал газеты, стараясь не замечать навязчивые признаки заката Империи.

Так незаметно прошла осень, улицы засыпало снегом, и на душе отчего-то стало ещё сумрачнее.

А в середине декабря я получил короткое письмо от моего университетского друга, сельского врача Аркадия Фетисова. «Дорогой Герман, ужасно хочу тебя увидеть! — писал он после слов радости по поводу моего благополучного возвращения с фронта. — Если можешь, бросай всё и приезжай ко мне в Таборы. Вместе встретим Новый год и Рождество. Воздух здесь чистый, городскому не чета, исключительно благоприятный для твоего здоровья. А ещё я очень нуждаюсь в твоём рациональном и скептическом уме. В селе у нас творятся странные вещи, настолько странные, что я готов поверить в существование нечистой силы. Аркадий».

Не тратя много времени на сборы, как и положено отставному военному, утром следующего дня я сел в поезд до Сылвенска, а на станции нанял извозчика. Извозчик, угрюмый мужик, всю дорогу нервно поглядывал то по сторонам, то на небо и немилосердно хлестал лошадей. На мой вопрос, чего он так волнуется, пробормотал, что небо заволакивает тучами, вот-вот поднимется выюга, а надо бы успеть до

темноты. После буркнул что-то про волков.

Погода и впрямь портилась, о чём меня не замедлил «уведомить» противной ноющей болью осколок в спине. Потянуло с юго-запада, кусок бледного ледяного неба становился всё меньше из-за набегающих низких туч, сыплющих снегом. Крепкий мороз, простоявший почти неделю, с каждой минутой слабел. Что ж, думал я, извозчик беспокоится не зря: декабрьские дни коротки, а в темноте, да ёщё и в метель, отыскать дорогу не так-то просто...

Впрочем, нам повезло. Таборы, в которые мы въехали глубоким вечером, оказались типичным селом с десятком каменных зданий (включая покосившуюся церковь) и приземистыми подслеповатыми избами. Аркадий жил в небольшом доме прямо напротив больницы, не в центре села, но отнюдь и не на окраине. Увидев меня, он на пару секунд опешил, очевидно, поразившись произошедшим со мной изменениям (увы, не в лучшую сторону!), а потом бросился с распростёртыми объятиями. Мы обнялись, а уже пять минут спустя сидели за столом при свете керосиновой лампы (по слухам приезда дорогого гостя, то бишь меня, керосин решено было не экономить). Друг не задал мне ни единого вопроса о войне, и я был безмерно рад этому. Зато меня мучало множество вопросов, но я ждал, когда Аркадий сам заговорит о тех проявлениях потусто-

роннего, на которые намекал в письме.

— Даже и не знаю, как тебе рассказать, Герман, — Аркадий заметно волновался, снимал и вновь водружал на нос очки. — Дело, понимаешь ли, настолько странное, что, боюсь, без твоей помощи мне не обойтись... Как началась война, половину мужиков отправили на фронт. Многие уже погибли или пропали без вести. Много у нас в селе солдаток и вдов, причём совсем ёщё молодых... Ты, конечно, слышал истории про то, как к какой-нибудь овдовевшей бабе по ночам начинает приходить умерший муж, который на поверку оказывается нечистым духом? Не поверишь, но, похоже, у нас тут что-то подобное. Да-да, и не улыбайся! Веришь ли, начиная с весны, с апреля-месяца, то одна, то другая давай перед товарками хвалиться: мол, её муж по ночам к ней с того света приходит... Прямо, поговорь, эпидемия какая-то пошла! Как инфлюэнца!.. Батюшка наш, отец Георгий, уж их уверял-увещевал, уверял, что не приходят мужья, на войне убитые, что бесы это... Даже по дворам ходил, водой святой кропил — да всё без толку! Впрочем, батюшка у нас в селе человек новый, авторитета среди прихожан такого, как его предшественник, пока не имеет...

— Фольклор — куда без него! — сказал я. — Но ведь это известная история! В каждой губернии, в каждом

уезде тебе расскажут и про вдову, которой являлся бес в образе умершего мужа, и про свадьбу мертвцевов, и про мужика, которому чёрт уселся в сани... А, кроме того, сам же сказал, что бабы молодые, тело плотских утех жаждет — тут что угодно привидится! Ты ж мне сам, помнится, советовал работы этого... Фрейда почитать.

— Фрейд! — усмехнулся Аркадий. — Фрейд, друг мой, по нынешним временам суть вражеская пропаганда! Впрочем, тебе ли этого не знать... Однако, ты ведь не дослушал. Я тебя позвал не былички про мертвцевов или бесов слушать. Дело в том, что спустя некоторое время все эти вдовы забеременели. Сам понимаешь, от бесов, тем более воображаемых, живот не вырастет... О, вижу, вижу: ты опять хочешь мне что-то возразить! Что ж, слушаю.

— Думаю, всё проще простого, — сказал я. — В вашем селе есть какой-то ушлый мужичок, сообразивший, что можно удовлетворять свою похоть, являясь под покровом темноты убитым горем вдовушкам и прикидываясь их мужьями. Я, конечно, не представляю, как ему удаётся их обманывать, но, полагаю, женщину, муж которой не вернулся с войны, обмануть не так уж и трудно...

— Герман, да ведь это была первая мысль, пришедшая мне в голову, — вяло улыбнулся Аркадий, после чего вдруг стал серьёзным донельзя. — Вот

только есть одна загвоздка: все эти вдовы умерли. Все. Не родилось ни одного младенца.

— Ни одного?

— Ни одного. То есть вот представь себе: молодая крестьянка, беременная, живёт-живёт, ни на что не жалуется и вдруг — раз! — утром не просыпается. Или просто присядет передохнуть на лавку — и валится замертво. Ни с того ни с сего!

— Вскрытие проводил?

— Вскрытие! — Аркадий хмыкнул. — Плохо ты знаешь деревенский люд, друг мой! Их ведь в больнице порой едва ли не на верёвке тащить приходится — как собаку в чужой двор! Мужик на работе надорвался — идут к бабке! Ребёнок скарлатину подхватил — к бабке! Баба рожать собралась — повитуху зовут! А уж если кто здесь, в больнице умер, то вскрыть не дадут ни за что. Ни-ни! Придут всей семьёй с малыми детьми, на колени бухнутся, ревут, Христом-богом молят, последнее отдать готовы, только бы их дорогого покойника не трогал. Разве ж тут устоишь?! Посмотришь на всё это дело, да и махнёшь рукой — выдашь родне тело без вскрытия.

— Много таких смертей?

Аркадий развёл руками:

— Видишь ли, мне о них не докладывают. Да и сам я не сразу догадался записывать. Сейчас мне отец Георгий сообщает (я его попросил), что, мол,

такая-то скончалась. А я записываю. Даже тетрадочку завёл. Вот, полюбопытствуй!

Лист тонкой ученической тетради по правописанию был исписан ровным красивым почерком (моему другу каким-то чудом удалось избежать обыкновенного врачебного «недуга» — его записи по-прежнему мог без труда прочесть любой желающий): «1) Анастасия Тихонова, 34 года. Вдова (муж убит в феврале 15-го). Умерла 4 октября 1916 г. 2) Елена Трофимова, 26 лет. Муж на фронте. Ум. 14 октября. 3) Мария Анкушина, 40 лет. Вдова (муж убит в марте 15-го). Ум. 16 октября. 4) Анастасия Белкина, 24 года. Вдова (муж убит в марте 15-го). Ум. 21 октября....» Всего в списке значилось 18 имён. Умершие женщины были разного возраста, от двадцати до сорока двух лет, но всех объединяло то, что мужья их были мобилизованы и либо погибли, либо пропали без вести.

— И все они были беременны? — спросил я.

Аркадий молча кивнул. Тогда я задал ещё один вопрос:

— А вообще в последнее время в селе рождались живые дети?

— Рождались, — вздохнул мой товарищ. — У тех, кто мобилизации избежал.

Я попытался уложить в голове всё услышанное. Получалась какая-то нелепица. Чтобы навести хоть

какой-то порядок в этом мыслительном хаосе, начал говорить вслух. Медленно, с расстановкой:

— Правильно ли я тебя понял, друг Аркадий? В вашем селе по неизвестным причинам скончались почти два десятка беременных женщин... И каждая умершая утверждала, что понесла от своего мужа, убитого или пропавшего на фронте, но явившегося к ней с того света?

— Увы, да! — кивнул Фетисов. Он стоял у окна, скрестив на груди руки, и внимательно смотрел на меня, ожидая моих выводов.

— Единственный вывод, который я могу сделать, таков: в вашей глубинке завёлся опасный душегуб, удовлетворяющий свою похоть за счёт несчастных солдаток, а затем хладнокровно убивающий их вместе с нерождёнными младенцами...

— Я уже думал об этом, Герман, — Аркадий тяжело вздохнул. — И ведь как убивает! Не подкопаешься! Всё выглядит как естественная смерть... Думаю, какой-то яд. Но зачем, чёрт его дери? Зачем?!

Я покал плечами.

— А что, если это вовсе и не убийца? — продолжал Аркадий. — А болезнь? Разве много, Герман, мы знаем о смертельных инфекциях? Давно ли Кох открыл свою бациллу?! Ту самую, что вызывает чахотку? А вирусы?!

— Я, друг мой, не Шерлок Холмс, — сказал я. — Я

не умею распутывать клубки тайн, не поднимаясь с кресла. Я ведь даже не врач, Аркаша, хотя, конечно, некоторое представление об анатомии и физиологии имею.

— То-то и оно, что имеешь! — стёкла очков блеснули в свете лампы. — То-то и оно!.. Я хочу втянуть тебя в одну авантюру. Я хочу, чтоб мы с тобой произвели тайную эксгумацию!

Глухой ночью мы стояли у разрытой могилы в компании двух нанятых Аркадием сельчан, сущих каторжников видом (позже я узнал, что их прошлое и впрямь было уголовным). Небо хмурилось, дул не сильный, но противно лезущий за воротник ветер, падал редкий снег. Мы стояли, окружённые почти кромешной темнотой, которую лишь едва рассеивал тусклый свет единственного керосинового фонаря. Фонарь, впрочем, скорее тлел, чем светил — мы опасались, что огонь увидят в селе.

Обстановка, надо сказать, была ещё та: утопающее в снегах сельское кладбище, с торчащими вкрай и вкось крестами, чёрная стена леса и скрип раскачиваемых ветром елей. Время от времени совсем близко раздавался волчий вой, от чего лошадь испуганно всхрапывала, била копытом и норовила сорваться с привязи. Было не по себе. Не могу ска-

зать, что боялся, но... какой-то холодок нет-нет да и пробегал по телу. Это меня изумило. Я считал, что после войны уже ни что не способно меня напугать. Оказалось, что ошибался. На войне смерть в любой момент может прийти за тобой, обернувшись пулемётной пулей, зеленовато-жёлтым облаком хлопра, осколком брошенной с аэроплана бомбы. Там, в траншеях, эта безглазая старуха с косой всегда где-то рядом, и, в конце концов, ты перестаёшь её бояться. А здесь... здесь было что-то другое. Шум ветра и вой волков в этом царстве мёртвых дёргали за некие ниточки души, пробуждая первобытные страхи, неподвластные логическому объяснению.

Вдруг совсем рядом раздался новый звук, заставивший меня вздрогнуть. То был плач младенца. Мы замерли. Ребёнок? Зимней ночью среди могил? Я читал о том, как семьи, измученные нищетой, понимающие, что ещё один рот им не прокормить, оставляют новорождённых детей на верную гибель. Неужели и здесь то же самое?

Плач продолжался не более нескольких секунд и прекратился так же внезапно. Мужики испуганно закрестились, одновременно взывая к Господу и сквернословя. Я порывался пойти в сторону, откуда слышался плач, и весьма удивился, осознав, что мой друг не разделяет этот порыв.

— Что это? — шёпотом спросил я. — Ребёнок? Или

зверь какой-то?

— Я тебе вчера не сказал, Герман, — ответил Аркадий тоже шёпотом. — Но когда в селе началась эта.. хм... эпидемия, люди по ночам стали слышать этот звук. Крестьяне говорят, это плачут души нерождённых детей.

Я поёжился.

Мужики подняли и поставили на сани ветхий, едва не разваливающийся на куски гроб и накрыли его мешковиной. После чего могилу наспех зарыли, забросали снегом, водрузили на место крест, скрыв таким образом следы нашего действия. Признаюсь, я давно не испытывал такого облегчения, как в тот момент, когда лошадь помчалась в сторону Табор, оставляя кладбище далеко позади.

Гроб внесли в прозекторскую. Аркадий расплакался с «сообщниками» и отослал их восвояси. После этого мы тщательно занавесили окна и только после этого зажгли все имеющиеся лампы.

Гроб представлял собой жалкое зрелище. Видно было, что плотник сэкономил на всём, на чём только мог: доски были самые паршивые, гнилые, а гвозди — ржавые и мелкие, не способные удержать крышку. На душе стало как-то тяжело. Конечно, покойнику без разницы, из чего сделано его последнее пристанище, но всё равно горько осознавать, что бедняк остаётся бедняком даже после смерти.

— Одинокая вдова, — словно прочитав мои чувства, пояснил Аркадий. — Хоронили, что называется, всем миром, за счёт сельской общины. А народ у нас, как ты уже убедился, небогатый... Впрочем, к делу — времени у нас лишь до рассвета.

Мы подступились к гробу и сняли крышку. Здесь нас ожидало открытие, заставившее обоих на несколько долгих секунд застыть в недоумении.

— Аркадия, ты, кажется, говорил, что она была беременной? И умерла до родов? — наконец спросил я.

Мог и не спрашивать — у моего товарища в глазах застыл тот же вопрос, ибо там, где саван должен был обтягивать выпуклый живот, он лежал совершенно плоско, даже впало.

— Такое бывает, — ответил Аркадий, немного подумав. — *Partus post mortem* — «посмертные роды». Ты, наверное, слышал про такое. Давление гнилостных газов выворачивает матку. Если это оно, под саваном мы сейчас обнаружим мёртвый плод... Но... Знаешь, что меня смущает? Тело почти не тронуто гниением. Нет, меня удивляет не это — тут-то как раз всё понятно: зима, промёрзшая почва... Но если тело не гнило, значит...

— ... значит и никаких посмертных родов, — закончил я. — Давай не будем гадать.

Мы переложили тело на стол, поразившись его

лёгкости, и аккуратно разрезали саван. Я ожидал увидеть всё, что угодно, в том числе и трупик мальши, которому не суждено было увидеть свет, но увидел нечто, не поддающееся объяснению, загадочное и отталкивающее одновременно. Не было никакого младенческого трупа, но и выпуклого живота у покойницы, не успевшей разрешиться от бремени, тоже не было. Более того, живот был впалый, как у человека, погибшего от истощения, а вместо лона зияла дыра с неровными краями.

— Боже ж ты мой! — только и смог пробормотать Аркадий. — Печень, матка, часть толстого кишечника — ничего нет!

— Похоже, что в полуразвалившийся гроб нашёл доступ какой-то зверь, из тех, что роют глубокие норы, и при случае не брезгуют несвежей плотью, — предположил я. — Но, чёрт возьми, что за зверь способен зарыться на саженную глубину в промёрзшую землю?!

Никаких следов насилия мы не нашли. Не было ни следов удушения, ни следов ударов, ни колотых, ни огнестрельных ран. Если же она была отравлена, то искать следы яда сейчас, по прошествии времени, не представлялось возможным.

В конце концов мы отнесли тело в морг, где старательно укрыли его от посторонних глаз простыней. Затем мы вернулись в дом и просидели до

рассвета, дымя папиросами и пытаясь дать медицинское объяснение увиденному. Дальше весьма зыбких гипотез дело не шло, и мы пришли к выводу, что нам потребуются ещё тела.

С утра Аркадий занялся повседневными делами, принимал пациентов. Он успешно справлялся, учитывая, что рядом были пожилой фельдшер Николай Павлович и вечно хмурая, но добросердечная медсестра Александра Ивановна. Я же решил нанести визит местному священнику, отцу Георгию. Тому была причина: кто-то как не батюшка должен знать все секреты прихожан?!

Отца Георгия я встретил в перерыве между службами. Друг упоминал, что он в селе — новичок, но я всё же ожидал встретить человека средних лет, а батюшка оказался моим ровесником, не старше тридцати. Не богатырь, но и тщедушным не назвать, животом, характерным для многих представителей духовенства, пока не обзавёлся. Круглое, деревенское, но при том — приятное и располагающее — лицо, вьющиеся русые волосы и жидкая курчавая борода, очки на носу.

Я представился, объяснил, что нахожусь здесь по просьбе близкого друга, врача Аркадия Фетисова, с которым он, отец Георгий, несомненно,

знаком, и что мне надо задать несколько вопросов. Батюшка удивлённо приподнял брови, однако ж гостеприимно пригласил отобедать с ним. Я согласился, полагая, что за трапезой беседа пойдёт живее.

Отец Георгий с женой, Натальей, миловидной, склонной к полноте женщины лет двадцати пяти, проживали в пяти минутах ходьбы от церкви, в небольшом двухэтажном доме. Детьми они пока не обзавелись. Матушка слегка удивилась, что муж привёл нежданного гостя, однако ж виду не подала. На столе уже стоял чугунок с картофелем, только-только извлечённый из печи, и различные соления.

— Уж не побрезгуйте! Однако, пост, — сказал отец Георгий, приглашая к трапезе.

Я не побрезговал. А за скромным обедом, после пары малозначащих фраз о погоде и войне, изложил батюшке суть проблемы (умолчав, конечно, о вчерашнем вскрытии могилы) и объяснил, что побудило меня обратиться именно к нему.

— Я не прошу вас нарушить тайну исповеди, отец Георгий, — сказал я, — но, возможно, вы сможете подсказать нам путь к разгадке тайны этих ужасных смертей, либо же своим пастирским словом как-то повлиять на ситуацию, чтобы бедные вдовы перестали умирать...

Глаза отца Георгия расширились, взгляд его замер, на лице застыло выражение крайнего изумления.

— Ох, как хорошо, что вы об этом заговорили, Герман... как вас по батюшке?... Карлович! — наконец выговорил он, понизив голос. — Не поверите, аж на душе малость полегчало от осознания того, что в нашем приходе появился человек, обеспокоенный тем же, что и я! Ваш товарищ, Аркадий Семёнович, человек с большим сердцем и подлинно христианским человеколюбием, как и должно настоящему врачевателю, но он, уж простите меня, как бы это выразиться... смотрит поверхно.

— Что вы имеете в виду, отец Георгий?

— М-м... Вот скажите, Герман Карлович, вы верите в бесноватость?

Экий поворот! В бесноватость я не верил, но, дабы не обидеть батюшку, ответил уклончиво:

— На фронте мне довелось видеть много такого, что проще объяснить вмешательством злых духов, чем людскими помыслами... Впрочем, разве это не католическая традиция — верить в одержимость демонами?

Отец Георгий немного помолчал, тщательно обдумывая слова, и сказал:

— Об одержимости человека бесами сказано и в евангелии от Матфея, и в евангелии от Марка, однако ж я сейчас не о вселении падших духов в грешную плоть, но о бесноватости иного рода — порой мне кажется, сама здешняя земля проклята... Так-то.

Батюшка посмотрел мне в лицо, видимо, прочитал написанное на нём недоумение и продолжил:

— Мы чужаки здесь. Это земли вогулов. Столетиями они поклонялись своим идолам. Лишь в XIV столетии святитель Великопермский Стефан по благословению митрополита Пимена пришёл в эти дремучие леса, неся с собой Слово Христово... Впрочем, вы, должно быть, и без меня это хорошо знаете?... Язычество сгинуло, а бесы, коих местные народы испокон веков почитали за богов, никуда не делись... Здесь они: в лесах этих, земле, снегах, скалах...

— Что-то не могу никак понять, к чему вы клоните, отец Георгий? — спросил я.

— А чего ж тут понимать? — отец Георгий развёл руками, изумляясь моей недогадливости. — Война! Мужиков в селе — раз, два и обчёлся! А женщина — существо слабое, ей без мужской ласки тяжело — вот бесы этим-то и пользуются! А то, что ни одного младенца живого не родилось, так оно известное дело — бесовскому отродью Бог жизни не даст!

«Эк завернул-то батюшку!» — подумал я. Пожалуй, толку от него большого не будет. А жаль.

— А скажите, нет ли в селе какой-нибудь секты? Либо оккультного общества?

— Да господь с вами! — замахал рукой батюшка. — Какие в наших краях секты?! Разве что старообряд-

цы, так те вон, в тридцати верстах отсюда... А уж ни про какие тайные общества здесь и слыхом никто не слыхивал! Говорю вам: бесовщина здесь творится. Вы вот поезжайте на север губернии, там такого насмотритесь! В церквях вроде бы фигура Спасителя над алтарём, а разберёшься — ан она из того дерева вырезана, коему испокон веков тамошние язычники жертвы приносили. Так-то вот!... А в одном селе, говорят, — отец Георгий перешёл на шёпот, — висят фигуры святых, а вместо ног у них — копыта!

Он перекрестился, я мысленно усмехнулся.

— Бесы, бесы! — убеждённо сказал батюшка. — Предшественник мой, отец Аристарх (упокой Господь его душу!) о чём-то подобном догадывался, через что и сгинул...

— Как — сгинул? — перебил я.

— А вы разве не знали? Пропал по весне. Вышел куда-то из дома уже затемно да и не вернулся.

— И тело не нашли?

— Нет!

— Помилуйте, отец Георгий! — сказал я. — Что ж в этом таинственного? Места у вас дикие, времена нынче голодные, по ночам вон волки воют (сам слышал), а отец Аристарх, как я понимаю, человек уже немолодой был. Всякое могло случиться.

— Так-то оно так, но... — батюшка немного замялся. — Думается мне, что без Врага рода человеческого тут

не обошлось!

— Почему ж вы так думаете?

— Книгой он одной увлёкся. «О мерзостях потаённых мира сего». Не слыхали о такой?

Я покачал головой:

— Что-нибудь нравоучительное?

— Если бы! — воскликнул священник. — Прямо вам скажу: как по мне, так не то что читать — в доме такую книгу держать грех! А уж лицу духовному — и подавно! Я грешным делом пару страниц перевернул — дрянь такая, что прям тыфу! Хоть и называется «О мерзостях...», а написана столь соблазнительно, что прям веет этой... ох, прости, Господи!... демонолатрией.

— Демонолатрия? — переспросил я, мучительно вспоминая гимназический курс греческого. — Это что ж? Поклонение демонам?

— Оно самое! — кротко кивнул отец Георгий, поднял глаза и молча перекрестился.

— Полагаю я, — добавил он почему-то шёпотом, — что отец Аристарх, подобно Святому Стефану, объявил войну неким силам, с коими совладать не смог. Вера его, может, и крепка была, да тело бренно.

— А где книга? — спросил я.

— В храме. Домой нести, сами понимаете, опасаюсь, а там всё-таки... сами понимаете.

Я немного подумал.

— А что, отец Георгий, если, скажем, я у вас её возьму на время?

— Да хоть совсем забирайте! — замахал руками батюшка. — А ещё лучше — бросьте её в печь! Там ей самое место!

Из моих записей: «В ночь с 21 на 22 декабря произвели экстремацию и вскрытие ещё одного тела — 32-летней вдовы М., скончавшейся в конце сентября на седьмом месяце беременности. Вновь слышали звук, похожий на детский плач. Доносился откуда-то с противоположного конца кладбища, ближе к кромке леса. Гроб в таком же скверном состоянии, как и предыдущий, так что едва не развалился во время извлечения (судя по всему, здешний гробовщик и впрямь редкостный скупердяй).

Тело вдовы М. в худшей сохранности, чем тело А., поскольку похороны первой состоялись ещё в теплое время года, что способствовало процессу разложения. Но самым ужасным было увиденное нами после разрезания савана: полностью отсутствует передняя брюшная стенка, нет желудка, печени, матки, одной почки; тонкий и толстый кишечник сохранились частично. Плода нет и в помине. Будто кто-то взял и вычерпал органы, как мякоть из арбуза».

И чуть позже: «Не подаю вида, но почему-то

уверен, что, если мы выкопаем тела всех вдов, умерших на поздних сроках беременности, нам предстанет примерно одна и та же картина: дыра в животе и пустое чрево».

И ещё позже: «В тридорога заплатили нашим „осквернителям могил“, чтобы вновь похоронили покойниц. За прежнюю цену работать не соглашаются. Говорят, сильно страшно — то волки воют, то мёртвые младенцы плачут».

Вечером Аркадий, утомлённый разъездами по окрестным деревням, рано ушёл спать. Я же зажёг сразу несколько свечей (керосин велено было беречь) и усился за изучение принесённой от отца Георгия книги. Полным её название было «Наставление иеромонаха Ксенофона о мерзостях потаённых мира сего», издана товариществом Сытина в 1886 году. В другое время я, скорее всего, не обратил бы на неё ни малейшего внимания (труды святых отцов всегда навевали на меня смертельную скуку), но после выданной батюшкой «аннотации» считал своим долгом её хотя бы пролистать. Вряд ли была какая-то связь между ней, пропавшим отцом Аристархом и таинственным мором, убивающим вдов, но... чем, как говорится, чёрт не шутит?

Бегло пролистав несколько страниц, я осознал,

что «Наставления»-то, пожалуй, любопытнее, чем можно о них подумать на первый взгляд. Причиной тому были совершенно поразительные литографии, выполненные, как указывалось, с рисунков некоего Кузьмы Ершова. Этот неведомый художник обладал каким-то первобытным талантом: все его творения были в чём-то подобны наскольким рисункам троглодитов — несколько скучных линий, а вот он, мамонт! Только Ершов рисовал не мамонтов и не пещерных медведей, а тварей столь фантастических и столь безобразных, что впору было заподозрить художника в пристрастии к опиуму. Здесь не было ничего, похожего на традиционных чертей с рогами и копытами: какие-то осьминоги с человеческими лицами, чудовищные черви, полуженщины-полупауки, а то и вовсе бесформенные создания, висящие среди звёзд.

Я, искренне восхищённый фантазией художника, полюбовался всеми литографиями, попробовал почитать, но быстро осознал, что проридаться сквозь витиеватые фразы, написанные церковнославянским почти полтораста лет назад, мне не под силу. Я потушил свечи и лёг.

Долго не спалось — вновь разболелась голова. Полная луна светила в заиндевевшее окно, поискивали, суетясь, мыши под полом, время от времени что-то поскрипывало да покряхтывало.

Я ворочался в постели и размышлял над историей, в которую меня втянул Аркадий. Все эти случаи со вдовами теперь не на шутку меня озадачивали и — не буду скрывать — пугали. Было в них что-то иррационально-зловещее. К тому же из головы не выходило слово, упомянутое отцом Георгием, — «демонолатрия». Да и бегло полистанные «Наставления», особенно, дьявольские литографии, действовали угнетающе. Еще несколько дней назад я бы только посмеялся над любыми упоминаниями бесов, призраков погибших мужей и прочей нечисти: того, кто видел людей, выхаркивающих отправленные хлором лёгкие, возможно ли напугать бабкиными сказками!... Но здесь, в глухом селе, где никогда не было ни электрического освещения, ни телефонов, ни парового отопления, многое уже отнюдь не казалось смешным. Может, и прав отец Георгий, и древние демоны этих таёжных земель никуда не делись?

«Чушь!» — подумал я вслух. И тотчас заметил новую тень на белёсом прямоугольнике окна. Клянусь, минуту назад её не было. Кто-то загораживал собой свет Луны. Мерзкие мурашки пробежали по телу. Откуда-то, из каких-то тёмных недр разума вылезла шальная мысль о вдовах, чей прах мы тайно потревожили, и об их нерождённых младенцах, чьи тела таинственно исчезли. Я через силу усмех-

нулся и начал мысленно подтрунивать над собой. Мертвецы, как бы их ни тревожили, не оживают и не ходят.

Всё же, желая удостовериться, что передо мной — лишь игра лунных лучей на покрытом морозными узорами стекле, я подошёл к окну и приложил к нему ладонь, подержал несколько секунд, а затем отнял. Я закрыл один глаз и прижался лицом к ледяному стеклу. Там, на расстоянии в пять-шесть саженей кто-то стоял.

Я отпрянул от окна, размышляя, как поступить. Конечно, никакой это не призрак, не языческий демон и не оживший мертвец. Но кому могло понадобиться глухой морозной ночью шастать по чужим дворам? Может, один из наших соучастников-грабокопателей? Но что ему в таком случае надо? А, может, кто-то пришёл к доктору за помощью?

Это следовало выяснить. Но будить Аркадия раньше времени мне не хотелось. Я тихонько обулся накинул пальто, взял электрический фонарик и, стараясь не лязгать засовами и не скрипеть дверями, вышел.

На улице никого не было. Окружающий мир был залит лунным светом. Село спало, окна ближайших изб были темны, стояла тишина и лишь где-то вдали лениво перебрёхивались собаки. Неужели привиделось? Неужели игра света и теней, пройдя

сквозь призму моего воображения, возбуждённого разглядыванием книжных картинок, соткала образ человека? А ведь пару минут назад я готов был поклясться на чём угодно, что видел его.

Я прошёл к тому месту, где, как мне казалось, стоял незнакомец, и изумлённо замер, увидев дыру в снегу. Круглая, с аршин в диаметре, несомненно глубокая — дна не было видно даже в свете фонаря. Это означало, что яма вырыта не только в снегу, но и в земле. Это было чертовски странно. Выходило, что кто-то стоял здесь, раскапывал снег, потом долбил промёрзшую землю и всё это делал так, что никто ничего не заметил. Но где тогда следы таинственного копателя? Где разбросанная земля? Я поводил лучом фонаря туда-сюда. Ничего. Присел на корточки и потрогал края ямы. Они были слегка оплавлены, словно её не рыли лопатой, а проделали разогретым буром. Ничего подобного я раньше не встречал, а потому не удержался и сказал вслух:

— Бог ты мой!

— Простите, какого бога вы имели в виду? — раздался сзади чей-то приятный и слегка насмешливый голос.

Признаюсь, сердце замерло, потом бешено застучало, и меня бросило в жар. Я медленно выпрямился и развернулся.

На расстоянии в три сажени по пояс в снегу сто-

ял совершенно обнажённый человек. Очень худой, совершенно без волос, неопределённого возраста. А ещё он весь был измазан землёй. Первой же мыслью, пришедшей в голову, была: мертвец, прорывший себе путь из могилы. Но, во-первых, я не на кладбище, а, во-вторых (я вновь проговорил это про себя) мертвецы остаются мертвецами. Скорее всего, местный юродивый. Я видел таких немало в последнее время — душевные заболевания всегда обостряются в периоды войн и смут. И если юродивые могут ходить в мороз босиком и в лохмотьях, почему бы им не ходить и совсем голыми?! К тому же, кому, кроме деревенского сумасшедшего вздумается разговаривать о боже ночью с первым же встречным?

— Простите, но мы не представились, — сказал я. — Отставной офицер 37-го Екатеринбургского пехотного полка Герман Алексеевич Первушин. Так с кем имею честь разговаривать?

Юродивый проигнорировал мой вопрос и повторил:

— Какого бога вы имели в виду, произнеся «бог ты мой»?

Я подумал, что будет неразумным обвинять душевнобольного в невежестве.

— Никакого, — сказал я. — Я просто выразил своё удивление. Но почему вы спросили? Разве церковь не учит нас, что господь един?

Вопрос прозвучал несколько провокационно, но, похоже, нечаянная реплика ничуть не задела моего собеседника.

— Создатель и Спаситель? — насмешливо сказал он. — А что бы вы подумали, если бы я сказал вам, что наш Творец слеп и безумен? Он творит миры не как гончар, но как малое дитя, пускающее мыльные пузыри. И, поверьте, Ему нет до нас ни малейшего дела! Впрочем, я явился к вам не для того, чтобы поговорить о Создателе... Видите ли, друг мой, наши пращуры были умнее нас. Греки и римляне, почитавшие многих богов, были ближе ко вселенской истине, нежели иудеи, христиане и магометане. И здешние племена, исстари поклонявшиеся духам, тоже были мудрее нас. Наш мир полон божествами. Но в них мало общего с теми, кого принято писать на иконах. И, поверьте, они ближе, чем хотелось бы вам.

От всей ситуации веяло абсурдом: глухой морозной ночью я слушал откровенную ересь из уст на-гого сумасшедшего.

— Грядут скута и большие потрясения, а они всегда пробуждаются ото сна в такие времена!

Юродивый захихикал. От его смеха меня перевернуло.

— И всё-таки, — крикнул я, чтобы оборвать его самозабвенное веселье. — Я так и не услышал ваши

имя-отчество. Похоже, вы, сударь, невежа.

Безумец замолчал.

— «Аз же есмь червь» — сказал он, чеканя каждое слово.

И исчез. Вот только что стоял передо мной, а в следующее мгновение — уже никого. Как сквозь землю провалился буквально. Некоторое время я ошеломлённо стоял, затем сделал несколько неуверенных шагов вперёд. Вскоре я увидел то, о чём уже смутно догадывался: там, где только что стоял жутковатый собеседник, зияла ещё одна круглая дыра с ровными, чуть оплавленными краями.

— Разумеется, мы видели подобное раньше, — сказал Аркадий, задумчиво рассматривая то одну дыру, то другую. — Но я объяснял это просто. У нас под ногами всё сложено из водорастворимых пород. Подземные воды растворяют каменную соль, гипс и известняки, в результате чего возникают глубокие узкие провалы, воронки и прочее. В по-запрошлом году у одного мужика на окраине села баня целиком провалилась под землю. Кажется, это называется карст.

— Аркаша, я ещё не успел забыть университетский курс геологии. Объясни мне, как из карстового провала, словно чёртик из табакерки, мог высунуться

совершенно нагой человек?!

— Герман, — сказал Аркадий, наградив меня долгим взглядом. — Я очень (очень!) надеялся, что ты со своим материалистическим взглядом мир поможешь мне разобраться во всей творящейся тут мистической жути. Но, похоже, ситуация становится всё запутаннее и запутаннее. Мало нам было призрачных мужей, беременных вдов, умирающих от неизвестной болезни, мёртвых младенцев, чьи тела таинственно исчезают... Теперь ещё и безумец, ползающий под землёй подобно дождевому червю и пропагандирующий языческое многобожие! Эх!..

Друг в отчаянии махнул рукой. Я лишь покачал головой — у меня не было никакой мало-мальски достоверной версии происходящего. Единственное, о чём я подумал, так это о необходимости всё-таки вникнуть в суть содержания проклятой книги.

Из моего дневника: «До Нового года одна неделя. Никаких новых, выходящих за рамки обыденного, событий в Таборах не произошло. Аркадий принимает больных, время от времени выезжает в отдалённые деревни. Пару раз ездил с ним, о чём впоследствии пожалел — эти визиты производили на меня угнетающее впечатление. Бедность страшная! (Вспомнил, как во время службы поначалу

удивлялся, узнав, что многие новобранцы впервые видели мясо только в армейских щах.)

Каждый день сажусь за стол, раскрываю «Наставления иеромонаха Ксенофона» и берусь за перевод. Дело движется тяжело и медленно. Надеялся на помочь отца Георгия, но тот наотрез отказался, заявив, что читать и переводить подобное — пятнать душу грехом. Однако ж принёс мне «Полный церковно-славянский словарь», составленный неким Григорием Дьяченко, протоиереем, и изданный относительно недавно, в 1900-ом. Переведя несколько страниц, убедился, что «Наставления» подобны яблоку с гладкой блестящей кожурой, но насквозь гнилым нутром. Попробую пояснить.

Первое. Отец Георгий прав: описанные автором «бесы» не имеют никакого отношения к бесам христианской демонологии. Ничего общего с Сатаной и другими падшими ангелами. Все они, похоже, плоды могучего воображения исконных народов Сибири и Урала. Этих существ нельзя назвать бесплотными духами, но и существами из плоти и крови — тоже. Они ни враги рода людского, ни его благодетели — на человека вместе с его грехами и добродетелями им, грубо говоря, плевать. Точнее, некоторые из них время от времени нуждаются в людях, их телах и душах, но — исключительно как в средствах достижения неких запредельных целей.

Вот описание некоего человекоподобного существа, обитающего в воде (собрат славянского Водяного?) и время от времени пожирающего неосторожных рыбаков и купальщиков; вот — гигантский слепой змей, живущий в подземном озере, и обладающего всею мудростью мира; вот — соблазнительная и жуткая чудовищная женщина-паучиха (та самая, что изобразил Кузьма Ершов), вечно ткущая тенета над Великой мировой бездной; а вот и вовсе нечто чудовищное — колоссальный подземный обитатель, то ли червь, то ли полип, пребывающий во сне, но пробуждающийся в эпохи человеческих страданий и исторических потрясений, «ибо предчувствует Он страсти людские и возбуждается ими».

Второе. Книга содержит подробнейшие описания ритуалов, при помощи которых человек может приобщиться к тайному миру. Любопытно: ритуалы вовсе не похожи на поклонение кому бы то ни было (так что с демонолатрией отец Георгий, увы, ошибся). Если я правильно понял текст, описываемые сущности настолько чужды роду людскому, что в поклонении не нуждаются.«

Новый год мы встречали втроем — я, Фетисов и фельдшер, Николай Павлович. Александры Ивановны с нами не было — ушла в гости к родной сестре, ко-

торая жила с семьёй здесь же, в селе.

— Меньше часа до того, как семнадцатый придёт на смену шестнадцатому, — сказал Аркадий, бросив взгляд на ходики. — Как бы хотелось, чтоб он оказался лучше уходящего! Чтобы наконец-то закончилась эта проклятая война, чтобы жёны перестали становиться вдовами, а матери — оплакивать сыновей...

Я только едва заметно усмехнулся:

— Увы, дружище, чудес не бывает. Даже в канун нового года!

— Эхе-хе! — задумчиво прокряхтел фельдшер, разливая водку. — Ну-с, господа, за скорейшее установление мира!

Мы едва успели опрокинуть рюмки, как в дверь кто-то громко заколотил.

«И кого это чёрт принёс?» — подумал я.

— Я открою! — бросил Аркадий.

Через несколько секунд он вернулся несколько растерянным, ведя за собой запорошенную снегом и изрядно запыхавшуюся попадью. Судя по виду матушки Натальи, пришла она отнюдь не для того, чтобы поздравить нас с Новым годом.

— Вдова Семёнова помирает! — выговорила она, едва отышавшись. — Супруг мой соборовать побежал. А мне за вами велел!..

— Семёнова? — переспросил я, поначалу не со-

всем понимая, о ком идёт речь. А потом догадался: то была последняя из вдов, забеременевших якобы от погибших мужей.

— Николай Палыч, голубчик, саквояж мой! — приказал Аркадий. — Идём немедленно!

— Я с вами! — заявил я.

Закладывать сани времени не оставалось, пошли пешком. Преодолев сугробы, ветер, бросающий в лицо снег, и предновогоднюю темноту, сгустившуюся над Таборами, мы, наконец, были у дома вдовы.

Изба встретила нас свечным полумраком, духотой, запахом кислой капусты и голосом отца Георгия, читавшего Псалтирь. Тело вдовы с выпирающим животом лежало, вытянувшись, на лавке. Скорчившись в углу, беззвучно плакала какая-то старушка, видимо, мать безвременно почившей.

При виде нас отец Георгий прервал обряд и красноречиво развел руками: вот, мол, беда-то какая!

Аркадий широкими шагами подошёл к телу, приложил пальцы к сонной артерии, покачал головой. Я встал рядом с другом, не вмешиваясь в работу врача, но будучи готов помочь по мере сил. Фетисов раздвинул покойнице веки и слегка сжал двумя пальцами глазное яблоко.

— Видишь? — он показал на зрачок, превратившийся в полоску, как у кошки. — Реакция Белоглазова. Увы, мы опоздали.

Фельдшер вздохнул. Все молчали, даже отец Георгий и старушка в углу.

В этот момент живот покойницы шевельнулся.

— Ребёнок! — крикнул Аркадий. — Николай Палыч, попробуем! Шансы, конечно, малы, но, как говорится, чем чёрт не шутит?!

Я не сразу понял, что он имеет в виду. Отец Георгий, похоже, был смущён упоминанием чёрта в столь скорбный час. А вот фельдшер не растерялся. Он вдруг оказался передо мной с раскрытым саквояжем, из недр которого тотчас начал извлекать хирургические инструменты.

Я было отошёл, дабы не мешать операции, и встал рядом с отцом Георгием, но у моего друга были другие планы.

— Герман, найди керосинку! Или любой другой свет! — бросил он. — И вставай рядом! Отец Георгий, принесите тёплой воды! И какую-нибудь пейёнку!

Я никогда не слышал, чтобы Аркадий говорил таким твёрдым голосом, а потому поначалу опешил. Отец Георгий опешил ещё больше, но, осознав, что от его действий зависит новая жизнь, засуетился. Старушка в углу по-прежнему всхлипывала и что-то бормотала. По-моему, она не понимала, что происходит, поэтому помочь от неё не было никакой.

Лампы я не нашёл — взял стола подсвечник с тремя

свечами и встал справа от покойницы, держа его в вытянутой руке.

Запахло карболкой. Залязгали ножницы, затрещала разрезаемая ткань подола. Блеснул скальпель. Аркадий погрузил обе руки в разрезанное чрево и извлёк на свет божий нечто похожее на большое яйцо. Оно скользко блестело в дрожащем свете свечей и шевелилось. Я никогда не видел, как выглядит новорождённый в плаценте, но то, что находилось под полупрозрачной красноватой плёнкой, совсем не напоминало человеческое дитя.

— Ох ты ж!.. — выдавил Фетисов.

Фельдшер испуганно перекрестился.

Я, недоумевая, переводил взгляд то на того, то на другого, а то и на отца Георгия, который стоял чуть поодаль с выражением полнейшей растерянности.

Аркадий перенёс младенца на стол, заботливо застеленный батюшкой какой-то тряпицей, и принялся разрезать плаценту, бормоча под нос что-то о врождённых уродствах.

Уродства? Ведомый скорее любопытством, чем желанием помочь, я подошёл к другу и... Не знаю, что именно ожидал я увидеть. Недоношенного, скорее всего, обречённого на смерть, младенца? Безносого циклопа? Анацефала? Ребёнка со сросшимися ногами? Сиамских близнецов? Либо ещё какого-то уродца, вроде тех, что выставлены на

всеобщее обозрение в петроградской Кунсткамере? Морально я был готов узреть нечто подобное. Но я ожидал увидеть человека, а лежащее в крови и слизи существо было чем угодно, но только представителем рода людского. То был длинный (почти в пол-аршина) и толстый, отвратительно белёсый червь.

Отец Георгий пробормотал что-то вроде «не убьюсь я зла», замолчал и только размашисто крестился дрожащей рукой. Мелко крестилась старушка в своём углу. Николай Павлович время от времени тоже осенял себя крестом.

— Что... чёрт возьми... ЭТО? — спросил я, понимая, что ответа не будет.

Аркадий, на лице которого одновременно читались отвращение и любопытство, осторожно кольнул червя ланцетом. Червь, доселе почти неподвижный, вдруг резво изогнулся и стал раздуваться, с хлюпаньем втягивая в себя воздух через какие-то невидимые отверстия.

Я представил, что он раздуется до такой степени, что лопнет, и его омерзительное содержимое полетит в наши лица. Я попятился. Остальные тоже.

Но червь, раздувшийся до размеров спелой дыни, не лопнул. Один его конец (очевидно, тот, где должна была располагаться голова) разошёлся со чмокающим звуком, явив некое подобие рта. И тотчас мы услышали младенческий плач. Отвратительный

червь кричал как ребёнок, только что извлечённый из утробы матери акушером и первый раз вдохнувший воздух этого мира.

Клянусь, в эти долгие мгновения все ужасы войны ушли куда-то вглубь и там стыдливо затаились. Бесконечные траншеи, куски плоти на колючей проволоке, газовые атаки, пулемётные очереди, воздушные бомбардировки, гниющие в грязи трупы, тифозные вши — всё это меркло в сравнении с огромным опарышем, голосящим, как новорождённое дитя. Все находящиеся в доме одновременно отшатнулись. Отец Георгий и фельдшер, не сговариваясь, начали громко читать «Отче наш». Старушка соскочила со своего места и бесполково забегала кругами, что-то неразборчиво причитая. Мне хотелось заткнуть уши и бежать прочь из этого дома и этого проклятого села.

А потом пол под ногами дрогнул. Земная твердь заколебалась. Заходили ходуном доски, со стуком попадали иконы, заметалось пламя свечей.

Землетрясение!

Мы замерли. Священник и фельдшер замолчали. Чудовищный «младенец» тоже замолк, с омерзительным шлепком свалился на пол и пополз, изгиная тело как гусеница.

Краем глаза я увидел, как приоткрылась крышка погреба. Оттуда показалась чёрная рука, затем кос-

матая голова и грязное тело.

— Суседко! — ахнул Николай Павлович.

События этих дней заставили меня поверить во что угодно, даже в домовых.

— Изыди! — визгливо возопил отец Георгий, выставив перед собой требник.

Существо, высунувшись из подпола по пояс, выпрямилось. И хотя оно было покрыто толстым слоем грязи, я его узнал без особого труда — это был тот самый юродивый, явившийся мне несколько ночей назад. Он-то как тут оказался? Неужели обрёл приют у покойной вдовы и её старухи-матери?

— Отец Аристарх, вы ли это? — ахнул Аркадий.

Отец Аристарх? Пропавший по весне настоятель здешнего храма?

— «Аз же есмь Червь, — строго поправил „домовой“ и повторил. — Аз же есмь Червь».

Он замолчал и вытянул перед собой руки ладонями вверх. «Опарыш», ведомый неким чувством, полз прямо к нему. Отец Аристарх (если существо из погреба и впрямь некогда было им) начал подниматься над погребом, не помогая себе руками, словно под ногами у него был некий подъёмник. Вот он уже во весь рост и продолжает подниматься. Когда его макушка почти упёрлась в потолок, мы невольно попятались, лишившись дара речи: отец Аристарх был человеком только выше пояса.

Не было ни ног, ни половых органов — гладкая кожистая колонна. Бывший священник венчал собой то ли тело огромного змея, то ли гигантское щупальце.

«Змей» изогнулся подковой, подхватил с пола червя и бережно прижал к груди, словно настоящего младенца. Затем вновь распрямился и обратил лицо, практически неразличимое под грязными космами.

— «Вы слышали, — посмотри на всё это! И неужели вы не признаёте сего?» — услышали мы. — «А ныне я возвещаю вам новое и сокровенное, и вы не знали сего.»

Чудовище, цитирующее Библию, заставило меня содрогнуться. Тот, кто прежде звался отцом Аристархом, погрузился в погреб, держа на руках ещё одно монструозное существо. Когда через несколько долгих секунд наша оторопь прошла, и мы осмелились настолько, чтобы сделать два шага вперёд и заглянуть в квадратную дыру подпола, то увидели лишь груду земляных комьев.

Пол под ногами вновь содрогнулся, а потом и вовсе заходил ходуном. Свечи попадали, плеснув горячим воском, но, к счастью, потухли. Я зажёг фонарь. Конус жёлтого электрического света выхватил стол с лежащим на нём телом, сверкающие глаза ополоумевшей старухи, испуганные

лица отца Георгия и Николая Павловича. Весь дом отчаянно скрипел, с потолка сыпалась труха.

— Пора убираться! — сказал я.

Решив далее не искушать судьбу, мы выбежали на улицу, оставив верхнюю одежду в избе. Батюшка чуть ли не силком увлёк за собой старуху.

Вокруг творилось нечто невообразимое. Хлопали двери, из окрестных домов высекали перепуганные люди, слышались крики, детский плач и отчаянный лай собак. Рассыпались печные трубы, раскачивались деревья, сбрасывая шапки снега. Земля поднималась и опускалась, словно крупная зыбь на море. Я прежде никогда не видел землетрясений, и мне казалось, что некое чудовищное существо, доселе спавшее, вдруг пробудилось и теперь прокладывает свой путь сквозь толщу земли.

А потом всё разом прекратилось. На секунду показалось, что во всём окружающем мире воцарилась тишина, но тишины не было и в помине. По-прежнему лаяли псы, плакали дети, доносились чьи-то крики. Над селом занималось зарево от горящих изб.

Отец Георгий взял ополоумевшую старуху под своё попечение и куда-то увлёк. Аркадий же решил, что самым разумным будет вернуться в больницу, потому как, судя по масштабам бедствия, нуждающихся в его помощи будет немало. Так оно и вышло.

Не прошло и часа, как в больницу потянулись сельчане. Обожжённые, угоревшие они шли до самого рассвета. Я помогал ему как мог.

Утро явило нам печальную картину: три дома провалилось в образовавшиеся в земле пустоты, шестнадцать изб сгорело, двадцать семь человек, включая двенадцать детей, погибло.

Землетрясение 1 января 1917 года вошло в летопись губернии и статьи университетских геологов, но толкового объяснения так и не получило. Поразительно, что после этого любые странности в Таборах прекратились. Больше ни одна вдова не понесла от мёртвого супруга, ни одна не умерла таинственной смертью, а на кладбищах по ночам перестали слышать младенческий плач.

¶

Мы пытались дать всему случившемуся естественнонаучное объяснение. Стارались представить, что в единый клубок сплелись суеверия, неизвестная болезнь, вызывающая внутриутробные уродства, и галлюцинации. Но всё этоказалось шитым белыми нитками. Как ни крути, самым не противоречивым объяснением было самое невероятное. Недаром мне долго не давал покоя абзац в проклятой книге, повествующий о подземном полипе, «прирастающем людской плотью», чьи

отростки способны принимать любой облик. А уж вымарать из памяти облик младенца-червя и изгибающееся тело «отца Аристарха» я, увы, не смогу до самой смерти. Впрочем, потом все мучительные метания мыслей ушли на второй план. Грязнула революция, затем — вторая, за ней — Гражданская... а вместе с ней — «испанка», унесшая жизнь моего друга. На обломках Империи взросла Республика, и в этом неистовом водовороте я старательно пытался найти своё место.

С зимы 1916-1917 годов минуло более четверти века, и только недавние события побудили меня открыть на антресолях свой старый дневник с по-желтевшими и слегка пахнущими плесенью страницами. Три дня назад на нашей угольной шахте произошёл обвал, погибли двое. Уцелевшие шахтёры уверяют, что обвалу предшествовали подземные толчки. Геологи на этот счёт пока молчат, в газетах ничего. Но один мой сосед — горняк из тех, кто был в забое в момент обрушения — уверяет, мол, больше всего было похоже, как если бы рядом, за стеной породы «зашевелилось что-то огромное и живое». А незадолго до того он же рассказывал, как видел в забое бледную фигуру совершенно голого человека. Будто бы он возник из ниоткуда и так же неожиданно исчез. Я тогда счёл это обычными шахтёрскими байками. Но...

К чему я клоню? «Отец Аристарх» (буду и впредь называть его так, кем бы на самом деле ни было это существо) обмолвился, что ОНИ пробуждаются перед великими переменами и потрясениями. «ОНИ любят смуту!» — кажется, так он говорил. Да и проклятый иеромонах в своём «Наставлении» писал о том же. (Книгу я, кстати, подарил городскому краеведческому музею. По-моему, там ей самое место.) И ведь правда — после того, что произошло в Таборах, страну основательно «встряхнуло». Была и смута, и человеческие страдания. «... возбуждается Он страстями людскими»... Впрочем, я склонен верить, что несчастный случай на шахте — всего лишь несчастный случай, помноженный на суетерия и слухи.

Сегодня последний день 1940 года. Завтра наступит новое десятилетие. Я очень надеюсь, что оно не принесёт нам никаких потрясений.

Мария Малухина

Бейби блю

Моя мать всегда говорила, что ключ к душевному спокойствию — соблюдение режима. Тогда она, конечно, имела в виду хороший ужин из отбивной с брокколи («Майки, ты думаешь, твоя мать идиотка? Уронишь еще один брокколи на пол, и никакого пирога!») и крепкий сон к девяти вечера, но сейчас ее философия пришлась как нельзя кстати.

Итак, режим. Вот уже два месяца, день за днем ровно в шесть тридцать (смена в банке заканчивается в шесть, чи-чиング, распишитесь и получите, а потом полчаса по почти пустому шоссе A5 из Бангора в Кейпел Кьюриг, что на окраине заповедника Сноудония) я паркуюсь на пятаке около нашего нового дома. В полтора раза дешевле, чем квартира в Лондоне, и целый двухэтажный домишко, да еще и с сохранившимися балками семнадцатого века. Да уж, нет худа без добра.

День за днем, вот уже два месяца я выбегаю из машины под мелкий моросящий дождь. Вот что бывает, когда переезжаешь из Лондона в самое дождливое место Великобритании. Конечно, от года к году рейтинг немного меняется, но Кейпел Кьюриг всегда где-то в десятке. Дальше — отработанный механизм действий. Открываю входную дверь, разужаюсь... В Лондоне мы никогда не разувались, но тут, в благословенной деревне с населением в двести человек, где всегда идет дождь, а в новом доме такой чудный старый паркет, я всегда оставляю кроссовки у входной двери.

В конце длинного коридора — ванная, она только называется ванной, но никакой ванны там нет, уж я об этом позаботился, только душевая кабина с отличным водонапором. Оттуда через шум душа пробивается музыка. Лори любит Джонни Кэша, и сегодня она подпевает мимо нот: «You're gonna сту, сту, сту!» О, детка, сколько ты уже наплакала. Но все, что я делаю — все только для тебя. Только для того,

чтобы больше не было никаких слез.

Я взлетаю по лестнице на второй этаж. Там, в спальне, я стаскиваю с себя небесно-голубую рубашку с логотипом банка и забрасываю ее под кровать. Потом, ночью, когда Лори уснет, рубашка отправится в одинокий часовой аттракцион верхения в стиральной машине.

Конечно, было бы проще, если бы вся чертова символика и мерчендейз банка Барклиз, в котором я работаю вот уже три года, не были проклятого запретного небесно-голубого цвета. Цвета смерти и отчаяния. Цвета непоправимых ошибок. Цвета побега из жизни, которую так долго строил в Лондоне по кирпичику, в крошечную валлийскую деревню. Но что поделаешь? Мой отец всегда говорил: «Жизнь, Майки, чудовищно несправедлива. Поэтому втяни обратно свои сопли и вертись, вертись, как можешь».

Когда мы уезжали из Лондона — впопыхах, покидав кое-как одежду и утварь в чемоданы, точнее, это я, я лихорадочно собирался, пока Лори временно превратилась из человека в кусок рыдающего мяса, — я позвонил в родной камденский офис Барклиз кадровику Стиву, наврал что-то про семейные обстоятельства у жены и про ее несуществующую большую валлийскую бабушку.

Господь, благослови старину Стива за то, что он, движимый сочувствием, или просто всеанглийской

вежливостью, быстро нашел мне местечко в отделении банка в Бангкоке. Да, с потерей в должности и небольшой потерей в окладе, но зато как быстро. Ради такого можно и потерпеть всю суматоху с прятаньем фирменных рубашек. Да что рубашки! Так, мелочь в океане ставшего таким опасным небесно-голубого, которым наполнена вся наша жизнь. Бутылки минералки и крышечки от диетических йогуртов, стиральные порошки и классическая тема Виндоуз, джинсы и рубашки, нежные гиацинты и чистое голубое небо, от которого я увез мою Лори в Кейпел Кьюриг, над которым, кажется, никогда не расступаются плотные облака совершенно безопасного серого цвета.

Когда фирменная голубая рубашка надежно за-прятана под кровать, я спускаюсь вниз, открываю дверь ванной комнаты, и пронираюсь через облака белесого пара, чтобы поцеловать мою Лори.

Так-похудеш-заэтадвамеся-ца-что-аж-торчат-ребра Лори.

Такую-любимую-что-я-готов-продать-душу-и-отменить-небесно-голубой-цвет-Лори.

Проклятую-детоубийцу-которая-будет-гортеть-в-аду-Лори.

Это был вторник. Кажется, плохие вещи никогда не случаются по вторникам. Вторник — это хлопья на

завтрак и капуччино из Неро по дороге на работу, это толчея в подземке и обычная пестрая сутолока веселого Камдена, это холодное лондонское лето и теплый сэндвич с фалафелем на обед в Прет-а-манже. Но в тот день мир слетел со своих привычных рельсов, и когда я вошел в нашу квартиру, счастливый идиот... Лори, Джеки, папа, наконец, дома! — Джеки уже было не спасти.

Вообще, этого стоило ожидать. Были все звоночки. Но я, опьяненный своим молодым отцовством, почти ничего не замечал. Правда, послеродовую депрессию Лори сложно было не заметить. Она ходила по квартире привидением, грудное вскармливание давалось ей с трудом, а ребенок, пухлый голубоглазый Джек, которому я, несмотря на все уверения Лори, каждую неделю покупал какую-нибудь новую младенческую одежду, небесно-голубую, прямо в цвет его ярких глаз, ужасно ее выматывал. У Джеки были проблемы со сном — он рыдал, и ревел, и кричал — беспокойный, нервный малыш, и когда я приходил с работы, Лори совала мне его в руки, а сама убегала в ванную рыдать, потому что от его рёва у нее раскалывалась голова, и ничего не помогало, — ни грудь, ни укачивание, ни фальшиво напеваемые Лори колыбельные. Я убегал на работу, втайне выдыхая с облегчением каждый раз, когда за мной закрывалась входная дверь.

А Лори оставалась наедине с ним, наедине с его плачем вплоть до вторника, до злосчастного вторника, когда я вернулся с работы — Лори, Джеки, папа, наконец, дома! — и нашел Лори рядом с ванной. Рыдающую, воющую, пытающуюся выдавить из Джеки не то, что плач, хотя бы вздох, но все напрасно.

Потом она уверяла меня, клялась, что всего лишь оставила Джеки на полминутки, выбежала из ванной на кухню к открытому окну, чтобы вдохнуть свежий июльский воздух и унять головную боль, возникшую потому, что Джеки не хотел купаться и орал как резаный. Опомнилась она от того, что в квартире было невероятно тихо, и ринулась обратно в ванную, но было уже поздно, слишком поздно.

Лори не понимала, как, как всего за полминуты Джеки выскользнул из своего небесно-голубого, купленного в местной аптеке купальщицкого спасательного круга для младенцев? Лори грозилась засудить производителя, Лори каталась по полу и выла, а я хотел верить, что это все правда, но маленький голос внутри меня все спрашивал: действительно, как же он выскользнул из своего спасательного круга? Вдруг ему помогла Лори?

Но я заткнул свой маленький голос и сделал все, как надо. Следующие пару дней, пока Лори сходила с ума, перебирая трясущимися руками все эти нежные мaeчки и ползунки, пока Лори умирала от боли

среди всех этих голубых останков, все еще пахнувших младенческой сладостью Джеки, я действовал.

Я не мог допустить, чтобы в дело вмешались врачи или полиция. Потому что вдруг они сумели бы что-то найти? Например, почти невидимые следы пальцев на тонкой молочно-белой шейке?.. Это дало бы весьма точный ответ на вопросы моего маленького внутреннего голоса, а некоторым вопросам, как известно, лучше оставаться без ответа.

Поэтому я нашел в интернете самое дождливое место страны — Кейпел Кьюриг. Нашу новую гавань, где Лори не будет задыхаться в рыданиях, каждый раз выхватывая взглядом чистое летнее небо из окна нашей лондонской кухни. Где котеджи стоят вдалеке друг от друга, и вездесущие носы любопытных соседей не дотянутся до нашей изгороди. Где маленькое синеющее тело, которому еще предстоит двести с лишним миль по маршруту Лондон — Сноудония в мини-холодильнике, надежно запрятанном под чемоданами в багажнике нашей машины, найдет покой в саду за домом под раскидистой яблоней. Подальше от чужих глаз.

И все бы шло хорошо, ведь режим, как говорила моя мать, — лучшее лекарство от душевных ран, но неделю назад с нами случился неожиданный, при-

шедший, кажется, из ниоткуда кризис.

За ужином Лори пожаловалась, что пока я был на работе, она слышала топот. Топот как будто маленьких детских ножек. Я поднял Лори на смех. Я сказал, что в доме, вероятно, завелась мышь. Лори мне сначала не поверила. Дескать, никаких мышей за два месяца в доме не наблюдалось. Я сказал ей, что если она еще раз услышит топот, пусть звонит мне сразу на работу. И на следующий день прямо перед обеденным перерывом раздался звонок.

Я бросился домой — не хватало, чтобы мою, надежно спрятанную от всего, напоминающую о нашем сыне, Лори свел с ума мелкий садовый грызун. Никакой мыши при беглом обходе дома я, разумеется, не нашел.

— Клянусь, Майк, я сидела в гостиной и читала Джеральда Дарелла, когда откуда-то из коридора в районе ванной опять услышала топот. Туп-туп-туп-туп-туп. Как будто маленькие... крошечные...

Лори начала плакать. Я позвонил в банк и отпросился еще на час. Там, слава богу, не возражали. Я оторвал плинтусы в коридоре. Я простучал стены — безрезультатно. Наконец, я заглянул под раковину. Луч фонарика мобильного телефона отразился в маленьком подвижном черном глазе. Это действительно была мышь, да еще, по виду, почти домашняя — маленькая и совсем ручная. Я взял мышь

в ладони и принес ее жене.

Лори тут же успокоилась и даже аккуратно погладила мышь мизинцем по тонкому хребту. Мы дали мыши кусочек сыра — удивительно, но они действительно его едят, и выпустили ее в сад. Гроза миновала.

Еще через пару дней Лори позвонила в ужасе. Она кричала в трубку, а я не мог разобрать, о чем речь.

— Майки! Майк, приезжай! Приезжай сейчас же! — за каждым словом следовал судорожный всхлип.

— Лори, малышка, если я буду каждый день отпрашиваться с работы, меня просто выгонят. Что опять стряслось?

— Топот... Опять топот маленьких ножек!

— Лори, мы с тобой это уже проходили. Это просто твое воображение!

— Но там следы, Майки! Крошечные... человеческие... следы...

Я попросил ее сфотографировать следы. На фото на светлом кафеле ванной комнаты бликовали под светом лампы маленькие лужицы воды. Это могло быть что угодно. Лори могла сама наследить мокрыми ногами, выйдя из душевой кабины. Но в бедной Лориной голове это были крошечные детские следы.

По дороге домой я заехал в аптеку и купил упаковку бенадрила. Не лучшее успокоительное, но, по

крайней мере, его можно купить без рецепта врача. На пороге меня встретила растрёпанная, трясущаяся Лори.

— Майки... Я боюсь... Я так ужасно перепугалась...

Я обнял Лори — ее волосы, как всегда, пахли яблочным шампунем. Яблоки и солнце. Лето и радость.

— Майки... Это же не может быть? Это же не он, правда?

Я объяснил Лори, что мертвые не встают из могил. Что привидений не бывает, разве что в фильмах ужасов. Что Джеки — наш малыш Джеки — где-то очень, очень далеко... И что, даже если бы все это безумие было возможно... Лори, малышка, ему было всего пять месяцев! Подумай сама, он же еще даже не ходил...

Последний аргумент привел Лори в чувство, а пару таблеток бенадрила после ужина заставили ее заснуть глубоким сном без сновидений. Я выдохнул с облегчением.

Следующие несколько дней все было хорошо. Слишком хорошо, как оказалось. Лори совсем успокоилась, и даже как-то оживилась. Она вылезла из своих вечных пижам, расчесала, наконец, волосы и даже, впервые с нашего переезда в Кейпел-Кьюриг,

накрасилась. Кажется, история с несуществующим невозможным топотом маленьких детских ножек повернула что-то в Лори, и она начала медленно возвращаться к жизни.

Еще через пару дней, вернувшись с работы, я не смог, как обычно, припарковаться перед домом, потому что всю дорожку занимал здоровый грузовик. На крыльце я разминулся с двумя парнями в темно-синих комбинезонах.

— Хорошего вечера, сэр! — улыбнувшись, поприветствовал меня один из них.

— И вам того же! — пробормотал я, и поспешил в дом.

Там, в конце длинного коридора за распахнутой настежь дверью ванной комнаты меня ждало то, что я ожидал увидеть меньше всего. Новенькая блестящая снежно-белая ванная.

— Майки! Майк, иди же сюда! Смотри, что я купила! Красивая, правда?

— Лори, но...

— Что «но»? Ты сам сказал, жизнь продолжается. Мы не можем... Мы не можем все время избегать того, что с нами произошло. Ванная — мой первый шаг.

Я мог бы сказать Лори, что покупка чертовой ванный для человека, который только недавно начинал рыдать при виде кусочка нежно-голубой джинсовой ткани — это не шаг. Это межгалактический рывок в пространстве, к которому мы не

готовы. Это глупое и опасное решение, которое не должно было приниматься без моего ведома. Это...

А с другой стороны, я давно не видел, как моя жена улыбается. Да и не вырывать же теперь эту ванную с мясом...

Так что я ничего не сказал. И просто поцеловал Лори в пахнущую яблоками светлую макушку.

Всю следующую неделю Лори как будто подменили. Она вставала раньше меня, варила кофе и готовила блинчики. Каждый день идеально-круглые блинчики с кленовым сиропом. Я уходил на работу, а когда возвращался, Лори рассказывала мне о проглашенном за день романе. Или просмотренном в один присест сериале. Конечно, это было далеко от нормальной жизни, но всяко лучше, чем пустой взгляд в стену.

Только я начал верить, что для нас еще не все потеряно, что режим, как и говорила моя мать, способен творить чудеса, как в прошлый вторник я проснулся не от утреннего кухонного концерта — шипение блинчиков на раскаленной сковородке, звон чашек и бульканье закипающего чайника — а от какого-то нового, непривычного звука.

Динь-динь-дилинь на сентябрьском ветру.

Ди-ли-линь-динь.

Сначала я подумал, что этот тихий мелодичный

звук доносится откуда-то из телевизора или из динамиков телефона. Возможно, Лори оставила включенным какой-то фильм или ролик на ютюббе, а сама ушла готовить завтрак? Но телефон под рукой молчал, а в черноте телевизора виднелось только мое всклокоченное отражение.

Ди-ли-линь-динь-дилинь.

Я подошел к окну. Наша спальня выходила окнами в сад, и я увидел, как колышется на ветру колокольчик, привязанный на ветку яблони. Маленький серебристый колокольчик на небесно-голубой ленте.

— Лори, какого хрена?

Она обернулась — раскрасневшаяся от жара плиты, со следами теста на подбородке — как всегда облизывала венчики миксера.

— В смысле?

Я едва сдержался, чтобы не швырнуть чертов колокольчик ей в лицо.

— Это у тебя такие шутки? Ты считаешь, это нормально?

— Майки, ты о чем?

Лори божилась, что никогда в жизни не видела колокольчика. Что это соседские дети — как будто у нас в округе есть дети! — повязали его на ветки яблони. Или это какой-то валлийский обычай, про который мы пока не знаем — надо в следующий раз спросить у кассирши в супермаркете, она такая болтливая тетка, наверняка с удовольствием нам

объяснит.

Да, Лори. Конечно, Лори. Я кинул колокольчик в мусорное ведро и сел завтракать. После работы я заехал в молл, а вечером, когда Лори заснула, установил по всему дому маленькие портативные камеры.

Я долго ломал голову, и единственным рациональным объяснением появления на ветке проклятой яблони колокольчика было то, что Лори окончательно сошла с ума. Ее внезапно прекрасное расположение духа только подтверждало мою теорию. Ей слышался топот несуществующих детских ножек, ей виделись следы, которые прошлепали по полу нашей ванной комнаты прямиком из Лорино-го воображения, а теперь... теперь она купила ванну и повесила на ветки яблони колокольчик. Лори сошла с ума, а я расставил по всему дому камеры, потому что в мое отсутствие Лори может взбрести в голову все, что угодно. Та же ванна, знаете ли... Почему я ничего ей не сказал? Почему не спросил у Лори напрямую? Не сошла ли ты, Лори, с ума? Небольшое жизненное наблюдение, основанное на личном опыте: сумасшедшим редко нравится слышать, что они сумасшедшие.

Вчера прямо в разгар рабочего дня я заметил на экране моего подключенного к камерам смартфона

движение. На одной из камер — той, что я установил в ванной комнате — в углу виднелось какое-то темное пятно. Пятно пошевелилось. Я решил, что это просто игра тени. Я почти отвел взгляд от экрана, но тут пятно пошевелилось еще раз, и я разглядел в нем силуэт. Пухлые ручки и ножки. Маленькая круглая головка. Детская фигурка в темном углу моей ванной комнаты.

Не отпросившись, не оставив никакой записки... Куда там! Даже не предупредив никого из коллег, я рванул домой. Я несся по шоссе А5, превысив все возможные скоростные ограничения. Я ворвался в дом через двадцать минут. Развалившаяся на диване в гостиной Лори удивленно подняла глаза от книги.

— Майки? Ты чего так рано?

Я промчался мимо Лори в ванную комнату. На пороге сердце в груди замерло, — боже, боже, это невозможно — и я рывком открыл дверь. В ванной комнате никого не было, только ветер колыхал занавеску в приоткрытом окне.

Динь-дилинь—дили-линь.

Прямо за занавеской на самой нижней ветке раскидистой яблони мелодично звенел колокольчик. На небесно-голубой ленте.

— Лори! Лори! Ты открывала окно в ванной?

— Да... А, может, нет. Не помню!

— Вспоминай, Лори! — заорал я. — Головой своей думай! Ты оставила окно открытым? Говори! Говори же!!

— Майки... — голос Лори задрожал. Она поднялась с дивана, подошла ко мне и взяла меня за руку... — Майк... в чем дело?

О, я показал ей, в чем дело. Я повел ее за руку в ванную и ткнул носом в висящий на ветвях яблони колокольчик.

— Ну, что ты так бесишься, боже мой. Я говорю тебе, какая-нибудь местная традиция. Что ты дергаешься?

— Лори, я видел... Я видел что-то... здесь... полчаса назад!

Пришлось рассказать жене о моей маленькой системе слежения. Лори удивилась, но внезапно весьма рационально предложила посмотреть записи с камер. Не попадая курсором по папке — от волнения потрясывало руки — я, наконец, открыл нужное видео. В углу ванной комнаты никого не было. Я перепроверил логи — все было на месте.

Лори заварила мне чай. Выбросила колокольчик в мусорное ведро. Уложила меня в постель. Лори сказала, что я просто переработал и мне надо отдохнуть. Что иногда уставший изможденный мозг играет с нами злые шутки — ведь неделю назад и она слышала странный топот. Но ничего не было,

Майки. Ничего нет. Ничего нет, кроме твоего воображения. Спи...

Я проснулся посреди ночи. На соседней подушке тихо сопела Лори.

Динь-дилинь—дилилинь-динь.

Я подумал, что это — сон. Продолжение сна. Это был единственный способ объяснить уже дважды выкинутый в мусорное ведро колькольчик. На небесно-голубой ленточке. Мы же взрослые все люди. Колокольчики сами не возвращаются из помойки. И не вешают себя на ветки яблони... Той самой яблони, под которой...

Ди-ли-линь-динь.

Я встал с кровати. Подошел к окну — вот он. Только не как в первый раз — у самого окна. А как вчера, на нижних ветках, упирающихся в окно ванной комнаты на первом этаже.

Динь-ли-динь.

Я спустился на первый этаж. Зачем? Я и сам не знаю. Это просто сон. Во сне мы делаем много необъяснимой ерунды... В ванной горит свет. Ну, хорошо, значит, ничего не выпрыгнет на меня из темноты. Как он вообще может выпрыгнуть... Четыре месяца... Он же даже еще не ходил... Но как-то же он бегал... Лори его слышала... Лори не сошла с

ума... Или мы оба?.. Оба сошли с ума. Взяли и сошли... Не думай об этом, Майки... Просто не думай. Я подошел поближе к приоткрытой двери. Из-за нее доносились тихое шипение.

Ссссс-сссс-сссс...

Дили-линь-линь...

Может, он и научился ходить, но не превратился же он в змею... А вдруг превратился? Что с нами случается после того, как мы уми... Не думай, Майки, не думай. Просто открой дверь...

Сс-ссс-ссс...

Открой дверь! Открой дверь!

Рывком я открыл дверь, запрыгнул в ванную комнату... Огляделся по сторонам... Безумные глаза... Бешеный оскал... Краем глаза я ухватил свое отражение в зеркале и ужаснулся. Но в углу, в страшном углу, никого не было.

Сс-ссс-ссс...

Тихое шипение продолжилось. Оно шло откуда-то снизу. Я заглянул за бортик ванной. Там, в доходящей до середины стенок воде, шипела и бурлила, окрашивая воду в чудовищный небесно-голубой, косметическая бомбочка для ванны...

Я не помню, как добрался до спальни. Не помню, как заснул. Я встал по будильнику — Лори на кухне

уже делала мне блинчики. Первым делом я ринулся в ванную комнату. Пустая ванна. Белоснежная эмаль. Никаких следов голубого.

— Лори, ты мыла ванну? — спросил я, поливая кленовым сиропом блинчик. Мне стоило больших усилий скрыть дрожь в голосе.

— О, Майки, извини. Уже, наверное, видна грязь за неделю? Я что-то совсем обленилась с этими сериалами, но обещаю, сегодня я до нее доберусь! Ну, или, в крайнем случае, завтра! — прокрикала Лори, насыпая кофе в френч-пресс.

Бомбочки для ванны у нее, конечно, тоже не оказалось. Лори их терпеть не может. Когда садишься в ванную, частички неприятно пузырятся на коже. Фу, один раз попробовала и с тех пор — никогда.

По пути на работу мой мозг работал на максимальных мощностях. Этого не может быть. Просто не может быть. Возможно, это клиническая депрессия. Или, не дай бог, нарушения посеребренее. В конце концов, с моей генетикой все возможно... Просто организм производит какие-то не те вещества. И я вижу то, чего нет. То, что не регистрируется никакими камерами наблюдения. То, что не поддается никакой человеческой логике.

Как вы себе это представляете? Мертвый младенец заявил в Лаш и попросил завернуть ему бомбочку для ванны? «Нет-нет, вон ту, пожалуйста, не-

бесно-голубую. Это, знаете ли, мой любимый цвет!» Нет, невозможно. Мертвый ребенок... Как иногда повторяются судьбы. Яблочко от яблони недалеко плынет. Падает, Майки, падает! Ну, не в нашем случае... В нашем яблочки тонут... Мальчики тонут... Тонут...

Я чуть не съехал с трассы в канаву. Вовремя крутанул руль. Остановился на обочине. Продышался. Так... с завтрашнего дня берем неоплачиваемый отпуск. Записываемся на МРТ. Ждем результатов. Дальше корректируем медикаментозно, как пропишут. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Я приехал на работу с двадцатиминутным опозданием и получил нагоняй от начальника отдела. Вчера я исчез без предупреждения за два часа до окончания рабочего дня. Сегодня заявил с опозданием. Так и до увольнения недалеко! Я пробормотал дежурные извинения и засел за работу. Я обложил себя документами и отчетами на месяц вперед. Рядом с собой поместил телефон с открытыми экранами видеонаблюдения. Раз в пять минут я косил глазом на экран, но там, к моему облегчению, ничего не происходило. Я продирался сквозь бумаги, и даже в какой-то момент так увлекся работой, что липкий ужас, скрутивший мои кишки этой ночью и так до конца не отпустивший, начал исчезать.

Вдруг краем глаза я увидел рябь помех на одном из видео. Я схватил телефон. Барахлила связь из ванной комнаты. Я открыл видео в отдельном окне. Не помогло — те же помехи. Я потряс телефон — белый шум. Ничего, Майки. Просто совпадение. Одна из камер барахлит. Может, просто отошел кабель. Вдруг изображение вернулось. Я почувствовал, как у меня сводит судорогой пальцы.

В наполненной до краев ванной неподвижно лежала Лори... Ее тело покрывала бурлящая вода небесно-голубого цвета. Ее глаза были широко открыты. Лори не шевелилась. Зато шевелилось что-то в углу. Что-то в темном углу комнаты. Вот контур круглой головки. Вот крошечная ножка. А вот, внезапно развернувшись вполоборота, оно машет мне прямо в камеру пухлой младенческой ручкой...

В этот раз мне удалось добраться до дома за пятнадцать минут. Возможно, за такое превышение мне выпишут галактический штраф или вовсе лишат водительских прав. Но это не важно. Ничего уже не важно. Сердце оглушительно стучит в ушах. Привычный ежедневный ритуал. Папа дома. Я открываю входную дверь. Медленно иду по коридору. На старом паркете крошечные мокрые следы. Я думаю о том, что еще неделю назад я был уверен,

что это мышь. Ха-ха! Мышь! Я смеюсь вслух. Смех звучит громко и неуместно, как будто это вовсе и не я издаю эти звуки. Я открываю дверь в ванную. Я знаю, детской фигурки там уже не будет. Он никогда меня не дожидается. Только колокольчик звенит на ветру.

Динь-дилилинь-динь.

А вот Лори... Лори останется тут со мной. Недавно-ставшая-опять-живой-и-веселой-Лори... Такая-любимая-что-я-отменил-небесно-голубой-цвет-Лори. Такая-мертвая-что-мертвее-некуда-Лори.

Я подхожу к ванне... Заглядываю за бортик... Но Лори там нет. Ванна пуста. Только небесно-голубая вода. И осевшие на дне частички парфюмированной бомбочки, которые, как говорит Лори, ужасно неприятно шипят на коже. Я наклоняюсь посмотреть поближе, и водная гладь вдруг летит на меня с безумной, страшной скоростью. На секунду мир становится небесно-голубым и тут же исчезает в темноте.

Моя мать никогда мне ничего не говорила. У меня ее просто не было. Она погибла через год после моего рождения, а отец — ну, его в принципе в нашей жизни не существовало. Меня воспитывала

бабушка. К тому времени, как я закончила университет и на вечеринке у общих друзей познакомилась с Майки, она уже умерла, и я была совсем одна.

Мы сразу друг другу понравились. Он был беззаботный, действительно без забот и с легкостью делал все, за что ни брался. Ходил на работу в банк, кормил меня жареными кальмарами на набережной в Кингстоне, выносил мусор. С ним было весело. У нас было много общего. Мы любили одну и ту же музыку, читали одни и те же книги и, самое главное — у нас было похожее детство. Или так мне поначалу казалось.

Майки вырос в системе. Его родители погибли, когда ему было семь. Дальше — череда государственных приемных семей, университет, отличные оценки и жизнь, вошедшая, наконец, в колею. О родителях Майки особо не говорил. Я никогда не спрашивала себя, почему — мне это казалось нормальным. Уже потом, когда мне вдруг позвонила встревоженная Джули, у меня в голове начал складываться пазлл.

Перемотаем-ка немного назад, в февраль этого года, когда у нас родился Джеки. Майки считал, что у меня классическая послеродовая депрессия. Изучив несколько книжек и десяток форумов на этот счет, я с ним согласна. Она появилась не потому, что я не хотела или не любила нашего новоро-

жденного сына. Нет. Напротив — с его рождением на меня навалился необъятный всепоглощающий страх — такой, какого я никогда не испытывала. Страх, что я никогда не стану ему хорошей матерью потому, что у меня у самой никогда не было родителей. Страх, что я его подведу. Страх, что я как-то испорчу воспитание самого драгоценного человека в моей жизни. Джеки много плакал, и от его плача моя тревожность становилась невыносимой. Я установила маленькие камеры по всей квартире, не сказав об этом Майку. Я думала, он решит, что я ненормальная. Каждый раз, когда я отходила от Джеки в другую комнату — просто перевести на секунду дыхание, — я брала с собой телефон. В тот страшный день я забыла его на кромке ванной. У меня в голове не зазвенел звоночек, мышечная память не подсказала, что в руках чего-то не хватает. Я была спокойна — ребенок бултыхался в совершенно непотопляемом плавательном круге для ванной. Я действительно параноидальная мамашка. Прежде, чем купить круг, я пересмотрела десятки роликов на ютюбе и прошерстила все сайты с отзывами. До того, как в первый раз засунуть в него Джеки, я попробовала притопить круг в ванной. Он всплывал, как буек. Когда... когда все произошло, я не могла понять — как. Как это возможно?!

Первые дни я была благодарна Майки за то, что

он встал у руля. Я не могла думать, не могла дышать, не могла существовать, так мне было больно. Но все проходит, даже боль. Когда мы в спешке покидали нашу лондонскую квартиру, я совсем забыла о камерах. Вспомнила я о них только после звонка Джули.

Я никогда о ней не слышала. Майки никогда не упоминал ее имени, а оказалось, он провел в приемной семье Джули пять лет до поступления в университет. Она через кого-то нашла мой номер и позвонила потому, что была испугана. Майки, который никогда ей не звонил, который не кинул ни весточки с момента своего переезда в университетский кампус, вдруг заявил на пороге дома Джули и завел разговор, сильно встревоживший пожилую даму.

Майки, нервно закуривая сигарету за сигаретой — дома он никогда не курил, я даже не знала, что он курит в принципе — выспрашивал у Джули, через которую прошло множество приемных детей, как сделать так, чтобы ребенок перестал плакать. Джули попыталась успокоить Майки — испытание младенческими коликами не миновало почти ни одних родителей, это просто нужно было перетерпеть.

Майки не хотел ничего слушать. Он все бормотал, что с мальчиками, которые плачут, всегда случаются плохие вещи, — так говорила его мать. Джули

даже хотела вызвать ему скорую — он выглядел как человек на грани нервного срыва, которому срочно необходимо успокоительное. Но Майки ушел так же стремительно, как и пришел.

Майки не отвечал на ее звонки, а на то, чтобы найти мой номер через череду дальних знакомых у Джули ушло три недели. Она позвонила, когда было уже слишком поздно. Впрочем, я ее не виню — она сделала, что могла.

Когда Джули взяла мальчишку в свою приемную семью, она прочла его дело, и ужаснулась. Когда Джули рассказала мне о родителях Майки, ужаснулась я. Там было почти клише из фильма ужасов. Запуганная мать, вымешавшая злобу на маленьком сыне. Агрессивный, психически нестабильный алкоголик-отец, каждый вечер уговаривавший бутылку водки и крушивший все вокруг себя. Такие истории редко хорошо заканчиваются.

Майки плакал, когда его била мать. Плакал, когда мать бил отец. Сын его плач, отец зверел и начинал избивать и Майка тоже. Мать муштровала Майки, пытаясь научить сдерживать слезы. С маленькими мальчиками, которые плачут, случаются страшные вещи. Она приучала Майки к строгому режиму — к девяти, когда отец возвращался домой, он уже должен был спать. Чтобы не отсвечивать.

Не плакать. Не провоцировать.

В ту ночь Майки не заснул в девять. Ему ужасно захотелось последний кусочек вчерашнего пирога, который стоял в холодильнике. Он прокрался по лестнице вниз. По пути на кухню, он заглянул в родительскую спальню. Там на полу лежала его мать. Ее глаза были широко открыты, а на шее распльвались следы кровоподтеков. Изо рта вывалился ставший чернильным язык. Развалившись на кровати, отец смотрел какое-то комедийное шоу и оглушительно хохотал. В его руке была почти пустая бутылка водки.

Маленький Майки всхлипнул раз, два, а потом разревелся во весь голос. Отец медленно поднялся с кровати.

«Жизнь, Майки, чудовищно несправедлива. Поэтому втяни обратно свои сопли и вертись, вертись, как можешь!»

Разве он его не предупреждал, что ненавидит, когда мальчишки плачут?

Спасли Майки совершенно случайно. Мальчик так и не научился молчать, и пока отец тащил его в ванную, орал, как резаный. Он почти утонул, когда в дом, наконец, ворвались вызванные перепуганными соседями полицейские. Потом были приемные семьи, последней из которых стала семья Джули, назначенные государством психологи, и, вроде

бы, прошлое осталось в прошлом.

Милейшая Джули встревоженным голосом по рекомендовала мне все-таки поговорить с мужем. Мало ли, старые травмы иногда выстреливают. У меня не хватило сил сказать ей, что травмы уже выстрелили. Я вежливо поблагодарила Джули, и повесила трубку.

Мои худшие опасения оправдались. На записях с видеокамер, которые после этого разговора я, наконец, решилась посмотреть, видно все, что произошло в тот день. Майки заходит в квартиру, проходит в ванную комнату, и через минуту выходит обратно. Он покидает квартиру, а затем заходит обратно всего через пять минут. Как будто в первый раз за день.

На протяжении двух месяцев в Кейпел-Кьюриге я каждый день смотрела в глаза Майки, пытаясь понять. Хладнокровное убийство или временное безумие? Точного ответа у меня нет, но, честно говоря, я склоняюсь в сторону второго. Во всяком случае, мне хочется в это верить. Все это, правда, ничего не значит. Я все равно сделала бы то, что сделала. Любая мать готова убить за своего ребенка. Даже та, у которой был всего четырехмесячный стаж материнства.

Это было просто. Пока Майки убирал из моей жизни все вещи голубого цвета — как будто если

вырезать дурацкий цвет можно стереть память о моем мальчике! — и исправно ходил на работу, я не теряла времени даром.

Я вырыла яму. Я рыла ее почти месяц — понемногу каждый день, поэтому яма вышла действительно глубокая. Я присыпала ее землей, но это были излишние меры предосторожности — Майки ее все равно не заметил.

Еще я заказала с «Амазона» штангу, весы и гантели, и тренировалась в нашем саду. Дотащить тело до ямы будет нелегко, но я точно знаю, что справлюсь. Штанга пригодилась и для главного дела — тупая травма затылочной части головы часто летальна. Последующее за ней утопление в ванной с неприятно шипящей на коже бомбочкой из Лаша дает стопроцентную гарантию.

Должна признаться, точного плана у меня поначалу не было. В одну из моих редких вылазок за продуктами, я купила три колокольчика. Конечно, меня привлек цвет ленточек. Я купила их просто назло установленному Майком бойкоту голубого. Но колокольчики заставили меня задуматься, и в голове начали формироваться идея.

Сначала мне никак не удавалось выстроить историю, с колокольчиков начинать было как-то не логично, поэтому в следующую вылазку в город я купила Говарда — ручную серую мышь. Говард был

чистым вдохновением, пришедшем ко мне с витрины зоомагазина, мимо которой я проходила.

Поначалу я думала, что вся идиотская мистификация займет гораздо больше времени, но потом Майки сделал мне прекрасный подарок. Правиль-но говорят, муж и жена — одна сатана. Во всяком случае, думаем мы с ним часто в одном направлении. Когда Майки — как когда-то, с рождением Джеки я, — вдруг купил камеры и утыкал ими весь дом, я не могла поверить своему везению. До ухода в декрет я зарабатывала деньги видео-монтажом и спецэффектами. Ничего особо звездного, но не плохие деньги микро-бюджетные фильмы ужасов мне приносили стабильно.

Соглашусь, особой изобретательностью я не отличаюсь, но работа наложила на меня определенный отпечаток, и что-что, а сюжет третьеразрядного ужастика я могу воспроизвести с закрытыми глазами. А уж сколько таких привидений на дрожащих фидах с камер наблюдения я наклепала за годы работы — не перечесть. Единственной сложностью было взломать трансляцию на телефоне мужа, но пара часов за интернет-мануалами — и дело сделано.

Не боялась ли я, что Майки что-то заметит? По-жалуй, нет. Одержанность, вылезшая на свет Божий из темных детских закоулков его подсознания,

Иллюстрация Юлии Романовой

и убившая нашего сына, так и не отступила. Утопив Джеки, она принялась за Майка. Маниакальное соблудение режима и необъяснимый остракизм голубого цвета отнимали все его время и внимание. Бедный Майки не видел дальше собственного носа.

Я не знаю, что меня ждет дальше. Надеюсь, что следующие жильцы этого дома никогда не станут перекапывать сад настолько глубоко, чтобы найти под раскидистой яблоней два скелета — четырехмесячного малыша и тридцатидвухлетнего мужчины. А если их когда-нибудь и найдут, надеюсь, я уже буду далеко, а в моем паспорте будет значиться совсем другое имя.

Есть такая старая поговорка — тот, кому суждено быть повешенным, не утонет. Некоторым же, как показывает жизненный опыт, просто суждено утонуть.

Юлия Саймоназари

ПИТОМЦЫ

«Где я?!» — Вера Беляева вскочила с постели, сбросив с себя клейкие щупальца сна. Ужас колол сердце, заставляя его биться быстрее.

Три стеклянные стены, за ними полумрак. Четвертая — из стальных листов, сшитых между собой толстыми сварочными швами. В одном углу кушетка, рядом — маленькая столешница и табурет, прикрученный к полу; в другом — металлический унитаз, отделенный перегородками. Больше в узкой камере ничего не было, даже двери.

— Эй! Кто-нибудь?! — Вера постучала ладонью по стеклу.

За большой прозрачной стеной, через широкий проход, размещалась точно такая же комната из стекла и стали с аскетичным интерьером и холодным светом. На кушетке под одеялом прорисовывались странные очертания — что-то объемное и громоздкое, примерно посередине оно резко обрывалось и становилось плоским и тощим.

Света из камер едва хватало, чтобы рассмотреть неосвещенное пространство за пределами стеклянных стен. Справа виднелась массивная железная дверь и ряды стеллажей от пола до потолка, заставленные банками. Слева — прозрачная завеса из ПВХ, за ней проглядывались аппараты с мониторами, несколько шкафов, этажерка на колесах, холодильник, каталка, а над ней — большая операционная лампа, похожая на семенную коробочку цветка лотоса.

В углах камеры, с внешней стороны, Беляева заметила черные глазки объективов, они охватывали все пространство, не оставляя «слепых зон».

— Меня кто-нибудь слышит?! Выпустите! — она махала руками. — Эй! Там есть кто-нибудь?! Помогите!

Гнев, точно муравьиная кислота, постепенно выжигал страх Веры, оставляя лишь тупую, неукротимую агрессию.

— Выпустите! Вы не имеете права! Слышите?! Не имеете права! —

Беляева металась и колотила руками и ногами по толстым прозрачным стенам, но звуконепроницаемая камера поглощала всю ярость девушки. — Выпустите! Сволочи! Выпустите!!!

Выбившись из сил, Вера забралась на койку, свернулась калачиком, обхватила руками колени и заплакала, тихо бормоча: «Этого не может быть. Это не по-настоящему!»

Когда она немного успокоилась, и хаотичные мысли-мотыльки перестали биться друг об друга, из подсознания, словно черт из табакерки, выпрыгнуло воспоминание.

— Нет! — Вера вскочила.

Накануне вечером она блуждала в дождливых сумерках между однотипных высоток в поисках пункта выдачи посылок. Сзади кто-то налетел и зажал лицо влажной салфеткой. Резкий запах ударили в нос. Вера брыкалась и мычала, а через несколько секунд провалилась в тяжелый, липкий сон.

«Меня похитили?!»

Боковым зрением Вера уловила движение за стеклом и бросилась к прозрачной стене.

Между камер шел мужчина в белом халате, медицинской маске и шапочке. Он вез тележку с лекарствами, шприцами и латексными перчатками. Его сосредоточенные графитовые глаза смотрели прямо перед собой, не обращая внимания на де-

вушку.

— Стой! Выпусти! — Вера следовала за ним вдоль камеры и стучала по стеклу. — Умоляю, выпусти!

Незнакомец прошел мимо и скрылся за шторой медбокса.

— Открой! Ублюдок! Ты не имеешь права! — распалалась Вера, не сводя глаз с размытой фигуры за прозрачной завесой. — Я все равно выберусь! Слышишь?! Выберусь и убью тебя!

Мужчина оставил тележку между двух шкафов, распределил лекарства по полкам, разложил шприцы и перчатки по ящикам. Затем открыл холодильник, достал что-то, сунул в нагрудный карман и пошел к двери между стеллажей.

Вера прильнула к стеклу.

— Умоляю! Я сделаю все, что хочешь! Пожалуйста! Я никому не скажу! — она пыталась заглянуть ему в глаза. Но он смотрел только вперед, и не замечал ее.

Вера кинулась в дальний угол камеры, чтобы оказаться на несколько шагов впереди и поймать его взгляд.

— Посмотри! Посмотри на меня! Ты меня видишь, я знаю! Смотри сюда! — она махала руками и прыгала между изножьем койки и стеной.

Мужчина остановился, повернулся к камере и приблизился вплотную. Вера могла бы почувствовать его дыхание, если бы не стекло.

— Отпусти! Никто не узнает! Обещаю! Я сделаю все, что... — она невольно вздрогнула, глядываясь в неживые, будто затянутые туманом, глаза. По ее щекам потекли слезы, — захочешь... По-жа-луй-ста, — беззвучно проговорила она.

В ответ незнакомец покачал головой и пошел к выходу.

— Нет! Подожди! Не уходи! — она била кулаками в стену, сдирая с костяшек кожу и оставляя на стекле кровавые мазки. — Выпусти! Сволочь! Выпусти!

Тяжелая дверь за мужчиной закрылась. Верхний свет погас, и темнота, отпугиваемая лампочками в камерах, подобно ленивому черному коту, развалилась в дальних уголках медбокса и на полках стеллажей за банками.

Вера сползла на пол, уперлась лбом в стекло и закрыла глаза.

Спустя некоторое время за спиной раздался металлический щелчок. Беляева обернулась. В стальной стене открылось неприметное окошко, расположеннное вровень над столешницей, на которую поставили бумажную посуду: тарелку с отварной говядиной и овощами и стакан с чаем. Вера выбралась из угла, подбежала к столику, смахнула еду на пол и заглянула в окошко. В глубине виднелся белый халат.

— Выпусти! Прошу! Я заплачу! Я найду других

девушек! — Вера хотела просунуть руку и схватить незнакомца за карман. Но створка, как гильотина, упала с громким хлопком, и чуть не прищемила длинные девичьи пальцы.

— Выпусти! Ублюдок! — Беляева лупила ладонью по закрытому окну. Руку охватило болезненное жжение. Тогда она повернулась и несколько раз ударила пяткой.

В соседней камере под одеялом что-то завозилось, и с кровати медленно поднялась безобразная фигура. Вера смотрела на странное человекоподобное существо, и ужас с примесью отвращения охватывал ее.

Голые ноги, похожие на громадные бесформенные столбы, шлепали раздутыми ступнями к столику с едой. С икр и бедер мясистыми волнами свисала отекшая кожа. Дистрофичное туловище пряталось под пижамой. На костяевых руках, точно набухшие почки на ветках, выпирали суставы. Голову с редкими пучками рыжих волос покрывали корки болячек. На обескровленном лице — темные круги под выпученными глазами, впалые щеки и заостренные скулы. Изможденная женщина с отрешенным взглядом, что-то бормотала и кривила рот, будто сильная боль вгрызлась в ее тело.

«Господи! Что он с ней сделал?!» — Вера вздрогнула, боясь представить, каким изуверствам подвергнется она.

Женщина со слоновыми ногами и руками-прутками, сглатывая слону и облизывая губы в язвах, подошла к столу, склонилась над тарелкой, загребла грязными пальцами густую темно-зеленую кашу и с жадностью затолкала в беззубый рот.

Руки, зачерпнувшие горсть отвратного пюре, зависли в воздухе. Жующие челюсти замерли. Она бросила комок обратно в тарелку и стала шарить пальцами во рту. По губам растеклась кровь, красные капли упали в еду. Женщина вынула черный зуб, положила его на стол и продолжила запихивать мерзкую массу в окровавленный рот.

Покончив с едой, она вылизала пальцы и ладони, медленно развернулась на ногах-подушках и направилась к кушетке.

Вера помахала соседке рукой. Женщина остановилась и вперилась страшными глазами в девушку. Руки ее задвигались... Поначалу Вера приняла эти невыразительные жесты за нервный тик, но быстро сообразила, что пальцы женщины — разговаривают... В старших классах школы, когда отец Веры потерял слух из-за хронической ушной инфекции, Вера выучила язык глухонемых. Ей не приходилось им пользоваться с тех пор, как похоронила родителя. Многое забылось, но не все. И вот теперь...

«Мая. Еда. Дай. Хотим кушать. Просим кушать», — прочитала Вера в обрывочных жестах соседки.

«Я Мая. Я Мая. Я Мая».

— Ты Мая. Я Вера. Где мы? Что это за место?! — Беляева с трудом вспоминала подзабытый язык немых.

— Нельзя обижать питомцев, — отвечала Мая.

— Ты знаешь, где мы? Ты давно здесь?

— Я Мая. Я Мая. Я Мая...

— Что он с тобой сделал?

— Я Мая. Я Мая. Я Мая... — И больше ничего. — Я Мая. Я Мая. Я Мая...

— Тупая овца, — выругалась Вера и рухнула на кушетку.

По ощущениям Веры, она провела в заточении не меньше недели, а мотивы и поступки похитителя по-прежнему были неясны. Он не пытался ее изнасиловать, не истязал пытками, не избивал, не унижал — он вообще не заходил в камеры пленниц и не разговаривал с ними. Каждый раз, когда незнакомец в медицинской маске входил в массивную дверь между стеллажами, Беляева бросалась к прозрачной стене и требовала отпустить ее. Но истерики пленницы, похожие на трепыхание бабочки за стеклом, не трогали мужчину, и он, не обращая внимания на женские слезы и крики, проходил мимо.

Иногда Вере удавалось перекинуться с Маей

несколькими жестами, но чаще она часами следила за беспокойными руками соседки, и пыталась уловить смысл в бессвязном потоке слов. Мая все время общалась с какими-то питомцами и обещала больше не обижать их. «Надеюсь, у меня не появятся вымышленные друзья,» — Вера с грустью смотрела на обезображенную женщину с искаженной психикой. После долгих и безуспешных попыток она окончательно оставила надежду разобраться в больных мыслях глухонемой, спутанных, как клубки цветных ниток.

С перерывами на сон, еду и туалет Вера ползала по камере: изучала стыки, простиживала металлическую стену, рассматривала швы в углах — искала дверь. «Бесполезно...» — едкая горечь отчаяния душила в ней дух сопротивления, и депрессия, словно ядовитый плющ, оплетала сознание и пускала корни.

Беляева слабела, ее мучали головные боли, и постоянно клонило в сон. Скоро она перестала вставать с постели и отказывалась от еды. Вера лежала с закрытыми глазами и вспоминала...

В шесть лет гуляла с родителями по пляжу и собирала камушки...

В пасмурный день, на уроке сольфеджио, смотрела в окно на желтые деревья, и необъяснимая тоска разливалась в груди. Странное, незнакомое

Иллюстрация Анастасии Баталиной (Птак)

и сладкое чувство...

На десятый день рождения прыгала от счастья и обнимала черного котенка по имени Рыжий...

В старших классах впервые поцеловалась с мальчиком, который ей совсем не нравился...

Сидела майским утром на набережной и читала «Винни-пух и все-все-все», прогуливая первые пары...

Ходила с одногруппниками на концерты, а после напивалась до беспамятства...

И вспоминая далекие и близкие отрывки жизни, Беляева удивлялась, как много в закоулках памяти хранится коротких, ничего не значащих моментов с особой аурой и необыкновенным вкусом, и думать о них приятней, чем о значимых событиях, повлиявших на жизнь.

Из темноты проявилось воспоминание пятнадцатилетней давности. Квартиру Беляевых затопило канализационными нечистотами. Коричневая вода испортила мебель и паркет. Вонь испражнений впиталась в вещи. Грязь осела на плинтусах и обоях. Мать в слезах. Отец в ярости. Никогда Вера не видела родителей в таком отчаянии и гневе — ни до, ни после. Семье пришлось влезть в долги, чтобы сделать ремонт, и на время переехать к бабушке...

«Переехать...» — укололо слово, и нарисовало план действий. Беляева стянула с себя вверх пижамы. Долго возилась с рукавами, а когда оторвала их,

заязала на каждом куске ткани по два-три узла. Затем оделась в остатки пижамы и встала с постели. Ноги задрожали от слабости. Вера плюхнулась на койку, немного отдохнула и снова поднялась. Она медленно пошаркала к туалету, прихватив со стола тарелку с протухшой едой и пустой стаканчик.

Она смыла в унитаз первый рукав пижамы, следом отправила бумажную посуду, подождала немного и спустила второй комок ткани.

Прошло несколько часов, прежде чем грязная вода поднялась и перелилась через край унитаза, разнося по камере смрад нечистот. От едкого запаха канализации першило в горле. Вера хрюпела, кашляла и ждала, когда похититель увидит в мониторах потоп и прибежит устраниТЬ засор, тогда уж она не упустит шанс и сделает все, чтобы выйти отсюда. Даже убьет, если потребуется.

Поток воды то замирал, то оживал; то тихо журчал, как декоративный фонтан, то громко бурлил, принося грязь и вонь из труб.

Камеру уже затопило по щиколотку, когда дверь между стеллажами открылась, и на пороге показался он. Незнакомец в маске, как обычно, проследовал между стеклянных стен к прозрачной шторе медицинского бокса, и даже мельком не взглянул на Беляеву. Он, казалось, ничего не замечал вокруг.

В этот раз Вера не просила о помощи. Больше она

не будет унижаться и выпрашивать свободу — она вырвет ее зубами.

Мужчина вышел из медбокса.

«Он все равно откроет чертову камеру, ему придется. Нужно быть готовой,» — приободряла себя Беляева.

Время шло, вода прибывала, а похититель так и не открыл дверь в камеру, но, как всегда, поставил свежую порцию еды и чая на стол.

Вера сидела на кровати, поджав ноги, и тяжело, с присвистом дышала.

— Сейчас... Сейчас он придет. Нужно еще немногого потерпеть... — шептала она, прикрыв глаза.

Вонь ядовитых испарений усиливалась. Воздуха не хватало. Сознание путалось, голова раскалывалась от боли. Сон, как назойливая муха, летал вокруг, жужжал, пытался присесть на Веру. Она упрямо отмахивалась от него, но в конце концов истощенный организм сдался. Последнее, что она увидела, были закрытые решетки вентиляции под потолком.

«Сволочь...» Это была последняя мысль, которая проскользнула в сознании Веры.

После тяжелого сна голова болела, язык прилип к нёбу, губы высохли и потрескались. Тело скрежета-

ло, словно криво склеенные осколки стекла. В животе свербела боль, спутанная с тошнотой.

Вонь нечистот в камере сменилась разъедающими парами хлора. Пол был снова сухой и чистый, а на Веру — новая пижама.

Пригнувшись и пошатываясь, Беляева поспешила к унитазу. Ее рвало. Горло саднило.

Она вернулась к столику, взяла стаканчик, сделала несколько глотков и скривилась от боли — точно не воду выпила, а съела горсть гвоздей.

Рухнув на кушетку, Вера заснула.

Без часов и календарей время для Беляевой превратилось в унылую вечность, она даже приблизительно не могла прикинуть, сколько недель или месяцев провела в стеклянной комнате под светом дневных ламп. Иногда ей казалось, что она уже давно умерла и попала в ад, и душа ее томится взаперти, изнывая от скуки.

Безделье сводило с ума, разжижало мозги. Из внешнего мира в камеры ничего не попадало, кроме еды и воды. Мучитель ни разу не принес ни книг, ни журналов, ни блокнота с карандашом, хотя Беляева постоянно просила — кричала ему в оконце, когда створка в стене поднималась, и там, в глубине, мелькали халат и руки, приносящие еду.

Иногда Вера наблюдала за Маей и завидовала. Соседка жила в вымышленном мире с питомцами, не осознавая ужаса, происходящего с ней. «Счастливая...» — вздыхала Беляева.

Обычно Вера развлекала себя песнями, разговорами или сочинительством. Еще любила вспоминать все плохое, хорошее и незначительное, вновь и вновь переживая эмоции, законсервированные в образах прожитых лет. И постоянно думала о том, что будет делать, когда выйдет отсюда.

Уже долгое время Мая не ела и не спала — она каталась по полу, билась головой о стены, кричала и плакала. Беляева старалась не смотреть на страдания несчастной и радовалась, что их разделяют звуконепроницаемые стекла, и она не слышит нарывных воплей глухонемой.

«Отмучилась,» — подумала Вера, когда на изможденном лице Маи, наконец, застыло умиротворение.

Между камерами зажегся общий свет. Похититель — в неизменном медицинском халате, шапочке и маске — прошел от стеллажей к медбоксу, отдернул полиэтиленовую штору, взял из ящика пару латексных перчаток, затем снял блокировку с колес каталки и привез ее в камеру покойницы.

Оказывается, выход из ада — отметила для себя

Вера — таился за толстой дверью, замаскированной под стальную стену, к которой крепилась столешница с окошком для еды.

Мужчина подошел к мертвой, пощупал ее запястье и шею. Потом взял Маю на руки и вынес из камеры.

Дверь между стеллажей снова открылась. Сначала появилась каталка с трупом, за ней он.

Незнакомец припарковал тележку с мертвой женщиной под операционной лампой и зафиксировал колеса. Затем стал готовить хирургические инструменты и банки с растворами.

Беляева внимательно следила за похитителем, но это его не смущало. Наборот: он будто специально работал так, чтобы не закрывать ей обзор. То, что она увидела, навсегда лишило ее покоя. Вера захотела сойти с ума, чтобы никогда больше не осознавать происходящего.

Похититель откачал жидкость из слоновых ног Маи. Кожа повисла, как сдутая резина. Мужчина взял скальпель, сделал разрезы и долго копошился в мертвой женской плоти. Он пинцетом вытащил из Маи окровавленного червя, с довольным видом осмотрел крохотное, извивающееся тело и аккуратно опустил червя в банку с раствором. Затем достал из ноги еще одного паразита, в два раза длиннее первого, а за ним еще одного, и еще...

— Бругиоз, — захрипел динамик в углу камеры под потолком. Вера шарахнулась и посмотрела сначала на источник звука, а потом на мучителя. Он издевательски подмигнул. За все время он ни сказал ей ни слова, и вот вдруг заговорил. — Круглый червь, поражающий лимфатическую систему. Из-за него развивается слоновья болезнь, — объяснял мерзавец, продолжая вытаскивать из лимфатических сосудов паразитов. — Самцы достигают в длину два с половиной сантиметра, самки до шести. А толщиной не больше двух миллиметров. Представляешь?

В голосе незнакомца звучали не преподавательские нотки всезнающего лектора, а любовь владельца собаки или кошки, помешанного на своем зверке. Нежность в его голосе разливалась тягучим медом.

— ...Передаются через укус комара. Преимущественно в Юго-Восточной Азии. Инкубационный период — около двух—трех месяцев. Первые проявления заражения выглядят, как аллергическая реакция. Дальше — больше. Если паразита не уничтожить, в течение нескольких лет лимфатическая система разрушается, жидкость перестает свободно циркулировать по сосудам, пораженные конечности отекают и превращаются вот в это... — кивнул он на мертвое тело. — А Мая прожила здесь шестнадцать лет, выращивая в себе моих домашних пи-

томцев.

Вытащив еще несколько экземпляров червей, он перешел к животу. Вскрыл брюшную полость, вспорол кишечник и стал рассматривать его содержимое. Беляева с ужасом смотрела, как он ковыряется в мертвой женщине, точно не человеческие потроха перебирает, а чемодан с вещами распаковывает.

Он быстро нашел то, что искал. Поймал пинцетом белое плоское тело и осторожно потащил, стараясь не порвать бесконечно длинного червя, похожего на ленту.

— Свиной цепень, — с гордостью озвучил он. — От бычьего отличается тем, что, помимо присосок у него есть крючья, которыми он прочно закрепляется на стенках кишечника хозяина. Свиной цепень опасней, хоть и поменьше. Всего до трех метров вырастает.

Не выдержав жуткого зрелища, Вера бросилась к унитазу и опустошила желудок.

Любитель паразитов продолжал вытягивать из живота Маи червя, аккуратно опуская его в большую банку с каким-то раствором.

Беляева вышла из туалета и села на табуретку, отвернувшись от мерзости, что творилась в медбоксе под операционной лампой. Ее психика больше не могла выдержать вида распотрошеннего трупа, крови и больного урода, с любовью

раскладывающего червей по банкам.

Она гнала от себя мысли о тех, кому стала хозяином. Пытаясь отвлечься воспоминаниями, пела песни, повторяла таблицу умножения, но страшные навязчивые мысли, как бумеранги, возвращались к ней, и каждый раз ее передергивало, когда перед глазами вставал образ белых клубков, копошащихся в ее организме. Тело ломило от спазмов, и она была уверена, что боль эту вызывают паразиты.

Зажужжала пила. Вера обернулась. Мужчина вскрыл грудную клетку покойницы. Располосовал легкие, оттянул ткани зажимами и взял пинцет.

— А здесь у нас легочный сосальщик парагонимоз. Известно более десяти видов этой крохи, способной инфицировать человека. Конкретно этот — *Paragonimus westermani*. Смотри, похож на сплющенное кофейное зернышко, — он держал что-то красно-коричневое пинцетом, но Вера не стала рассматривать. — Как хочешь, — он пожал плечами и опустил гельминта в банку. — Между прочим, довольно редкий вид.

До Веры доносились влажные хлюпанья и металлическое бряканье хирургических инструментов. Звуки вгрызались в перепонки, вызывали нервную дрожь и сводили с ума. Она затыкала уши, но все равно слышала возню в трупе, нашпигованном червями. Вскоре к невыносимым звукам примеша-

лись всхлипы и неразборчивые причитания. Беляева снова обернулась. Мужчина плакал.

— Жалко их, они умирают, — объяснил он причину своей слабости. — Им так хорошо жилось внутри Маи. А теперь мертвые в банках. Ненавижу момент расставания, — он смахнул рукавом слезы и посмотрел на ошарашенную Веру. — Думала, я черствый и бездушный? Нет. Я люблю своих питомцев. Знаешь, как сложно, даже мне, паразитологу со стажем и связями, достать редкий экзотический вид?!

Приступ гнева охватил Вера. Она подлетела к стеклу и начала месить по нему кулаками.

— Почему я?! Почему?! — она заливалась слезами.

— А почему нет? Так совпало. Я не выслеживал тебя специально. Просто ты оказалась не в то время не в том месте. Мне был нужен новый дом для моих питомцев. Ничего личного. Вообще женщины для моих малюток идеально подходят. Животных я не люблю, к тому же у меня аллергия... А мужчины слишком упрямые и агрессивны. С вами спокойней. Так что не было особой причины, — он понизил голос и вытащил еще одного червя.

Вера сползла на пол. Если бы в тот день она по просьбе мамы встретилась бы с ней, а не пошла за посылкой, то не оказалось бы в руках больного ублюдка. Не сидела бы сейчас в звуконепроницаемой комнате с червями в брюхе.

Закончив препарировать несчастную Маю, мужчина поменял окровавленные перчатки на чистые. Затем закрыл банки с червями и переставил их на тележку.

— Обожаю этих прекрасных, разрушительных лапуль, — он любовался кольцами паразитов в склянках с подписанными на латинице ярлыками. — Прям, как женщины: присосутся к хозяину и тянут все соки, пока он не сдохнет.

Мужчина подкатил тележку к стеллажам, расставил на полках новые экземпляры и вернулся в медбокс. Он накрыл тело Маи брезентом и вывез за стальную дверь.

Вера осталась одна. Она с тоской смотрела на пустую камеру соседки. Пусть глухонемая, пусть сумасшедшая, но все-таки с ней было не так одиноко.

— Надеюсь, ты в лучшем из миров...

Вера больше не думала о побеге. Не утешала себя мечтами о свободе. Не пряталась от страшной реальности в воспоминаниях. Мысли заполонили паразиты. Она ощущала в себе инородную жизнь, и приходила в ужас от того, что не может избавиться от червей, размножающихся в ее теле.

Беляева остервенело расчесывала обломанными ногтями руки, покрытые сыпью и алыми язвами.

На предплечье, у сгиба локтя, она заметила красную борозду длиной со спичку. Вера отметила ее царапиной, а через несколько часов обнаружила извилистую линию в нескольких миллиметрах от ранки. Кривая ползла к запястью. Ужас крючьями вцепился в сердце. Живот закрутило, переваренная еда поднялась по пищеводу. Вера спрыгнула с постели, подлетела к унитазу и склонилась над ним...

Среди рвотных масс она увидела извивающегося красно-желтого гельминта. С криками и плачем Вера вцепилась ногтями в предплечье, где сидел паразит, и стала рвать кожу. Кровь бежала по руке и капала на пол.

Она не замечала боли и продолжала расковыривать рану, охваченную иступленной яростью. Добравшись до червя, Беляева схватила его и потянула. Хрупкое тело, перемазанное кровью, не выдержало натяжения и порвалось. В пальцах Веры осталась половина паразита.

— Фууу! — она бросила его на пол и раздавила ногой.

Дверь в камеру отворилась. На пороге стоял он. Впервые Вера видела мучителя без медицинской маски и хирургической шапочки — ничем не примечательные черты, глубокие рытвины на щеках, скошенный подбородок и сильные залысины. Лицо перечеркнуто гневом.

Он подлетел, замахнулся и влепил Вере пощечину.

Она упала и схватилась за щеку. На губах растекался вкус крови.

— Сука! Никогда! Никогда не трогай моих питомцев! Поняла, тварь?! — он подскочил и навис над ней. — Они мои! Мои! Не твои! Если еще раз... — Он сжал кулаки и резко выдохнул. — Если еще раз такое повторится, будешь лежать пристегнутая к кровати. А пытаться будешь через шланги... и в туалет тоже через шланги, — он достал из кармана халата шприц и снял колпачок. — Жаль, Мая с катушек съехала, а то она бы тебе рассказала, как полгода с трубками лежала, — паразитолог схватил Веру за руку и сделал ей укол в плечо. Потом вышел за дверь, но не закрыл ее.

Беляева впервые, со дня заточения, видела дверь в камеру открытой. Из темного проема тянуло холдом и сыростью. По щекам девушки бежали слезы. Надо сделать хоть что-нибудь! Она должна попытаться. Вера привстал... и рухнула обратно. Тело не слушалось, оно потеряло твердость, точно его набили ватой.

Мужчина вернулся, взял Беляеву на руки и вынес из камеры. Он уложил ее на каталку, пристегнул ремнями и повез через тускло освещенный коридор. Гулкое эхо его шага и колес, спотыкающихся о неровную плитку, заполнило вытянутое узкое пространство.

Одурманенная Вера то проваливалась во тьму, то выныривала к слабому свету, цепляясь глазами за кирпичную кладку стен и судорожно соображая, далеко ли он ее увез, сворачивал ли по пути.

Мужчина остановился, открыл массивную дверь и толкнул каталку в широкий проем. В большом помещении Вера увидела одну из двух стеклянных комнат с лужей крови на полу. «Он вскроет меня, как консервную банку, и заберет своих питомцев,» — хлестнула мысль, ускоряя ритм сердца.

— Нет, — жалобно пропищала она.

Паразитолог завез Веру в медбокс. Обработал рану на руке, наложил два шва, перевязал и поставил ей капельницу. После задрал Беляевой кофту, смазал правый бок гелем и приложил головку датчика УЗИ аппарата.

— Вот, смотри. Это печень, а тут, — он ткнул пальцем в черно-белый экран, — эхинококк. Пока еще маленький. В этом пузыре зреют личинки. Человек — промежуточный хозяин, он же биологический тупик для этих малюток, — он еще немного полюбовался пузырем в печени, потом отодвинул УЗИ аппарат и подкатил другую этажерку с плоским монитором.

Отстегнул ремни, перевернул Веру на бок, вставил ей в рот эндоскопический загубник и ввел в горло черный шнур с лампочкой и камерой на

конце. На экране появилось изображение. Свет опускался в темный склизкий тоннель. На дне камера уперлась в шевелящийся комок красновато-белых червей.

— Аскариды, — радостно сообщил он. — Где-то тут еще были кошачьи двуустки. Маленькие такие. А, вот! Один, и еще один, и еще, — он показывал плохо соображающей Вере гельминтов. — Скоро ко мне приедет колючеголовый червь. Слышала про скребней? Удивительные животные! Вооружены крючьями. Достигнув половой зрелости в кишечнике хозяина, самец оплодотворяет самку и закупоривает ее влагалище цементной секреций, чтобы другие самцы не могли ее покрыть. После, когда яйца сформируются, они вместе с пробкой выходят в кишечник хозяина. Для тебя я достал скребня-великанна. Самки этого вида вырастают до 70 сантиметров.

Он говорили и говорил, смахивая подробности из жизни червей скребней и рассматривая взрослых гельминтов, что обивались вокруг эндоскопического провода. Сонная Вера слушала, но смысл его слов ускользал от нее, хотя ей казалось, что она все понимает.

Налюбовавшись паразитами в желудочно-кишечном тракте, мужчина вынул из Беляевой трубку, и она ощутила ту самую неприятную саднящую боль в горле, с которой проснулась в хлорированной камере. «Значит, это со мной уже было...» —

пролетела размазанная мысль.

— Теперь давай посмотрим, как там наши гонги-лонемы, — сказал паразитолог, освещая налобным фонариком ротовую полость Веры. На слизистой виднелись ссадины и зигзагообразные ходы. Справа над верхними зубами, выпуклая кривая линия, уходящая вглубь десны. — Если это самочка, то до четырнадцати сантиметров вырастет, самец в половину меньше будет. Вот этих отсюда ничем не извести, только хирургическим путем...

Закончив осмотр, он отвез Веру в камеру, переложил на постель и ушел.

Она слышала, как черви шевелятся внутри нее, чувствовала их перемещения.

«Я их планета... их вселенная,» — с гордостью думала Вера.

Беляева коснулась кончиком языка левой щеки. Из небольшой язвы тянулся тонкий мягкий отросток не больше сантиметра. Вера боялась поранить или случайно перекусить паразита. Она осторожно трогала его языком, пыталась загнать в нору. Но гонгионема не хотела уходить.

— Ну, что ты какой вредный? Давай уползай! — разговаривала Вера с питомцем.

В камере Маи открылась дверь. Беляева оживилась.

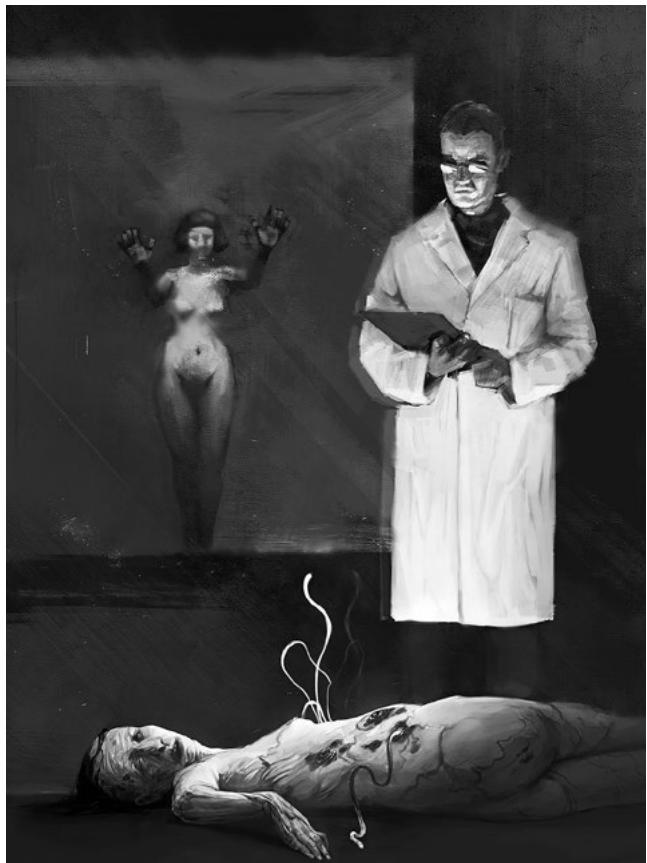

Иллюстрация Анастасии Баталиной (ГТАХ)

Мужчина в маске внес белокурую девушку, уложил ее на койку, затем повернулся к Вере, подмигнул и вышел.

«Бедная девочка...» — Беляева искренне жалела новую соседку, но была счастлива. Впервые по-настоящему счастлива здесь. Теперь она не одна.

Блондинка проснулась, огляделась. Испуганный взгляд вонзился в Веру, и юное миловидное лицо перекосили ужас и отвращение. Она вскочила с постели и заметалась, как загнанный дикий зверь. Девушка звала на помощь, колотила по стенам руками и ногами, прыгала перед камерами.

Беляева смотрела на немую истерику незнакомки, ни звука не прорывалось к ней через два стекла. Боль разъедала сердце Веры. Вместе с новенькой она вновь переживала первые дни заточения, ощущала нестерпимую зудящую надежду на спасение. Ей хотелось бы облегчить мучения девушки, но это было невозможно. Вера знала: покой придет позже, когда она смирится. И жить станет легче. Жить станет проще. У нее будут свои питомцы.

Валерий Тищенко

Надо слушаться родителей

В субботу жара опустилась на город. Солнце палило нещадно: асфальт раскалился так, что, казалось, еще немного, и он расплавится. И как назло, в небе — ни намека на облака. Ошалевшие от духоты жители высыпали на улицы; многие устремились за город, ближе к природе. Когда Борис Хохлов выехал на трассу, она оказалась забита до отказа. Поток транспорта не ослабевал, а наоборот — увеличивался, что было необычно для выходного дня. Борис выругался, хлопнув ладонью по рулю.

— Хочешь дружить? — спросил мелодичный детский голосок с соседнего сиденья. Борис бросил быстрый взгляд на ткнувшегося носом в кресло белого медвежонка и вернул его с исходное положение: черные глаза-бусинки сверкнули в солнечном свете. Лиза... Борис невольно улыбнулся. Еще каких-то сорок минут, и он увидит сияющие зеленые глаза дочери. Лиза обожала медведей, вся ее комната была завалена мишками всех расцветок и размеров.

Под днищем автомобиля лязгнул металл — протяжно и злобно. Сам по себе звук не предвещал ничего хорошего. Борис занервничал, снизил скорость и прислушался: что это могло быть? Автомобиль абсолютно новый — три месяца как из салона — проблем не должно быть. «Разве что заводской брак? Не хотелось бы...» — скривился Борис. Стараясь следить за дорогой, он напрягал слух. Спустя пару минут он уже было решил, что ему померещилось...

Но услышал удар — будто тяжелая железка упала. Что-то брякнуло и застучало, автомобиль повело в сторону. Бориса тряхнуло, когда крыло автомобиля зацепило отбойник. Бешено завертел «баранку», Борис удержал машину и судорожно надавил на тормоз, но автомобиль, вместо того чтобы остановиться, продолжал набирать скорость, катясь под горку. С ужасом Борис наблюдал, как стрелка спидометра

взлетела вверх. Потными ладонями он вцепился руль и бешено вертел, петляя по трассе. Машина окончательно потеряла управление, пересекла сплошную полосу, задела красную иномарку в соседнем ряду... Машину кинуло влево, на встречку. Несколько секунд растянулись в часы. В голове билась единственная мысль: уйти от столкновения, остановиться... Борис вцепился в руль, но увидел огромные глаза женщины, летящей прямо него, и понял, что это конец.

Последним, что ощущил Борис, было мягкое прикосновение плюшевой игрушки.

— Папа умер сегодня. Он не вернется.

Смысл этих слов не сразу дошел до Лизы. Папа всегда был рядом. Незыблем как монолит. Папа не мог не вернуться. Лиза отказывалась верить в обратное.

— Хорошо, — сказала она. Мать проводила дочь тревожным взглядом, хотела что-то сказать, но в дверь позвонили и она вышла. Лиза бросила взгляд на часы: приближалась ночь, а папы все не было. Он иногда задерживался на работе допоздна, но случалось это редко. Лиза пожала плечами и отправилась к телевизору.

Разревелась она только ночью: топала ногами,

махала руками, звала отца. Ей хотелось прильнуть к его груди, вдохнуть душный аромат его любимого одеколона. Но папа так и не пришел. От соли слез у Лизы уже щипало щеки, но остановиться она не могла. Смерть и потеря близкого человека были чем-то из телевизора — далеким и странным. И теперь, когда глубоко внутри поселилась непонятная, давящая, всепоглощающая пустота, Лиза не знала, как с этим справиться.

— Тише, моя хорошая, тише! — успокаивала мать, но утешения не помогали. Лиза утихла лишь под утро, осознав, что для нее настала новая жизнь. Хотя к таким изменениям она не была готова.

Белого мишку с темным пятном на брюшке Лиза нашла случайно. Он скромно восседал на книжной полке в спальне родителей, почему-то спиной вперед. Лизе понравился задорный блеск его глаз.

— Откуда он у тебя? — Лиза показала медвежонка маме. Та вздрогнула.

— Он уже давно у меня. Подарили...

Лиза повертела медвежонка, ткнула пальцем ему в нос, и сказала:

— Он мне нравится. Подаришь?

Мать беспокойно взглянула на дочь.

— Конечно. Забирай, — поспешило отвернувшись,

мать вышла из комнаты. Довольная Лиза обратилась к мишке:

— Будешь со мной дружить?

— Будешь со мной дружить? — повторил за ней мишке. Лиза засмеялась и обняла игрушку. Она ступила на лестницу, чтобы подняться в свою комнату на втором этаже дома, но ее остановили:

— Что это у тебя там? — полноватый молодой мужчина с красивым лицом насмешливо смотрел на девочку, стоя внизу.

— Ничего такого! — Лиза понеслась к себе в комнату. Павел, чертов отчим... Если бы у Лизы спросили, кого она ненавидит больше всего, она не задумалась бы ни на секунду: конечно, его! Залетев наверх, она захлопнула дверь, задвинула шпингалет, надеясь, что Павел не пойдет за ней, чтоб зачитать очередное нравоучение. Дверь дрогнула от удара кулака. Павел дернул ручку и потребовал открыть.

— Невоспитанная мерзавка! Не смей хлопать дверью...

Лиза вытянула средний палец в сторону двери и заткнула уши наушниками.

Наталья распахнула большое окно застекленной веранды на первом этаже и закурила. Табак слегка

успокоил нервы. Наталья смотрела, как дымок от тонкой дамской сигареты улетает в окно и мечтала стереть кое-что из своей памяти. Руки у нее все еще дрожали. Она почти запаниковала, увидав этого проклятого медведя в руках у дочери. Медвежонка принес следователь — тот самый, кто вел дело об аварии на трассе. По словам следака, Борис умер, сжимая в руках эту плюшевую игрушку. Он вез ее дочери. Сразу после ухода мента Наталья выбросила окровавленного медвежонка в мусорное ведро. Но следующим вечером медведь каким-то образом обнаружился в спальне, рядом с кроватью.

— Оставь! Пусть будет здесь! Считай, это мой победный трофей! — высунувшись из ванной комнаты, Павел подмигнул Наталье. Наталья пожала плечами:

— Как хочешь.

Но всякий раз, как этот медведь попадался ей на глаза, она вздрагивала. Было в нем что-то, прячущееся за маской безобидности, что-то неприятное... Конечно, темные пятна со временем удалось отстирать, но Наталью по-прежнему напрягали темные, пронзительные глаза-бусинки. Они казались живыми.

С превеликим удовольствием Наталья выкинула бы медведя из дома, если бы не Павел. Когда его прихотям не потакали, в нем просыпалась подозрительность.

Отдать игрушку дочери было хоть каким-то выходом.

Лиза скучала. Выключив фильм и закрыв ноутбук, она посмотрела на белого мишку, лежащего в ногах. День Лизы прошел ужасно: Павел зудел, на-доедая ей не один час, рассуждал, как она всем ему обязана... Что было, мягко говоря, враньем. Дом, в котором они сейчас жили, построил отец. То же касалось и бизнеса, который Павел возглавил только после папиной смерти.

Он и появился в доме на следующий день после похорон отца. Лиза помнила неуверенную улыбку матери:

— Родная, познакомься: это твой новый папа...

Прошло пять лет, но для Лизы ничего не изменилось. «Нелюбовь с первого взгляда», — так оценила она свое отношение к «новому папе» и нисколько не сомневалась, что ее ненависть была взаимной.

Лиза спустила ноги с кровати и задумчиво посмотрела на аккуратно разложенных в углу мишек.

— Помоги папе...

Лиза едва не подпрыгнула от неожиданности. Она завертела головой по сторонам в поисках источника звука. Может, ноутбук не выключился? Или это слуховая галлюцинация? Лиза читала

в книжках о таком. Секунду назад она вспоминала отца... Может, от этого привиделось? Лиза встала с кровати.

— Помоогии...

По спине Лизы побежали мурашки. Она узнала голос: глухой и хриплый, он очень походил на папин. Да, она уже плохо помнила, как выглядел отец, но внутри росло убеждение, что голос ей знаком... Конечно, это он. Краем глаза Лиза засекла движение: юркая тень скользнула под кровать. Тихо вззизгнув, Лиза выскочила из комнаты, но, преодолев первый испуг, вернулась... Белый мишкан, которого мама отдала ей, сидел в центре кровати и смотрел на нее. В лапках он держал фотографию, на которой веселые, улыбающиеся лица матери и отчима кто-то перечёркнул красным маркером.

Павел Строков считал, что жизнь его удалась. У него было много всего, а в будущем обещало стать еще больше. Конечно, для достижения жизненных целей приходилось действовать жестко. Один раз он буквально переступил через себя: планирование и подготовка убийства Бориса стоили ему дорого во всех смыслах, отняв массу времени и нервов. Пришлось основательно потрудиться, чтобы найти способ и подстроить аварию. В итоге все прошло

безупречно: полиция объявила, что всему виной заводской брак автомобиля. Следствие закрыли, а дела Павла пошли в гору...

Павел аккуратно припарковал свою иномарку под навесом. Он специально приехал раньше, когда дома еще никого не было: Наталья до вечера на работе, а Лиза возвращается из школы позже. Чувствовал себя Павел неважко, беспокоили проблемы с пищеварением: утром его вырвало прямо на улице. После каждого перекуса к горлу подступала тошнота. Ничего, алкоголь все лечит. Павел достал из холодильника крепкого пива, сел в кресло и включил телевизор.

Говоря по правде, семейная жизнь начинала его тяготить. Павел заскучал «по свежему воздуху и свободе маневра», под коими имел в виду многочисленных любовниц. Он всегда гордился способностью крутить интрижки сразу с тремя-четырьмя женщинами, однако Наталья оказалась не так проста. Она мгновенно определила, что он положил глаз на молодую бухгалтершу, и устроила истерику. Павел тогда впервые растерялся, не знал что сорвать, мямлил и сбивчиво успокаивал жену.

«Подстроить ей самоубийство? А что? Вдова... Впала в депрессию... Не выдержала чувства вины. Девку можно будет отправить к деду с бабкой. А дом этот продать и купить что-нибудь поприличнее,»

— размечтался Павел. От этих идей настроение у него улучшилось, он сделал большой глоток пива. В животе закололо. Павел поморщился, поставил бутылку на стол и замедлил дыхание, стараясь не делать резких движений — это помогало снять боль. Резь в животе то приливалась, то отступала, подобно морским волнам. Павла снова затошило. Тяжело поднявшись с кресла, он подошел к аптечке и засинул в рот пару таблеток от несварения.

Прилег на диван — и в живот словно сотни острых маленьких копий вонзили. На мгновение у Павла перехватило дыхание: каждый вдох отзывался вспышкой адской боли, так что ему приходилось вдыхать короче и реже.

«Да что это?! Траванулся чем-то? Но где и когда?! Кто бы мог... — думал Павел, бессильно свесив руки и надрывно дыша. — Если так продолжится, я точно тапки откину...»

В горле запершило, во рту проступил соленый привкус. Павел провел языком по зубам и обнаружил, что они покрыты чем-то липким. Он сплюнул себе на ладонь и увидел, что слюна перемешалась со сгустками крови. Павлу стало тяжело дышать. Он повис, схватившись рукой за спинку дивана. Кашель заставил его выгнуться дугой. На диванной обивке расползлись крупные кровавые брызги. Ноги задрожали от слабости. Павел потянулся

к мобильнику, оставленному на журнальном столе, но устройство пикнуло и отключилось: батарея села. Выругавшись, Павел закружил по комнате в поисках подзарядки. Она обнаружилась быстро — торчала, воткнутой в розетку, но провод ее был грубо обрезан.

А спустя мгновение свет в доме моргнул и вырубился. Павел выплюнул новую порцию кровавой слюны. Происходящее казалось чертовщиной. Пройдя мимо зеркала он заметил, что кожа на его лице сделалась изжелта-зеленою, а глаза покраснели. Открыв входную дверь, Павел едва не выпал на вымощенную белым камнем дорожку. Он кинул взгляд на соседний дом, в окнах которого проглядывал свет. Собрав воедино остатки воли, он двинулся вперед. Но, сделав три шага, остановился: на садовой дорожке сидел белый плюшевый медвежонок и с осуждающей усмешкой глядел на него. От новой вспышки боли у Павла все поплыло перед глазами. Он мешком рухнул на гравий. Над умирающим с улыбкой склонился Борис.

Врач, веснушчатый и долговязый молодой человек, смотрел на ревущую Наталью сверху вниз и явно не знал, что сказать. Почесав нос, сообщил:

— Застарелая язва с прободением — это не шут-

ки. Странно, что он раньше не обращался к врачам. Терпел такую боль?.. Очень странно... Конечно, если болезнь была не случайна...

— Его отравили? — Наталья вскинула глаза. Врач снова почесал нос, глядя на плакат на стене, будто ища там какую-то подсказку.

— Сложно сказать... Подобные факты только вскрытие может прояснить. — Врач пожал плечами. — Косвенные симптомы налицо, но что было причиной? Злоупотребление лекарствами, контрафактный алкоголь... Масса причин может быть. Надо учесть все возможные факторы...

Телефон Натальи раскалился от звонков, стоило ей покинуть больницу. Она с трудом могла говорить, двигаться: сказывались стресс и нервное перенапряжение. Ответив на пару первых звонков, Наталья не выдержала и выключила мобильный. Ей нужны силы: предстояло забрать из мorga тело мертвого мужа, организовать похороны. Из родственников у Павла оставались больная мать и престарелый дед. Придется им сообщить о смерти сына и внука. Какова будет их реакция, Наталья догадывалась, и не могла найти подходящих слов для подобной вести.

Это заставило ее заново остро ощутить свое

одиночество. Тяжело рухнув на сиденье автомобиля, она вспомнила недавний разговор с дочерью. Живая, впечатлительная Лиза как-то слабо отреагировала на смерть Павла.

Конечно, Наталья знала, что эти двое недолюбливают друг друга, но все же... Поведение Лизы показалось ей странным, хотя... оно ведь могло быть вызвано стрессом.

«Я замою кровь на пороге», — сказала Лиза. Она, конечно, хотела помочь матери. Но ведь Лиза всегда так боялась вида крови...

Наталья вынула из пачки сигарету — пятую за последний час. Хотела успокоиться, но табак не помогал.

Она стояла у калитки и смолила одну за другой. Возвращаться домой не хотелось.

«Видимо, все это — расплата за грехи», — промелькнула мысль.

Она до сих пор не понимала, как Павлу удалось уговорить ее участвовать в убийстве. Она могла просто развестись с Борисом и при разводе получить приличную сумму и большую часть недвижимости, но Павел настаивал, что будет гораздо лучше и проще получить все. Он все устроит, возьмет на себя все риски. Все, что от нее требуется — не заметно впустить его в гараж на полчаса. В конце

концов она сдалась на его уговоры.

Любила ли она Бориса? Ей ни разу не приходилось об этом задумываться. Какой у нее был выбор? Жизнь в грязной общаге на птичьих правах после отчисления из института или возвращение в родное захолустье, где ее уже никто не ждал: мать умерла, а отец спивался в компании постоянных собутыльников. Борис подвернулся ей очень во-время — перспективный студент с уважаемыми и отнюдь не бедными родителями... Какое-то время за одно это она была ему благодарна и даже испытывала по отношению к нему теплые чувства. Но любила ли она его по-настоящему...

— Я сейчас сделаю зеленый чай, как ты любишь, — Лиза улыбалась, встречая Наталью в прихожей.

— Спасибо, родная... — Наталья скинула туфли, бросила их в угол. Дом казался ей теперь чужим. Он будто хранил невидимую угрозу — столько смертей в его стенах...

Наталья упала в кресло и откинула голову на спинку. Глаза слипались от усталости.

— А вот и чай!

Брякнула посуда на подносе. Лиза вошла, разлила чай по чашкам и протянула одну матери. Наталью тронуло дочкино старание угодить и утешить маму.

Она с улыбкой приняла чашку и пригубила.

— Вкусно. С молоком и с травками. Ты завариваешь чай совсем, как папа! Боря поделился с тобой своим секретом?

— Да, — кивнула Лиза. — И не только этим...

Она смотрела, как Наталья пьет, а когда чашка матери опустела, спросила вдруг:

— Скажи, за что вы убили папу?

Наталья вздрогнула и уставилась на дочь в ужасе. Лиза смотрела ей в лицо, не моргая; тонкие губы превратились в узкую щель, на лбу пролегла морщина. В целом она выглядела теперь слишком взрослый для своего возраста.

— Прости... Что ты сказала?

— За что вы убили папу? — тщательно выговаривая каждое слово, повторила Лиза.

— Ты что это, шутишь? — Голос Натальи предательски дрогнул. Глаза Лизы сверкнули.

— Вы убили его. Зачем?

У Натальи вдруг сдавило уши, а через секунду сердце словно копьем проткнули. Вскрикнув, она схватилась за грудь. Лицо Лизы оставалось сосредоточенно-серезным. Она спокойно наблюдала за извивающейся от боли матерью.

— Вы поступили нехорошо, — сказала Лиза.

Наталья не смогла ответить: ей не хватало дыхания. По вискам побежали капли холодного пота. В груди и животе разгоралось жжение.

— Извини, доза была слишком маленькая, — сказала Лиза. — Большую часть отравы я потратила на твоего мерзкого Павла. Ты умрешь не сразу. Помучаешься еще несколько дней.

Дочка присела и убрала прядь волос, закрывающую матери глаза. — Тебя, мамочка, ждет долгая агония.

Лиза встала и подошла к полке, где сидел ее любимый белый мишка. Взяв в руки игрушку, она обратилась к ней:

— Смотри, папочка, я все сделала, как ты велел!

— Хорошо, — ответил мужской голос.

«Кто это?! Кто говорит?» — Наталья попыталась оглянуться, но не смогла. Грудь и живот будто стеклом набили, каждое движение причиняло боль, в глазах стояли слезы и она уже ничего не могла видеть.

Когда пару недель назад следователю Короткову поручили дело Лизы Хохловой, опытный следак с первого мгновения понял, что перед ним «глухарь». По всем признакам тринадцатилетняя девчонка отравила отчима и мать. Отомстила за смерть родного отца. Коротков выяснял: повторная проверка останков автомобиля Бориса Хохлова выявила неисправности тормозной системы, которые никак не могли быть заводским браком.

Тем не менее, собрать доказательства по делу

Лизы Коротков не сумел. Основные свидетели мертвты, мотив — из области догадок, а от всех материальных улик девчонка, не будь дура, сразу избавилась.

На допросах она постоянно ревела, и вообще несла бред: дескать, умерший отец вселился в медвежонка и через мягкую игрушку общался с ней. Он же надоумил ее отомстить отчиму с матерью и научил ее, как использовать яд. При этом оставалось непонятным, где она их доставала.

Коротков наполнил чашку кипятком, бросил туда пакетик чая... Он вспомнил вчерашнюю беседу: девочку в черном свитере и голубых джинсах с белым мишкой в руках. Одна и та же сцена терзала память. То, с каким растерянным детским лицом Лиза Хохлова теребила игрушку и плакала:

— Папа, ну, папа! Ну, ответь, пожалуйста! Мне страшно без тебя!

Иллюстрация Гномий Пони

Новости: шквалистый ветер повалил в Перми более ста деревьев, его порывы сорвали крышу со здания школы и обрушили на автомобили, двадцать человек пострадали от стихии, а двое погибли, кто-то пропал без вести, ливень парализовал движение на дорогах, Кама пенилась и плескалась, очевидцы засняли выплывающее из ее глубин гигантское лицо.

Новости: утром двое медведей проникли на кладбище поселка Теневой, разрыли три свежие могилы, взломали гробы и сожрали тела покойников, охотникам удалось подстрелить хищников, по погоду были разбросаны части тел.

Октябрь. Лев смотрит телевизор, Инга курит в приоткрытую дверь. На ней больничный халат с вышитым именем на груди и поношенные рабочие тапки, светлые волосы стянуты в тугой узел на затылке, накрашенные губы оставляют красные, почти кровяные, пятна на фильтре.

Новости: дом престарелых «Сизая Голубка» не пострадал.

Новость, о которой Инга еще не знает: Артур, ее муж, в гробу.

Лев время от времени бурчит себе под нос, комментируя ужасы, творящиеся на экране. На его груди — передник наподобие детского слюнявчика, который он забыл снять после ужина. Лев — это старишка, страдающий провалами в памяти.

По телевизору сюжет о несчастьях и бедах. Излюбленная тема здешних обитателей, которые очень не прочь пощекотать себе нервишки вестями из мира, где им нет больше места. Катастрофы, пожары, акты вандализма, катаклизмы и убийства. Старикам будто бы нравится думать, что кому-то сейчас хуже, чем им.

В прошлом здесь была усадьба какого-то помещика, а теперь — пункт отправления в загробный мир. Ветхое двухэтажное здание в колониальном стиле окружено лесами. Сбежать невозможно. До Перми

Станислав Минин

Ночь плетения

около ста километров.

Какой странный вечер. Буря угомонилась, воздух затянут дымкой, небо взирает на землю черным оком. Очертания деревьев размыты, неровная дорога, ведущая к пансионату, смазана, леса вдали утопают в шелковом мраке — кажется, будто глядишь не на улицу, а на тканое полотно. Вот на ветру шевелятся ветви, а такое чувство, что это нити пряжи схлестываются друг с другом.

Буря родила покой. День родил ночь. В этом сблюдается баланс.

С такими мыслями Инга выдыхает дым, откуда-то из глубины дома доносится мерное гудение, похожее на звук холодильника, усиленный динамиками. Неприятный звук. Она поеживается на вязаном коврике красно-желтого цвета — но не того, какой обычно приобретает лицо больного гепатитом А после физических нагрузок, а цвета осенних листьев, втоптанных в грязь. На дверном косяке она замечает кривые буквы. Кто-то, кому очень хотелось высказать свои мысли, ручкой для кроссвордов и безответных писем нацарапал вертикальную надпись.

Надпись гласит: «демоны».

Старики, они как дети. Немощные и желающие оставить след о себе, думает Инга. Как и дети, они ее раздражают. Особенно, если начинают что-то требовать своими противными старческими голосами.

Она как раз делает последнюю затяжку и бросает окурок в вечернюю мглу, когда со второго этажа раздается скрипучий голос.

Ева кричит:

— Помогните!

Каждый вечер одно и то же. То неуклюжая бабка роняет одеяло, то мучается припадком грудной жабы, то видит в темном углу фигуру с руками, свисающими до пола.

В «Сизой Голубке» первый этаж предназначен для тех, кто хоть и выжил из ума, но еще может передвигаться самостоятельно. Второй — провонял мочой и лекарствами. Там лежат старики, испражняющиеся в медицинские утки и глазеющие на тебя, как на врага, ведь ты, в отличие от них, еще можешь ходить.

— Иду-иду, — говорит Инга и направляется в служебное помещение, где у нее припрятано кое-что нужное. Найдя в шкафчике с медикаментами темную баночку «Новопассита», она откручивает крышку и делает большой глоток. Морщится, кашляет, будто подавилась скисшим чаем, а потом вновь прикладывается к горлышку и выпивает все, что есть, залпом. Шумно вдыхает воздух. Дело в том, что вместо успокоительного в баночке коньяк.

Новости: картинка перед глазами нечеткая, штрихи окружающего мира резкие, выпуклые, как

у вязаных накидок, какие кладут себе под задницы в столовой старые рухляди.

Инга достает мобильник из сумки и глядит на пустой экран. Артур со вчерашнего дня так и не позвонил.

Погода снаружи тихая, буря ушла в другой край. Погода в душе — тревожное спокойствие, изредка нарушающее далеким громом, где-то на горизонте гроза воспламеняет облака.

— Помогните! — слышится крик.

Слегка покачиваясь, Инга возникает в дверях холла. Свет здесь отключен, работает лишь телевизор, по дощатому полу блуждают лиловые тени. Холл — это место, где старики часами просиживают на обшарпанных стульях, расставленных полукругом перед экраном, и смотрят выпуски о наводнениях, изнасилованиях, стихийных бедствиях и массовом море скота. Никто из них не рас прощался с жизнью окончательно, но можно смело сказать, что часики уже тикают.

Сейчас тут только Лев, остальные отправились спать пораньше, однако глаза сомкнули не сразу: лежали, охали да стонали — их древние кости и изношенные суставы отзываются болью на непогоду.

Честно сказать, Инга побаивается Льва. Порой, когда у него случается очередной приступ забывчивости и дезориентации, он лепечет какую-то странную чушь, а иногда — чушь довольно жуткую.

Однажды он сказал Инге, что придет к ней ночью и сожрет ее кишки, а как-то раз любезно предложил ей вылизать пилотку у некой Первоматери. Она отказалась.

Новости: не принесли результатов поиски певицы Пермского оперного театра, которая пропала накануне страшной бури, пропустив свое выступление в спектакле «Дон Жуан».

Экран занимает добротная дама в зеленом плаще, похожая на дерево, отягощенное плодами. Открывая рот настолько широко, что видно, как подрагивает язычок в горле, она исполняет оперный вариант песни «Стою на полустаночке». От ее высокого, плоского голоса звенит в ушах.

Инга минует холл, старые половицы отзываются скрипом в такт мелодии, и вот она уже у лестницы — заносит ногу над ступенькой, но Лев бросает ей в спину:

— Твой муж спутался с ней.

Хриплый кашель, может, и смех. — Так ведь?

Алкоголь разворачивает Ингу слишком круто, но ей удается сохранить равновесие.

— А?

— Не бойся, — отвечает старикашка, глядя в экран. — Она уже гниет.

Хитрость состоит в том, что в государственное учреждение для пожилых людей практически невозможно попасть человеку, у которого есть

трудоспособные дети. Даже одинокие старики и ветераны войны годами ждут своей очереди. Лев появился в «Сизой Голубке» задолго до того, как Инга устроилась сюда сиделкой. Усохший дед становился свидетелем не одной смерти. Паромщик на реке, соединяющей иной мир с нашим.

— ПОМОГНИТЕ!

Инга встрыхивается, будто просыпаясь, и в смятении спешит наверх. Внутри — облачно, с разрасывающейся на горизонте тучей, выплевывающей яростные молнии.

В палате, помимо Евы, еще двое лежачих. Три койки пустуют: их обладателей похоронили пару недель назад в безымянных могилах, а потом их трупами полакомились медведи. Двое других: дед, еще не решивший, ступить ли ему за черту смерти или оставаться жить, а потому регулярно теряющий сознание (Инга не помнит его имени), и Нина — сумасшедшая старуха с редкой разновидностью синдрома Туретта, при котором она постоянно показывает неприличные жесты. Например, вы подаете ей стакан воды, а она благодарит вас, демонстрируя средний палец.

Как и во всем здании, в палате витает дух прошлого, совершенных ошибок, несостоявшихся надежд. Отличие лишь в том, что тут еще воняет экскрементами.

Инга зажигает свет как раз в тот момент, когда старушенция набирает в легкие вонючий воздух и вновь собирается заорать. Согласно Библии, Ева — первая женщина на Земле. Ева из «Сизой Голубки» примерно того же возраста.

— ПОМОГНИТЕ! — Она запинается. Ее лицо — раздутая от злости или, может быть, от тоски дряблая маска, кожа похожа на половую тряпку, которая со временем истончилась — стоит дотронуться, и та рассыпается в прах.

С важным видом она интересуется:

— Где тебя носило, хулька пермская?

Новости: Ева уронила подушку.

Одеяло сбилось к ногам и свисает на пол. Нина спит или скорее притворяется, что спит, дед — в отключке. Окошко чуть приоткрыто, но даже это не спасает от зловония, пропитавшего тут каждый сантиметр.

Инга расправляет одеяло, подтягивает его к морщинистой шее, но Ева противится — бьет Ингу по рукам и отталкивает от себя.

— Жарко! — скривившись, восклицает она. — Ты не видишь, мне жарко, дрянь!

От конька лоб у Инги покрывается испариной, туча в душе заслоняет небосвод, и огромная зигзагообразная гроза разрезает ее на две части. Затуманнымыми глазами она видит, как ее рука пикирует

вниз, словно хищная птица, узревшая добычу, и со шлепком соприкасается с Евиной щекой. На лице появляется красная отметина, подобная ожогу, а старуха начинает вопить. Мерзко и истошно.

Инга моргает и теперь перед глазами — сплетение ниток. Разноцветная пряжа коконом опутывает руку, нанесшую удар, тянется в стороны и, теряя оттенки, тает в воздухе. Нет, становится воздухом, тухлым и гадким. Инга — словно фигура, вышитая на ковре. В следующий миг видение исчезает. Что это, если не трудноуловимый двадцать пятый кадр?

Чтобы заглушить противный крик, Инга хватает подушку и накрывает ею бабкино лицо. Давит ладонями на подушку.

Ева отчаянно мычит. Руки, исхудалые и узловатые, словно стволы засохших берез, судорожно ищут лицо Инги, не находят и вцепляются в рукава ее халата.

Внутри небо пылает огнем, гневные вспышки молний разукрашивают его слепящие-алыми полосами — цвета ада, цвета раскаленных котлов. От происходящего Инга приходит в ужас, ей не хочется глядеть на то, что вытворяют ее руки, и, захмутиваясь, она прячется в темноте. Остаточное изображение пульсирует завитками, которые, удлиняясь, принимают форму нитей. Они тянутся, разрезая мрак, и, что удивительно, соединяют ее с

мужем, который тоже во тьме.

Артур не видит ничего. Такое чувство, что у него перед глазами черная материя, вязанная крупными стежками. Влажная, вонючая материя. Он лежит на чем-то, что уже начало твердеть. Так всегда твердеет и напрягается тело любимой в момент оргазма. Не жены, а той, кого он любит по-настоящему.

Кто-то связал ему руки за спиной, веревка больно впивается в кожу. Ягодицами он ощущает прохладу и понимает, что лежит со спущенными штанами. Пытаясь развернуться, плечом он упирается в стену. С другой стороны — такая же стена. Приподняться не удается: сверху тоже стена, а под ним: твердое и бугристое нечто. Тьма словно живая — двигается, сплетается в косы, которые скручиваются между собой, превращаясь в толстые нити, те тоже схлестываются друг с другом и так до бесконечности.

Он опускает голову и прислоняется к двум большим округленным выступам, напоминающим женские груди.

Тесно. Воздуха мало, и тот пропах тухлинкой. Артур старается раздвинуть ноги, но ему мешает пояс брюк и чужие ноги, разведенные, насколько позволяет ящик, в стороны. До него вдруг доходит страшная истина: он в гробу, а под ним — мертвец.

Его крик по нитям, как по телефонному проводу, плывет к Инге, которая осознает, что это кричит

она сама. Пока Ева дико борется, накрытая подушкой, Артур, объятый приступом клаустрофобии, в бешенстве бьется затылком о крышку гроба.

Бабкины руки падают на кровать, сама она мгновенно затихает, по простыне расплзается темное пятно с едким запахом. Чтобы отстирать дермо, думает Инга, надо замочить вещь в холодной воде и насыпать на грязный участок щепотку соды. Подойдет и соль.

Ветер распахивает окно, впуская в палату ночную свежесть. Но это не та свежесть, какой благоухает белье после стирки «Лаской», а настоящеепромозглое дыхание природы.

Крупные капли пота текут по лицу, Инга тяжело дышит. Обернувшись, она бросает взгляд на Нину, которая глядит на нее округлившимися от испуга глазами, рука, выползшая из-под одеяла, показывает «фак».

Среди старииков в пансионате есть такие, кого намеренно оставили в общественном месте, чтобы их подобрали и устроили в приют. Типа домашних питомцев, за которыми устали ухаживать хозяева. Нину же привезло сюда неведомое существо — то ли сын, то ли дочь.

— Что я наделала? — спрашивает у нее Инга.

Туча внутри освещается электрической вспышкой, холодное сияние тут же сменяется мглой, ко-

торая проникает в самые дальние закоулки мозга, омертвляя то, что еще могло иногда излучать свет.

Новости: Инга обезумела.

От напряжения ей становится нехорошо, но она с изумлением обнаруживает, что дурнота эта приятная.

Волосы выбились из узла на затылке и прилипли к щекам. Глаза — две искры, вылетевшие из костра, сердце в исступлении отбивает ритм — прямо-таки жертвенный барабан, вводящий в экстаз языческих поклонников. Она вдруг ощущает, как ее заглатывает бессильный страх в глазах старухи, что ее притягивает неодолимое очарование смерти, и она не в силах бороться с этими чарами.

Ворох свившихся вокруг ниток тянет ее к Нине, подстрекая: «Давай. Давай. ДАВАЙ!».

— Не подходи! — грозно предупреждает пожилая женщина. Она хочет убежать, но мертвые ноги проявляют равнодушие. Пряди, изгинаясь как змеи, ползут по кровати, перекрещиваются, расходятся и тянутся вдоль друг друга, как побеги плюща. Словно невидимое существо ткёт гобелен, запечатлевая реальность в узорах и вязаной мозаике.

Нина стонет и мечется под одеялом, в косматые волосы стального оттенка вплетаются пестрые волокна, превращая бабку в индейского жреца. Нити шуршат и успокаивающее шепчут, они могут рассказать ей обо всем, о чем она пожелает, лишь бы

унять волнение. Могут даже соединить с дочерью, которая в этот момент заходит в грязную квартиру, удерживая за пазухой ценный груз. Нина почти видит это, осязает.

И прежде чем безумная сиделка хватает ее за шею, она вскидывает руку с выставленным, словно перст божий, средним пальцем.

В месяцах, которые начинаются с воскресенья, всегда есть пятница тринадцатое, а бури, как водится, очищают воздух. Алекса знает это не хуже других. Сегодня как раз такой день — чистейшая пятница тринадцатое. Пятница-девственница, день, когда низшие ячейки информационного поля освобождены от скверны, а потому без труда пропускают потоки энергии прямиком из космоса. Ноша под курткой шевелится, попискивает.

Она закрывает дверь на ключ, присаживается на корточки и выпускает из-под куртки трех котят и одного щенка, которые сумели пережить бурю. Весь день она бродит по городу и подбирает бездомных животных — ангел, а не девушка. Маленькими лапками зверушки осторожно ступают на испачканный пол, но в стерильную биосферу.

По телевизору диктор передает новости об ограблениях, вооруженных нападениях, расчленениях и громадном лице, выступившем на поверхности Камы. Оно открыло глаз.

Над ванной натянута бельевая веревка, одним концом привязанная к трубам над газовой колонкой, а другим закрепленная на петлях ящика с банными принадлежностями. Пахнет дурно, но с этим можно смириться. Щенок обнюхивает липкий липолеум, один из котят начинает жалобно мяукать.

В то время, когда мать сопротивляется сильным рукам, Алекса берет первого котенка и связывает ему задние лапы лоскутом тряпки. Связывает туго — до тех пор, пока котенок не начинает верещать и кусать ее за руки. Нина тоже плачет, но почему-то лишь левым глазом, правый остается сухим. Алекса подвешивает зверька кверху лапами, привязав лоскут к бельевой веревке.

Под раковиной — окровавленный труп собаки.

То же самое Алекса делает с остальными животными. И вот они вчетвером, словно две пары шерстяных носков, мотаются над наполненной ванной на провисшей от веса веревке. Кошки извиваются, дергают узлы когтями, щенок скулит. Алекса уходит в большую комнату, где прибавляет громкость на телевизоре, чтобы заглушить визги.

В телевизоре: геноцид, залитые кровью тротуары, каннибализм и поджоги.

Человек не отделим от природы, считает Алекса, каждый находит свой способ выпустить избыточную энергию, которая по каналам Ноосферы попадает

пряником в прожорливую пасть Первосущности — той безумной твари, что творит чувственый мир.

От звука телевизора дрожат стекла.

Новости: ДЕМОНЫ СУЩЕСТВУЮТ. Под Пермью в глухих лесах обнаружено поселение уродливых существ, которые могут пригрезиться лишь в кошмаре, демоны много лет держали жителей поселка Теневой в ужасе, на место происшествия направляются корреспонденты.

Комната полна трупов животных со вспоротыми брюхами, от смрада смерти густеет воздух. Алекса с окровавленной битой входит в ванную, а голос в голове неустанно повторяет: «Убей их всех. Ешь их плоть. Омойся их кровью».

Нина, как и щенок, видит мир в последний раз, потом ее язык вываливается изо рта, и тело обмякает. От сильного удара щенок делает оборот на веревке, брызги крови разлетаются в стороны, котята подскакивают с жутким писком, похожим на детский плач, один срывается в кровавую ванну. Алекса испускает полный наслаждения стон.

Стонет и Артур, лежа на покойной любовнице. Стонет даже Инга, отпуская Нинину шею — голова старухи неестественно свешивается набок, демонстрируя кожу за ушами, такую чистую и белую.

Убей их всех. Ешь их плоть. Омойся их кровью.

Артур почти слышит эти слова, произнесенные

лишенным интонаций голосом. Освободить руки оказалось делом непосильным, и от напряженных усилий он, открыв рот, как собака, жадно хватает спертый воздух.

Волокнистая темнота ворочается, вьется перед глазами, безмолвно сплетая кружева. Так же молчалива и певица, покоящаяся под ним в задранном по пояс платье. Членом он ощущает колючие волоски на ее лобке.

Туман в голове рассеивается, к нему, наконец, возвращается способность соображать, и вот в чем дело: Артуру показалось, что в тот момент, когда он елозил на мертвой женщине, ее голова слегка отодвинула доску гроба. Конечно, это вовсе не установленный факт, однако предположение, которое может быть правдой.

Чтобы проверить, так ли это, Артур приподнимает ягодицы и резко опускает, соприкасаясь детородным органом с детородным органом оперной дивы. И снова — поднимает и опускает.

Поднимает и опускает.

С каждым толчком тело певицы вздрагивает, а ее макушка оттесняет деревянную створку, которой оказывается стенка в изголовье гроба. Внутрь врывается аромат сырой земли. Кто-то специально сделал в ящике дверцу, чтобы Артур нашел выход. Это как квест, загадка в игре на соображалку.

Совершая поступательные движения, упираясь ногами в стенки, а спящей змеей — в увядший бутон цветка, Артур мелкими шажками подталкивает покойницу к выходу.

Тем временем Инга обнаруживает, что третий пациент в палате — дедуля, беспрестанно падающий в обмороки, умер во сне собственной смертью. Без лишнего сопротивления отошел в лучший мир.

Когда в «Сизой Голубке» старики покидает жизнь, никто не плачет.

Никто же не плачет, когда выносят мусорные пакеты на свалку или выливают помои на окраине двора. Никто не плачет, когда выбрасывают сгнившие овощи и фрукты, ни одна живая душа не изводит себя горестными переживаниями, когда смывают сперму в раковину или расстаются с пустой бутылкой из-под пива.

Это непреложная истина.

Шатаясь, Инга выходит из палаты. Внутри туча, набухшая настолько, что почти касается земли, разряжается страшным ливнем, громовые раскаты сотрясают тело — Ингу лихорадит после мощного эмоционального выплеска. Но ни одна слезинка не срывается с глаз. «Сизая Голубка» равнодушна к слезам.

Нити тащат ее вниз, вот только стоит ей заметить их — обвивших руки и цепляющихся за пространство — как они тут же исчезают, отчего ей думается,

что психушка — то самое место, где она вполне может почувствовать себя своей.

Лев все еще смотрит телевизор, на экране: землетрясения, крики раненых, разбои и вспышки сальмонеллэза.

Лицо у него всегда было хмурым, но теперь будто бы помрачнело раза в три, осунулось. Как и прежде, Лев сидит на стуле в детском слонявчике, рядом с ним — трость с изогнутой ручкой. Сегодня он вновь, поднеся ложку ко рту, запамятовал, как нужно есть, поэтому передник запачкан подливой из говядины. Со стороны же кажется, будто кто-то, сходив по большой нужде, подтер им зад. Стариk вроде бы не замечает Ингу: может, опять приступ дезориентации, а возможно, и безразличие ко всему, что здесь творится.

Инга тянется к трости, пальцы сжимаются на холодной ручке, но тут Лев проворно хватает ее за предплечье и поворачивает к ней карие очи. В них отражаются блики от телевизора, поэтому они напоминают цвет бокала темного нефильтрованного пива, просвеченный насквозь электрическим светом. Инга всегда его боялась.

— Дура, — говорит он. — Ты даже не знаешь, почему это делаешь.

Лев подтягивает Ингу к себе. Его испещренное морщинами лицо теперь на уровне с ее лицом.

Губы как обычно покрыты тонкой белой пленкой.

Новости: задержан виновный в убийстве оперной певицы, им оказался муж, заставший жену за непристойным занятием с другим мужчиной.

На экране — плюгавенький старичок в простенькой куртке, подвязанной шарфом под воротом. Глаза блестят от безуспешных попыток выдавить слезы, дрожащим голосом он произносит лишь одну бессмысленную фразу: «Я отдал их демонам», и отворачивается от камеры, чтобы театрально всплакнуть.

Новости: поиски тела убитой продолжаются.

— Да хранит меня Господь! — выкрикивает обманутый муж, прежде чем кадр сменяется каким-нибудь новым шокирующим известием.

— Боже, — шепчет Инга, глядя в чарующие глубокие очи — не глаза, а две черных бездны.

— Боже, — с усмешкой повторяет Лев. — Не в Господе дело, глупая.

Заглядывая ей в глаза, в ее душу, заслоненную стеной ливня, он говорит:

— Бог родил Землю. А ты знаешь, кто родил Бога?

Сдавливая ее предплечье, он говорит:

— Вначале было не слово, а бесконечно долгий звук.

Почти касаясь ее открытого в изумлении рта своими сухими губами, стиснутыми пленкой, похожей на пенку от кипяченого молока, он говорит:

— Это был крик боли. Это был крик Бога.

Разумеется, Бог тоже есть в этом шитом изделии, в этом полотне, в которое превратился мир — гобелен, сотканный судьбами. Инга ощущает Его присутствие каждой фиброй опутавших ее прядей.

Он рассекает вздувшийся живот лезвием, кожа расходится с треском рвущейся тряпки, и из надреза появляется нечто правильной круглой формы, одетое в окровавленную оболочку. Монотонная чернота окрашивается насыщенным алым цветом — но не тем, каким кровоточат вытащенные наружу кишкы, а цветом царских рубинов, искрящихся в отсветах кострища. Приходит звуковая волна — удивительная торжественная мощь, заключающая в себе несказанное одиночество и красоту погребальных колоколов. Так стонет человек, который больше не хочет жить, только плач его усилен миллионами динамиков.

Шарообразное нечто с влажным всхлипом выходит из живота, таща за собой скользкую пуповину. Взбухшая лодыжка лопается, раскрывается, как цветок, готовый явить миру невыразимое великолепие бутона, и опадает, обнажая бугристую сферу. Гул нарастает, превращается в целую симфонию голосов, восстающих из бездонного рва вселенной. Кровь из открытой раны омывает сферу, карминовые ручьи, стекающие средь шиш-

коватых гор, становятся реками, а, скапливаясь в ямах и провалах, они превращаются в моря и океаны.

Из прорези в растянутом брюхе показывается омерзительно дрожащая, желеобразная масса, запятнанная кровоподтеками. Похожая на плоть, в которой устроили гнездо копошащиеся черви, она коконом облепляет шар, согревая, даря тепло, способствующее росту органики. С каждым мигом трясущаяся масса теряет оттенки, делается прозрачной, как запотевший полиэтиленовый пакет, а под ней по всей поверхности сферы выступают побеги безликих растений. Однако идиллию рождения нарушает нечто инородное: с развитием органики на планете возникают цветные нити. Они ползут средь лесов и бесплодных пустырей, средь гор и вдоль рек. Рай тут же теряет благодать и наступенье становится ближе к чистилищу.

Алекса вспарывает животы убитым животным, пуская кровь в ванну, Артур имитирует половой акт с трупом, Бог рожает, вопя голосом чудовища — всё это Инга видит в глазах Льва того сумрачного, дремучего оттенка, каким окрашивается небо в момент угасания дня и пробуждения ночи.

— Первоматерь, — говорит Лев. — Сука, поддерживающая равновесие.

По телевизору обозреваются события, случившиеся в мире, среди которых теракты, жертвопри-

ношения, кровавые культы и младенцы, найденные в морозилке. Лицо в Каме открыло второй глаз.

— Мы — средство и результат ее деяний.

По телевизору вновь репортаж о страшилищах. Согласно показаниям жителя поселка Теневой, демоны долгое время похищали людей для неизвестных целей.

Инга больше не в состоянии слушать бред старого пердуна. Ей страшно, его глаза заставляют Ингу почувствовать себя хрупкой стеклянной вазой, подкатившейся к краю полки, но еще не упавшей.

— Делай то, что положено, — напутствует Лев.

Его руки в плетении вздутых вен. Освобождаясь от цепких пальцев, Инга распрямляется и хватается за трость. Теперь она вновь владеет ситуацией. Губы внезапно изгибают улыбка, холодная и крепкая, как декабрьский лед. Она вся — воплощенная уверенность, ответ на любое сомнение.

В то время как Инга заносит трость над головой и рывком опускает на череп старика, нити связывают ее с Алексой, скидывающей одежду и забирающейся в теплую кровавую ванну. Пряди вновь плетут мир и достигают Артура, который не без удивления обнаруживает, что поступательные движения и предвкушение развязки вызывают в нем желание. Низ живота щекочет приятное возбуждение, отчего член напрягается и со следующим толчком входит

в холодное лоно оперной дивы.

Нити скручиваются, вьются, сцепляются, создавая ажурные узоры, витражи и орнаменты. В одном из них можно увидеть, как разъяренные люди сносят высокие ворота. Ошалев от ярости и страха, они, наконец, прорываются за неприступные стены. Первоматерь дарует им волокна неисчерпаемой энергии, и они с благодарностью их принимают.

Коктейли Молотова разбиваются о двери, крыши и стены небольших кособоких лачуг, которые тут же возгораются ярким пламенем. С вилами, тесаками и ружьями жители Теневого вторгаются на запретную территорию.

Следующая роспись на вязаном полотне показывает, как из приземистых изб выбегают будоражащие воображение существа. Выродки сдохших в муках матерей, исчадия больных родителей, потомки неполноценных людей, отродья, зачатые безумными женщинами в союзе с животными, создания с мутировавшими генами — все они спасаются бегством. Одни лишены конечностей, у других, напротив, ряды крошечных шевелящихся ручек, а то и четыре ноги — боковые ножки значительно меньше передних и при движении болтаются, как дохлые змеи. Третья по всему телу утыканы наростиами наподобие коренных зубов, а некоторые — в затвердевших волдырях, свисающих с голов и туло-

вищ, точно колонии грибов-паразитов.

Они бегут настолько быстро, насколько позволяют физические отклонения, кто-то падает в грязь и сразу умирает, проткнутый вилами или застреленный из ружья.

Лицо Льва исчезает в кровавом месиве. Он противно пыхтит, точно свинья, отфыркивающаяся от воды. Хлюпая, рукоять врезается ему в голову и застревает. Инга выкорчевывает ее, как сорняк на огороде, наступая ногой в кровянистый студень, но вынуть не может.

Словно живая, Ноосфера дышит в квартире Алексы. Японская теледива Каяо Киоко принимала земляную ванну с топинамбуром, считая, что это расслабляет внутренние органы и вызывает экстаз. Мэрилин Монро любила пену до краев, порноактриса из Бельгии Стеф Грант купалась в сперме, а Елизавета Батори, известная также как Чахтицкое чудовище, омывалась кровью девственниц. У каждой имелся собственный тайный способ дотронуться до чувственного мира.

Алекса нежится в крови и внутренностях зверей. Она сливается с органикой, с природой на своем низшем животном уровне, поет мантры и вот уже сама Ноосфера тянет к ней руки. Похожие на стебли растений, новые вены различных цветов прокладывают путь по телу девушки, набирая скорость,

разрывая ткани. А потом приходит оно.

Что-то бесформенное, необъятное, оно обрушивается на девушку, словно многоэтажное здание, и неиссякаемые потоки энергии бегут по новым венам. От этого невероятного ощущения ее сердце замирает, затем же начинает качать кровь с удвоенной силой, с усердием маньяка.

Из красной воды выныривает головка напрягшегося члена.

С подобным возбуждением Инга вырубает телевизор, но прежде чем замолкнуть, тот освещает новую порцию вестей о самоубийствах, нашествиях саранчи, бесплодных землях и случаях бубонной чумы. Какой-то мыслитель однажды сказал: давным-давно люди жили в Эдеме, но это не означает, что мы должны туда вернуться.

Комната тонет во мраке, и в тишине гул, который она уловила краем уха, когда выкуривала свою последнюю сигарету, звучит иначе. Теперь он более объемный, сочный, интенсивный. Вроде бы гудение исходит из подсобных помещений, которые долгое время не видели ремонта и не используются.

До живых — пока еще — стариков доходит, что в «Сизой Голубке» творятся неладные вещи: точно курицы-наседки, они кудахчут за закрытыми дверьми палат. Лев валяется на полу рядом с опрокинутыми стульями, а Инга уже в столовой. Берет нож

с широким лезвием для разделки мяса и, как только возвращается назад, распахивается дверь одной из палат.

В проеме — силуэт сгорбленной бабки, прижимающей руки к груди.

— Инна? — вопрошают она жалобным голоском. Что может быть хуже, чем плаксивый старческий голос и неверно произнесенное имя? — Инна, что здесь происходит?

В темноте Инга не разбирает, что за старая перечница выглянула из укрытия. Насколько она может судить, погода за окном не изменилась — все тот же период затишья после революции природы, а вот внутри грозовая туча бледнеет, съеживаясь, как цветок, прибитый первым инем, дождь сменяется снегом, мятежный настрой уступает место холодной решимости.

Выступив вперед, одним взмахом Инга рассекает бабке горло. Сдавленный вскрик. Кровь фонтаном хлещет в разные стороны, с чавкающим звуком открывается рана, когда бабка в поисках опоры мотает головой. Внезапно она срывается с места и, не разбирая дороги, несется вперед. Бежит на удивление живо, словно тело выжимает из себя последние соки. Разбрасывая стулья у телевизора, спотыкается о Льва и плашмя падает на пол.

Хитрость состоит в том, что свое проживание

тут каждый пенсионер оплачивает самостоятельно — семьдесят пять процентов от пенсии, остальные двадцать пять в редких случаях выдаются ему на руки. Зачем человеку деньги, если у него есть билет на тот свет?

Богадельней считается заведение для призора немощных, увечных и неисцелимых.

«Сизая Голубка» — это богадельня. Это вам не дом отдыха, а место, где вы получаете возможность вернуться в прошлое — к самым поганым моментам вашей жизни.

Как «Черный Дельфин», «Полярная Сова» или «Владимирский централ».

Инга избавляет людей, стоящих на грани смерти, от обязательств.

Едва она входит в палату, старики начинают ве-рещать, словно птицы, застигнутые врасплох.

В тот же миг Алекса встречает Ноосферу сладчайшим оргазмом. Головка члена выстреливает пулуметной очередью, и молочная жидкость окропляет желудки, сердца и кишки, плавающие в ванной. Оргазмирует и Артур, отталкиваясь ногами от деревянных стенок и глубже проникая в чрево мертвца. Когда он вместе с телом вываливается из гроба в прорытую в земле траншею, его, обес-силенного, подхватывают чьи-то руки и куда-то ташат. Ноосфера переходит в новое эволюционное состояние.

Двое сопровождающих неописуемо уродливы. Они волокут Артура по кладбищу, а потом вглубь леса, еще не зная, что их племя уже обнаружено и истреблено. За деревьями в небо стреляют отсветы горящих жилищ. Именно там испуганные сельчане из Теневого, решившиеся на отчаянный шаг, вершат правосудие.

Именно там маленький ребенок посреди хаоса и разрушения зовет маму. От едкого дыма у него слезятся глаза, руки, испачканные копотью, оставляют грязные разводы на щеках. Он чрезвычайно безобразен даже по меркам своего отнюдь не привлекательного племени. Верхняя половина лица этого существа лишена плоти, вместо нее череп покрывает мясистый гребень, как у петуха. Огромный рот зияет, словно пещера, когда дитя истощенно просит материнской помощи.

Ребенка вилами гонят к окраине села несколько мужчин. Если он не слушается команд, они вонзают ему в спину острые колья, и тогда дитя вынужденно, как зверь, бредет туда, куда ему указывают. На деревьях — изувеченные трупы. Однако неясно, являлись ли выродки такими при жизни или их здоро-во изуродовали перед смертью. Среди мертвцев мотается и мать чудовищного ребенка. Рядом с ней — петля, уготованная и для него.

Когда маленькое тельце в агонии бьется, повешенное на ветке, а нити, ткущие реальность,

вертятся, соединяясь и скручиваясь, — гудение в «Сизой Голубке» нарастает. Инга ищет его источник.

Странный звук. Притягивающий и пугающий одновременно. Так переваривается пища в желудке, так лопается кожа, объянутая пламенем.

Новости: ночь близится к кульминации, а живых практически не осталось, «Сизая Голубка» истекает кровью.

Инга проходит по коридору мимо комнат, где раньше были графские покой, а затем — палаты для выживших из ума старпёров, теперь же — скотобойня. Халат промок почти полностью. Источник звука уже близко.

Это же гудение слышит и Алекса, его приносят дребезжащие под кожей новые вены, и тут кровавая жижка являет ей ту, кого она так долго ждала. Личина Ноосферы, расталкивая потроха убитых зверей, выплывает на поверхность — жуткий, воинственный лик ведьмы, отправленной на костер. Такое же лицо обнаружила Кама в своих глубинах.

За Ингой ползет что-то большое. Оно задыхается, кашляет и хрюпит. Обернувшись, во мраке она видит Льва. Вогнанная рукояткой в голову трость волочится рядом с ним, как обездвиженная конечность.

— Всё это части одной картины, — каркает старик. Он мертв, однако продолжает пичкать Ингу порцией очередного бреда.

Согласно учениям эзотериков, некротическая связь представляет собой канал утечки энергии от живого человека к умершему. Человек состоит из энергий, но, в отличие от человека, энергия бессмертна.

Вероятно, Инга и Лев теперь связаны.

— Первоматери чужды божьи благие дела. — Его лица давно уже нет, рот утонул в мешанине из лоскутов кожи, мышц, крошек костей. Но каким-то непостижимым образом он все еще может говорить.

— Противовес — так ее всегда называли.

Ноги останавливают Ингу у двери, за которой находится колыбель размеренного низкого звука.

— Беда не приходит одна, — медленно проговаривая слова, рассказывает старик тем тоном, каким принято излагать прописные истины. — Беда приходит с Ней.

Инга, слава богам, не видит его глаз, но она помнит их цвет — такого окраса становится жареный мед, такой вид приобретает запекшаяся кожница. Цвет размазанного дерhma.

— Первоматерь! — кричит он. — Она передвигается по миру, сея ужас, рождая зверства. Она совершает их руками тех, кого может подчинить. — На последнем издыхании он добавляет:

— Так сохраняется равновесие.

Покой рождает бурю. Ночь выплевывает день. В этом соблюдается баланс.

Инга отворяет дверь.

Открываются створки и у огромной мясистой штуковины, веревками привязанной к стволам двух деревьев. Она кровоточит.

Уродцы заставляют Артура встать на колени, а сами расходятся в стороны. Он, как и прежде, обнажен ниже пояса, одна штанина все еще болтается на ноге. У него есть шанс убежать, но взгляд притягивает конусообразное нечто, которое то сжимается, то снова разжимается с чавкающим звуком. Оно нависает над землей, темной от крови, вытекающей из венозных стволов на макушке и омывающей сверху донизу сам орган. Сквозь кровь проглядывает мышца, белая, как непропеченнное тесто. Похитители припадочно кланяются гигантскому органу, словно он извлечен из тела некого божества.

— Божье сердце — не миф. Но это конец, — говорит старик Инге, и ей кажется, что голос исходит из дыры у него в голове. Внезапно он вопрошает:

— А что в конце? Любое существо обречено на съеденье.

Аорта толщиной со ствол дерева, похожая на красную атласную ленту, неожиданно выпрыгивает из недр великого сердца, плывет по воздуху со скоростью пули и, точно осьминожье щупальце, об-

вивается вокруг тела Артура. Присоски выпускают десятки острых зубов, которые мигом впиваются в кожу.

Артур визжит некрасивым девчачьим голосом, кричит и Лев, умирая во второй раз.

В ту минуту, когда Алекса осознает, что лицо в воде — всего лишь отражение, а само существо на-висает над ней, Инга входит в комнату.

Мерцающий свет поначалу слепит глаза, но спустя миг Инга начинает различать коробки и ящики, груды ветхой мебели, накрытой пожелтевшим полиэтиленом. В центре комнаты — нагромождения светящихся полос, кривых и геометрически правильных линий. Всматриваясь, Инга узнает в них карту Перми и прилегающей к городу территории с деревнями и селами. Дороги, автострады и шоссе формируют лицо, вытянутое, суровое, обрамленное волосами — цепочками лесопосадок и парковых зон. Протекающая по городу река образовывает выпученные глаза, а мост, разделяющий реку надвое — верхнюю часть переносицы. Расплющенный нос возникает из комбинации улиц, ртом чудовища служит зеленеющий микрорайон. Болотный, пленсневелый рот.

Инга словно в сплетении комнат-галерей, вырастающих друг из друга или перетекающих одна в другую в некоей телескопической перспективе.

Пространство здесь искривлено: руками-кварталами, пальцами-переулками Первоматерь поддевает пласти реальности, которые принимают вид нитей из клубка пряжи, и выплетает новую явь.

Штор на окне нет. Снаружи широкой волной впивается в стекло стареющая, но все еще могучая ночь, а в душе Инги земля кристаллизуется, превращаясь в ледник, гряды ледяных хребтов вонзаются в хрупкое от мороза небо, нервная дрожь перемежается сильным страхом.

В дребезжащем вое она различает слова.

— Подойди, — не просит — требует Первоматерь.

Карта пульсирует, то теряя, то обретая режущую глаза четкость. Голос выплывает из нее, словно клуб зловонного дыма.

Делая шаг, Инга улавливает двадцать пятый кадр, показывающий истинный облик Первоматери — недоступного человеческому разуму паукообразного чудовища, раскинувшего сотни лап, выгнутых под разными углами, по сторонам.

«Всё это — части одной картины», — сказал ей мертвец, и сейчас она понимает, что подразумевалось под этой фразой. Всё это части единого целого, паутины изъеденного порчей мира, который плетет Первоматерь, посыпая по нитям импульсы злой энергии.

— Ближе, — приказывает тварь.

Подобные голоса, думает Инга, доносятся с той стороны решетчатых окон дурдома. Или из глубоких темных расселин... Она таращится на Ингу, сквозь Ингу, сканирует, как рентген, анализирует полученные результаты.

Инга подходит ближе и чувствует, как дороги, аллеи, магистрали и мостовые, тошнотворно теплые, обволакивают ее тело. Губы существа темно-оливкового, даже малахитового оттенка расходятся в улыбке, микрорайон как будто рвется на две части, и в образовавшемся провале возникают два бивня. Первоматерь голодна, ей нужно подкрепиться, прежде чем путешествовать дальше.

Реальность подергивается рябью, воздух принимает вид полотна, и в этот миг Инге кажется, что рядом с собой она видит контуры человеческой фигуры. По очертаниям это девушка, глядывающая в нее словно с другой стороны ткани. Будто бы два пространства встали лицом друг к другу, разделенные тряпичной стеной.

Девушка вздрагивает: ей вдруг почудилось, что глаза у вышитой на холсте, съедаемой монстром женщины, живые. Она отходит в центр галереи, чтобы оценить произведение целиком: красочная, шитая многоцветием ниток алентура раскинута по всей длине стены. В мягком свете приглушенных прожекторов образы, запечатленные на полотне,

выразительны, колоритны.

Буйство красок и многогранность вытканых изображений поистине ошеломляют! Каждый клочок gobelena содержит отдельные сюжеты, которые хоть и разнятся, но дополняют друг друга, вытекают один из другого, объединенные общей идеей. Однако хитрое сплетение узоров и совокупность образов не вызывают сумятицы — наоборот, взгляд явственно различает каждый рисунок, каждый завиток какой-либо сцены, будь то сиделка, убивающая стариков, или уродцы, выскакивающие из горящих хижин. Если двигаться вдоль полотна с самого начала и до конца, создается впечатление, что стилизованные фрагменты и персонажи живут своей жизнью, нескончаемо повторяя ту страшную ночь, нитями соединившую их вместе раз и навсегда.

На табличке выведено название: «Пришествие Первоматери». Автор неизвестен.

Кем бы он ни был — безумец или гений, а может, то и другое вместе, — творение вышло достойным. Оценив изделие, девушка уходит, и Пермский музей современного искусства завершает на сегодня работу.

Радио в зале с gobеленом все еще включено, музыка уступает место ежечасным новостям: изуверские культуры, невинно осужденные, продажа органов и истребление бездомных животных. На поверхность Камы выплывает гигантское лицо.

IX

РОССИЙСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНОФЕСТИВАЛЬ
ОСТРОСЮЖЕТНОГО
КИНО И ХОРРОР
ФИЛЬМОВ

16+

25-31 МАРТА

VR игры

VR FILM

27-31 МАРТА
премьерные
кинопоказы
в кинотеатрах

"Мир Искусства"

30 МАРТА

мастер-класс

31 МАРТА

премии награждения

ART FOOD

Подробнее:
www.horrorpremia.ru

84957240593

